

РАСКРЫТЫЙ ПОРТФЁЛЬ.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЬНЫЙ ВЫПУСКЪ.

РАСКРЫТЫЙ ПОРТФЁЛЬ:

ВЫДЕРЖКИ

ИЗЪ

«СШИТЫХЪ ТЕТРАДЕЙ»

АВТОРА,

НЕ ЖЕЛАЮЩАГО ОБЪЯВЛЯТЬ
СВОЕГО ИМЕНИ.

ПЕРВЫЙ

ОТДѢЛЬНЫЙ ВЫПУСКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛЕОНИДА ДЕМИСА.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17-го января 1859 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

«Раскрытый портфель» есть уже вторая книга, печатаемая подъ фирмою «изданіе любителя».

Первымъ предпріятіемъ этого изданія было появленіе, въ концѣ 1858 года, драматической пародіи Константина Сергѣевича Аксакова: «*Олеги подѣ Константинополемъ*».

Въ предисловіи къ ней объявлено, что подъ фирмою: «изданіе любителя» будутъ печатаемы, по мѣрѣ возможности, литературныя произведенія, при добросовѣстномъ убѣжденіи, что онѣ заслуживаютъ вниманія читателей.

Взгляды бываютъ различны.

Названіе «любитель» показываетъ нѣкоторое знакомство съ искусствомъ, а потому издатель, сдѣлавъ такое обѣщаніе, долженъ, при этой второй печатаемой имъ книгѣ, отдать отчетъ въ своемъ взглядѣ на первую.

Статья объ этомъ помѣщается съ этою цѣлію въ концѣ предисловія.

Еще не всѣ журналы и газеты успѣли высказать свое мнѣніе (*), а окончательный судъ о новомъ этомъ изданіи еще тѣмъ болѣе впереди. Когда же выйдутъ всѣ критики и рецензіи, то будетъ изданъ краткой имъ перечень, съ требующимися объясненіями.

Издатель—любитель поставляетъ это послѣднее себѣ за правило по отношенію ко всѣмъ сочиненіямъ, которыя будутъ печатаемы имъ подъ этою фирмою.

Необходимо, однако же, нѣсколько ознакомить читателей предварительно съ общимъ характеромъ *«раскрытаго портфеля»*, котораго выходитъ теперь только еще первый выпускъ, но если онъ будетъ принятъ публикою одобрительно, то можетъ еще выйдти четыре и болѣе, въ противномъ же случаѣ изданіе остановится на первомъ.

«Сшитыя тетради» составились мало по малу, съ единственною цѣлію автора: собрать во едино, пересмотрѣть и исправить все, что было написано имъ въ продолженіе слишкомъ сорока лѣтъ литературной своей дѣятельности, естественно переходившей отъ юности, къ лѣтамъ возмужалымъ, отъ незрѣлости и соединенной съ нею неопредѣленности,

---

(*) Писано 2 Февраля.

къ опыту и сознанію. Цѣль эта очень понятна въ сочинителѣ, какъ человѣкѣ, уже пережившемъ 60 лѣтъ, въ особенности при обстоятельствахъ, въ которыя поставили его исключительные случаи жизни, отчуждивъ въ послѣднее время отъ всего, что составляетъ наслажденіе въ искусствѣ и фантазіи, и слѣдовательно оставивъ для него въ литературѣ одно прошедшее. Это душевное состояніе такъ ярко выражено въ стихотвореніяхъ: *«Мечта о поминкахъ»* и *«Я умеръ»*, а также въ христіанскомъ чувствѣ предложенія молитвы: *«Господи и владыко живота моего»*, обличающей минуты умиительнаго обращенія души къ Подателю силъ, въ борьбѣ съ судьбою, начавшейся для автора еще съ первыхъ лѣтъ молодости, что онѣ помѣщаются въ этомъ первомъ выпускѣ «раскрытаго портфеля» съ особенною цѣлію: съ перваго же раза ознакомить съ нѣкоторыми данными касательно сочинителя и показать собственныя его отношенія къ издаваемымъ его произведеніямъ. Стихотвореніе: *«нѣтъ одного»*, также не чуждо этой цѣли съ литературной точки зрѣнія, какъ показываетъ то сдѣланная къ нему выноска.

Въ выборѣ остальныхъ «выдержекъ,» и въ особенности послѣднихъ шестнадцати отдѣльныхъ стихотвореній, издатель имѣлъ подоб-

ную же цѣль представить въ нихъ, сколько то позволить содержаніе, перемѣняющуюся игру фантазіи автора, всегда находящейся въ чѣловѣкѣ подъ вліяніемъ дѣйствующихъ на него впечатлѣній, а также рядъ жизненныхъ его положеній, неминуемо отражающихся въ лирическихъ созданіяхъ, когда онѣ составляютъ не безвдохновенныя подражанія, не заказное исполненіе заданной темы, а вызваны изъ души потребностію самобытнаго, возбуди-вшаго ее чувства. Цѣль эта не могла быть достигнута здѣсь вполне, по невозможности помѣстить всего, что могло бы охарактеризовать всѣ эпохи и оттѣнки, но послѣдующіе выпуски, если пріемъ публикою этого начала ободритъ къ продолженію, послужатъ дальнѣйшимъ того развитіемъ, покуда полное изданіе «сшитыхъ тетрадей,» носящихъ въ цѣломъ названіе: «литература и дѣло,» не раскроетъ всѣхъ сторонъ литературной и дѣловой жизни сочинителя.

Хотя имени автора не выставлено и не помѣщено и не будетъ помѣщаемо въ этихъ выдержкахъ ничего извѣстнаго уже всѣмъ изъ печати, но эта тайна не для всѣхъ и въ особенности не для литераторовъ. Для многихъ изъ нихъ, съ самаго же начала, откроетъ ее напечатанная здѣсь первая часть трилогіи: «Часы

съ флейтой,» ходившей по рукамъ въ рукописи уже лѣтъ около двадцати тому назадъ. Тайна имени, слѣдовательно, только для публики, или, выражаясь вѣрнѣе: *для печати*.

За чѣмъ и почему желаетъ того авторъ, нѣтъ никому до этого дѣла, но всякое такое желаніе должно быть уважаемо, и благородство критиковъ конечно не измѣнитъ себѣ въ томъ никакими догадками или намеками. Тѣ же, которые, узнавъ объ имени сочинителя изъ знакомыхъ имъ отрывковъ, или будучи наведены на него другими, пожелали бы прочесть все, что имъ напечатано, предупреждаются, что подъ собственнымъ его именемъ они найдутъ только произведенія самыхъ молодыхъ его лѣтъ. Впослѣдствіи онъ самъ отличилъ отъ нихъ эпоху литературной своей зрѣлости взятымъ псевдонимомъ; когда же, по независѣвшему отъ него случаю, печатно открылась тайна псевдонима, онъ издалъ нѣсколько сочиненій безъ всякаго обозначенія имени. (*)

Эпохи жизни писателя много объясняютъ въ духѣ и направленіи его творчества. По этому, въ этихъ «выдержкахъ», подъ каждымъ сочиненіемъ выставленъ годъ, въ который оно

(*) Нѣкоторыхъ, какъ подъ псевдонимомъ, такъ и безъ всякаго имени, не находится въ продажѣ.

написано. Необходимо уже къ тому сказать, что авторъ родился въ концѣ 1797 года. Если же, при строгомъ разборѣ, окажется въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ хронологическая невѣрность, какъ напримѣръ, въ помѣщаемой здѣсь повѣсти «Нимфодора», написанной въ 1825 году, упомянуто о картинѣ Моллера: «поцѣлуй», вышедшей изъ подъ его кисти гораздо уже послѣ, то это, не составляя анахронизма по отношенію къ сущности литературнаго созданія, есть послѣдствіе позднѣйшихъ исправленій, при которыхъ воображеніе авторовъ почти всегда увлекается, передѣлываетъ и дополняетъ.

Въ самомъ расположеніи сочиненій въ этихъ «выдержкахъ» не соблюдено и не предполагается соблюдать хронологическаго порядка. Если сдѣлано въ томъ исключеніе для послѣднихъ шестнадцати отдѣльныхъ стихотвореній этого перваго выпуска, напечатанныхъ въ послѣдованіи времени ихъ написанія, то особенная цѣль того объяснена выше. Главное вниманіе обращено на то, что бы содержаніе каждаго выпуска было, сколько возможно, разнообразнѣе.

ВЗГЛЯДЪ ИЗДАТЕЛЯ

НА ПЕРВОЕ, НАПЕЧАТАННОЕ ИМЪ, ПОДЪ ФИРМОЮ
«изданія любителя», СОЧИНЕНИЕ К. С. АКСА-
КОВА: «*Олежъ подъ Константинополемъ, дра-
матическая пародія, въ трехъ дѣйствіяхъ,
въ стихахъ, съ прологомъ*».

Забавное въ искусствѣ состоитъ въ представленіи съ смѣшной стороны какого-либо предмета изъ дѣйствительной жизни. Иногда это бываетъ *насмѣшкою*, иногда *простою шуткою*, иногда же *орудіемъ критики*. Всѣ эти свойства содержатся и въ Карикатурѣ и въ Сатирѣ; но *Карикатура*: кривое зеркало, *Сатира*: школа нравовъ, а *Пародія*: подражательное воспроизведеніе, всегда только съ смѣшной стороны. Она смѣшивается иногда съ первою (какъ на примѣръ: «*le Docteur Isombar*», въ представленіи г. Шарпантье, или пѣніе Арины Ѳедотовны, въ комедіи г. Островскаго: «не въ свои сани не садись»), но никогда не можетъ достигнуть нравственнаго величія второй.

Пародія есть иногда *улыбка на серьезноѣ лицѣ*. Пародию писали Расинъ и Буало; Баратынскою, Дельвигомъ

и Пушкинъ. Она точно также не унижаетъ литератора, какъ самаго глубокаго ученаго не можетъ унижить, въ часъ отдохновенія отъ занятій, веселый разсказъ, дѣлающій его, при заслугахъ въ наукѣ, еще и пріятнымъ собесѣдникомъ. Разумѣется, однако же, что это въ такихъ только случаяхъ, когда, какъ разсказъ, такъ и пародія, не напитаны язвительною желчью и высказаны пріятно и благородно; оба же эти качества составляютъ неоспоримую принадлежность пародіи Г. Аксакова.

Въ бѣльшей части пародій, если не во всѣхъ безъисключительно, есть всегда что-то низкое, тривіальное; въ пародіи же г. Аксакова каждое слово отзывается пріемами хорошаго общества.

По всѣмъ извѣстнымъ доселѣ пародіямъ, ее опредѣляютъ такъ: «Пародія есть сочиненіе, въ стихахъ или прозѣ, сдѣланное на какое нибудь серьезное произведеніе, съ обращеніемъ его въ смѣшную сторону, посредствомъ какихъ-либо измѣненій, или совращенія отъ существеннаго его назначенія къ предмету забавному».

Въ пародіи г. Аксакова мы видимъ шутку надъ усиліемъ Олега (въ лицѣ котораго представляется въ этомъ отношеніи вообще человѣкъ) предотвратить, блистательнымъ подвигомъ, предсказанное ему волхвомъ уничтоженіе, въ потомствѣ, будущимъ ученымъ скептикомъ, самой вѣры въ его существованіе, и потомъ превосходно пародированную лекцію самаго этого ученаго, объ Олѣгѣ, какъ мифѣ, послѣ блестящаго его дѣла, записаннаго въ исторіи.

Неожиданность, по содержанію первой части пародіи, такихъ словъ профессора, придаетъ имъ самый забавный комизмъ; блистательный же подвигъ Олега драматически пред-

ставленъ въ такихъ полныхъ свѣжести краскахъ, одѣтъ такою изящною рѣчью, сопровожденъ такими прекрасными картинами, что, при чтеніи, невольно увлекаешься: и относительно богатымъ мыслямъ, и игривостію воображенія, и музыкою стиховъ; даже участіемъ къ судьбѣ дѣйствующихъ въ піесѣ лицъ, будто бы въ самомъ серьезномъ драматическомъ сочиненіи.

Обратимъ вниманіе при томъ на важное достоинство: самобытность произведенія.

Что это пародія, того конечно никто оспаривать не станетъ. Мы даже показали въ чемъ состоитъ главное пародическое ея содержаніе. Но вникните въ приведенное нами выше опредѣленіе пародіи, сдѣланное по существующимъ образцамъ этого рода. Совершенно ли подходитъ оно къ сочиненію г. Аксакова? Его пародія есть ли обращеніе въ смѣшную сторону *серьезнаго творенія*, или *совращеніе его отъ существеннаго назначенія*? Конечно, первое изъ этихъ двухъ положеній частію оправдывается въ эпилогѣ комическимъ воспроизведеніемъ лекціи (мы здѣсь употребляемъ слово *воспроизведеніе*, потому что оно есть непремѣнное условіе пародіи), но въ ней взято предметомъ не столько языкъ лекціи, сколько заключающійся въ ней скептицизмъ. Въ стремительныхъ порывахъ Олега содержится опять не сочиненіе, а дѣйствіе и присущая человѣку страсть. — Слѣдовательно, выписаннаго нами опредѣленія недостаточно (*). Изъ этого ясно, что г. Аксаковъ раздвинулъ своимъ сочиненіемъ предѣлы

(*) Опредѣленіе это взято изъ извѣстнаго «*Dictionnaire des sciences, des lettres et des arts, par Bouillet*»; только еще въ третьемъ году вышедшаго.

пародіи и возвысилъ ее, давъ ей цѣль и значеніе болѣе важныя; а потому мы должны признать за нимъ эту заслугу предъ искусствомъ, свидѣтельствующую между прочимъ о силѣ и самобытности его дарованія.

Сочиненіе это, въ качествѣ пародіи, не ограничивается еще тѣмъ, что мы указали въ ней пародическаго. Г. Аксаковъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что «преувеличенное изображеніе Олега Государемъ эпохи развитой и просвѣщенной, есть также пародія на стихотворныя идеализаціи исторіи, въ появлявшихся въ 30-хъ годахъ нѣкоторыхъ патріотическихъ драмахъ, и вообще на звучность стиховъ, иными принимаемую еще и теперь за поэзію.»

Вотъ тутъ самъ авторъ какъ будто бы роняетъ достоинство звучнаго поэтическаго стиха своего, вслѣдствіе чего, въ одной изъ вышедшихъ рецензій, при заключеніи, что будто бы «единственное достоинство этой пародіи сохранилось для насъ въ звучномъ, обработанномъ стихѣ», сказано, что «такой стихъ, по выраженію самого г. Аксакова, не составляетъ поэзіи.» Такому приговору предпосланъ въ той рецензій еще другой: что пародія эта «потеряла современность, а съ нею и занимательность», чему также самъ авторъ подаль поводъ скромнымъ своимъ, *почти* въ тѣхъ же словахъ выраженнымъ замѣчаніемъ.

Нельзя всегда вѣрить автору на слово, когда рѣчь идетъ о собственныхъ его достоинствахъ или недостаткахъ. Иные считаютъ себя гениями, которымъ должны всѣ только поклоняться, и потому сами сооружаютъ себѣ, еще при жизни, памятники. Слова нѣтъ, что нѣкоторые изъ этихъ, заживо построенныхъ мавзолеевъ, не только уцѣлѣли, но даже еще болѣе украшены; а сколько

же за то ихъ срыто потомствомъ до основанія? Иные, напротивъ, хотя, въ минуту творчества, дѣйствуютъ съ полною увѣренностію въ своихъ силахъ (безъ чего ни кто не произведетъ ничего смѣлаго, ничего самобытнаго), но, въ самомъ же храмѣ, гдѣ совершаютъ приношеніе, еще гадаютъ потомъ по внутренностямъ жертвы, благо ли будетъ къ нимъ призываемое божество.

Что бы сказалъ рецензентъ, если бы Илліада, или Божественная комедія, были открыты только въ наше время?—*«Устарѣло? Уже болѣе не занимательно?»* Вѣроятно нѣтъ, потому что *«Художественное никогда не теряетъ занимательности и не одно только современное интересуется въ произведеніяхъ искусства»*. Но совершенно ли еще справедливо заключеніе о несовременности сочиненія г. Аксакова?

Эпоха проявленія въ преподаваніи русской исторіи скептическаго ученія, взятаго въ предметъ этой пародіи, отстоитъ отъ насъ еще только на 25 лѣтъ. Самъ авторъ слушалъ эти лекціи, а онъ еще въ самой силѣ своей жизни. Сколько же сверстниковъ его могутъ ему сочувствовать? Сколько изъ нихъ сидѣли, можетъ быть, на однѣхъ съ нимъ студенческихъ скамьяхъ? Всѣ они принадлежать къ новому поколѣнію. Не уже ли же сочиненіе, напечатанное въ 1858 году, только тогда современно, когда событіе, служащее ему содержаніемъ или предметомъ, произошло въ 1858—мъ? Какъ же это Корнель, Расинъ, Вольтеръ, а у насъ Озеровъ и другіе, выводили древнихъ—то героевъ и писали трагедіи, увлекавшіа современниковъ своею занимательностію? Современно въ нихъ было искусство.

Но еще является для нѣкоторыхъ вопросъ: можетъ ли художественное быть въ пародіи?

Опредѣливъ, что художественное есть *плодъ эстетики*: соединеніе въ искусствѣ относительныхъ условій вкуса, и поставивъ въ примѣръ Гогарта, прославившагося карикатурами, но написавшаго цѣлый трактатъ о *прекрасномъ*, съ увѣренностію выводимъ заключеніе, что если бы Гогартъ не имѣлъ понятія о прекрасномъ (во всестороннемъ значеніи этого слова), то не произвелъ бы такихъ *прекрасныхъ*, обезсмертившихъ его *карикатуръ*; и что если прекрасное, и нераздѣльное съ нимъ художественное, можетъ быть въ карикатурѣ, то тѣмъ болѣе оно доступно пародіи.

По отношенію къ звучному стиху и поэзіи, это такъ соединено въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, что хотя авторъ, по словамъ его, предназначилъ цѣлю того *пародію*, однако читая ихъ, восхищаешься и забываешь о пародической ихъ цѣли. — Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Вотъ пѣснь Кіевлянъ:

«Надъ рѣкою
«Надъ родною
    «Да надъ быстрою,
«Я заботой,
«Да работой
    «Хату выстрою;
«Разукрашу,
«Да окрашу
    «Краской бѣлою;
«Гдѣ дорожка,
«Три окошка
    «Тамъ продѣлаю

«Противъ ясна,
«Противъ красна,
    «Противъ солнышка;
«А на ловлю
«Изготовлю
    «Я три челянышка.
«Всѣмъ богата
«Будетъ хата,
    «Чаша полная.
«Съ свѣтомъ встану,
«Утромъ рано
    «Кинусь въ волны я;

«Наряжуся,	«Есть и воля
«Помолюся	«Есть и доля
«Богу младости,	«Да покоя нѣтъ.
«Подойду я	«Разъ въ народѣ,
«И скажу я	«Въ хороводѣ
«Дѣвъ радости:	«Онъ пошелъ плясать,
«Всѣмъ богата,	«Да покой свой
«Видишь, хата	«Со поры той
«Надъ рѣкой стоять;	«Онъ не могъ сыскать.
«Свѣтитъ солнце	«Свѣтъ дѣвица,
«Тамъ въ оконце,	«Бѣлолица!
«Днѣпръ внизу шумить;	«Ты взяла покой!
«Да хозяйинъ	«Такъ поди же
«Опечаленъ	«Принеси же
«Въ ней живетъ, мой свѣтъ!—	«Мнѣ его съ собой!»

Вникните въ эту пѣсню, такъ пріятно, музыкально звучащую для слуха, столько характеризующую изящную простоту мирнаго, сельскаго быта и такъ вѣрно изображающую образъ жизни и занятій поселянина, мечтающаго: какъ онъ выстроитъ новую избу, для того чтобы ввести въ нее будущую молодую свою *княгиню*; какъ онъ будетъ ловить рыбу, для ея угощенія; какъ, утромъ рано, выкупавшись въ рѣкѣ и помолившись Богу, подойдетъ къ своей «дѣвъ радости» и скажетъ ей:

«Всѣмъ богата,
«Видишь, хата
    «Надъ рѣкой стоять;
но
«Свѣтъ дѣвица,
«Бѣлолица!
    «Ты взяла покой!

«Такъ поди же,
«Принеси же
«Мнѣ его съ собой!

наконецъ, такъ привлекательно передающую: и волненіе тоски еще о несоединенной съ нимъ красавицѣ, и уже предвкусіе ожидающаго его съ нею блаженства.

Прочитайте ее со вниманіемъ и вы повторите за нами слова г. Алмазова, изъ его статьи «о поэзіи Пушкина», помѣщенной въ изданномъ въ этомъ году въ Москвѣ сборникѣ: «Утро»:—«*Не ужели звуки звучатъ для того только, чтобы звучать?*» Въ той же статьѣ, приводя чье-то мнѣніе, что «отъ поэзіи Пушкина соотечественники его «ничего не получили кромѣ звуковъ», онъ, съ поэтическимъ увлеченіемъ, восклицаетъ: *«куда-же и за чѣмъ уноситъ насъ русская пѣсня? Куда и за чѣмъ уносятъ насъ звуки великаго нашего пѣвца?»*

Не называя г. Аксакова пѣвцомъ великимъ, не признаетъ ли же съ нами каждый изъ нашихъ читателей, что въ приведенной нами его пѣснѣ звуки прекрасны; стихи же, кромѣ того, завлекательны своею простотою, истинною и поэзіею, содержащеюся въ безукрашенныхъ мысляхъ и чувствахъ, которыми они одушевлены?

Но скажутъ: «одна ласточка не дѣлаетъ весны и одна «эта пѣсня еще не доказываетъ достоинства всего»? Справедливо, но мы полагаемъ, что такая пѣсня можетъ уже ручаться за звуки и картинность, за силу фантазіи, грацію и изящество остальнаго.

Сдѣлаемъ однако же еще выписки, почти безъ выбора, начавъ съ перваго листа и не заходя въ даль, а ограничи-

вшись только первымъ дѣйствіемъ, изъ котораго взята и приведенная пѣсня.

Вотъ, напримѣръ, сцена поднесенія Олегу даней.

Первые подходятъ Древляне:

«Суровые владѣтели дубравъ»;

За ними выступаютъ Поляне, говоря:

«Прими, о Князь, твоихъ Полянъ радушныхъ!
«Мы любимъ миръ, мы любимъ тишину,
«Живемъ въ поляхъ и, въ играхъ простодушныхъ,
«Встрѣчаемъ мы прекрасную весну!

Последними приближаются Хорваты. Въ гористой ихъ отчизнѣ:

«Долины такъ мирны
«И тучныя овцы
«Пасутся на нихъ,
«Лѣнны и жирны.»

Вотъ дѣлаемое Ингелотомъ описаніе Кіева:

«Я съ изумленіемъ глядѣлъ на Кіевъ!
«Не лживая плетъ о немъ молва!
«Украшены изображеньемъ змievъ,
«Летятъ его крылатыя суда;
«Виднѣются вездѣ водопроводы,
«Полезное устройство для гражданъ;
«Вездѣ висятъ мостовъ крутые своды
«И сносятъ дань изъ отдаленныхъ странъ
«Олегомъ покоренныя народы.
«Величіемъ блеститъ его чертогъ,
«Усердными Варягами хранимый!
«Могущество его неодолимо,
«Его богатствъ никто изчестъ не могъ!»

XVI

Вотъ рѣчи Варяга Якуна о Славянахъ, съ точки зрѣнія Варяжской:

«Мы здѣсь живемъ и смѣлый духъ воинской
«Вливаемъ мы въ бездѣйственныхъ Славянъ.
«Ихъ жизнь мы дѣлаемъ теперь полнѣе,
«Внося къ нимъ новый, свѣжій элементъ.

послѣ чего пророчески восклицаетъ:

«И грозное возстанетъ государство,
«Могучее наукой и войной!»

А вотъ и слова Славянина Всеслава о Варягахъ, съ точки зрѣнія Славянской:

«Мнѣ больно видѣть, какъ пришельцы здѣсь
«Кичатся и гордятся передъ нами!
«О! какъ бы я желалъ унять ихъ спѣсъ,
«Помѣриться съ надмѣнными бойцами!
«Я показалъ бы, что Славянской мечъ
«Врага умѣетъ на двое разсѣчь!

Достаточно ли теперь этихъ примѣровъ изъ одного только перваго дѣйствія? Не ужели этого мало для подтвержденія того, что мы сказали? Читавшіе рецензію въ 3-мъ номерѣ «Русскаго Міра» еще видѣли, въ сдѣланныхъ тамъ выпискахъ, мѣста, свидѣтельствующія объ игрѣ фантазіи, силѣ мысли и стихотворческомъ искусствѣ автора; въ одномъ же изъ тѣхъ отрывковъ: пророчествѣ волхва о будущемъ ученомъ мужѣ (также изъ 1-го дѣйствія), и въ запальчивомъ о немъ отвѣтѣ ему Олега, оскорбленнаго въ славолюбивыхъ своихъ помыслахъ, а также въ приведенной тамъ изъ эпиллога самой лекціи профессора, сколько непод-

дѣльнаго комизма, умѣстнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимаго въ характерѣ пародіи?

Издатель помѣщаетъ здѣсь этотъ свой взглядъ на напечатанное имъ произведеніе г. Аксакова, съ единственною цѣлію оправдать себя предъ читателями въ сдѣланномъ имъ выборѣ, ни мало не имѣвъ въ виду двухъ еще только извѣстныхъ ему, вышедшихъ на это сочиненіе рецензій. Объ одной изъ нихъ, напечатанной въ 3-мъ номерѣ «Русскаго Мира,» онъ, однако же, невольно упомянулъ, потому что это рецензія благородная, написанная съ цѣлію добросовѣстною, въ безпристрастномъ исполненіи обязанности журнала высказать свое мнѣніе о новой книгѣ. Если мы не во всемъ согласны съ изложеннымъ въ ней мнѣніемъ, то представляемъ здѣсь на судъ публики свои опроверженія, безъ всякаго неудовольственнаго чувства противъ рецензента, а напротивъ того, съ полнымъ къ нему уваженіемъ. Онъ коснулся и издателя, но выразилъ несогласіе съ помѣщеннымъ имъ, въ предисловіи къ Олегу, примѣчаніемъ о всегдашней занимательности художественнаго. На это было у него полное право; но онъ не укорялъ его за то, напримѣръ, что онъ не отдалъ книги для продажи на коммиссію въ книжный магазинъ, что продаетъ ее въ такомъ-то домѣ книгопродавцамъ съ уступкою 20% и притомъ не менѣе какъ по десяти экземпляровъ, а не по одному, какъ изъ лавки; не приводитъ анекдота, что какой-то господинъ, пожелавъ вѣроятно заплатить за эту книгу 60 коп., вмѣсто 75-ти, изтеръ болѣе чѣмъ на 15 коп. подошвъ у своихъ сапоговъ, долго ходивъ по двору указаннаго въ объявленіи дома, спрашивавъ у дворниковъ: гдѣ живетъ *издатель-любитель*? (принялъ видно за имя или фамилію, что,

при недогадливости, бываетъ) и получавъ отъ нихъ въ отвѣтъ, что такого неимѣется, а развѣ не нужно ли вамъ *Любимова*?

Впрочемъ и такія рецензіи не безполезны. Въ нихъ всегда можно увидѣть что нибудь дурное въ разбираемомъ сочиненіи. Такъ, по случаю пародіи г. Аксакова, тамъ можно найти выписанными нѣсколько, дѣйствительно неудачныхъ стиховъ, числомъ три или четыре. Мы и сами указали бы къ нимъ еще на нѣкоторые, но полагаемъ, что цѣль добросовѣстнаго отзыва о какомъ-либо новомъ сочиненіи, преимущественно состоитъ въ обнаруженіи господствующаго въ немъ качества. Въ пародіи г. Аксакова, на три дѣйствія съ эпилогомъ, наберется неудачныхъ стиховъ можетъ быть и цѣлый десятокъ, но въ такихъ заслуживающихъ вниманія произведеніяхъ, какъ «Олегъ подъ Константинополемъ,» если и есть искусники отыскивать только дурное, то «*мы не изъ ихъ числа*» и даже не понимаемъ: какъ человѣку, и еще литератору, гуляя по роскошному лѣсу дубовъ и каштановъ, вмѣсто того, чтобы восхищаться богатою растительностію, находить одни трюфели?

По окончаніи набора этой статьи, вышла еще рецензія на означенную пародію въ «Отечественныхъ запискахъ»; третья, сколько намъ извѣстно. Рецензія благонамѣренная, въ которой, при нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ, отдана справедливость «бойкому и правильному стиху» Г. Аксакова.

Такъ какъ здѣсь мы не пишемъ собственно отвѣта на журнальныя мнѣнія, то и не распространяемъ статьи по поводу этого новаго отзыва, но она сама по себѣ уже служитъ отвѣтомъ на сомнѣніе въ томъ, что упомянутая пародія имѣетъ дѣйствительно характеръ пародіи; признаніе же рецензентомъ достоинства въ ней стиха, есть уже второе, съ «Рускимъ міромъ», подтвержденіе нашего

на это взгляда противъ одного неодобрительнаго мнѣнія рецензента въ «Современникѣ». Послѣдній дѣйствительно, какъ сказали мы, изъ пяти стиховъ, напечатанныхъ имъ курсивомъ, привелъ два неудачныхъ (не въ такой однакоже степени, какъ могутъ подумать) и два съ неточными приемами; но что же дурнаго въ двухъ слѣдующихъ:

*«Тогда; но можетъ быть... Теперь скорѣе
«Къ стѣнамъ Царьграда».*

или:

«Нѣтъ, нѣтъ! Есть другой, возвышенный міръ!»

Первый стихъ принадлежитъ къ такимъ изъ переходныхъ въ слѣдующую рѣчь, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ стихотворный рассказъ, ни одинъ монологъ; а во второй вкралась опечатка, недосмотрѣнная издателемъ. Стихъ этотъ написанъ авторомъ такъ:

«Нѣтъ, нѣтъ! Есть другой, есть возвышенный міръ!»

Главная вина издателя въ опущеніи запятой, отдѣлявшей въ понятіи возвышенный міръ Элиновъ отъ грубаго міра Скиновъ, но литераторъ-рецензентъ, если не догадался о пропускѣ слова по недостатку слога въ стопѣ, то могъ, при благонамѣренности, по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе требованія смысла, возстановить запятую.

Все-таки, однакоже, и эти стихи, выбранные изъ богатаго запаса прекрасныхъ стиховъ на 96-ти страницахъ, содержатъ болѣе пріятную звучность, нежели слѣдующая проза рецензента: *«Все это могло бы быть очень забавно»*, если авторъ этого бы-бы, не хотѣлъ съ намѣреніемъ подражать барабану.

Впрочемъ, выписка эта нами сдѣлана единственно для показанія, какъ и въ самыхъ благозвучныхъ сочиненіяхъ, къ какимъ принадлежитъ проза рецензента, можно найти такой *грибъ*, котораго мы, вѣроятно, и не нашли бы, по неимѣнію нужной для того способности, если бы онъ прямо не попалъ намъ подъ глаза.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ИЗДАТЕЛЯ

О СЛАВЯНСКОМЪ БАСНОСЛОВИИ,

къ напечатанной въ этихъ «выдержкахъ» первой части лирическаго
представления: «Чудо Перуна».

Хотя произведеніе изящной литературы не требуетъ большой исторической точности, но лучше, если оно не разногласитъ съ исторіею.

Многіе полагаютъ, что русскими языческими божествами должны быть признаваемы только семь, которыхъ кумиры были поставлены Владиміромъ въ Кіевѣ. Извѣстно однакоже, что онъ желалъ собрать во едино боговъ, почитаемыхъ разными племенами, даже не однѣми Славянскими, а потому не слѣдуетъ ли изъ того, что означенные семь идоловъ (*) изображали только главные предметы ихъ вѣрованій и что *соединительная языческая вѣра*, предпринятая Владиміромъ до принятія Христіанства, расширяетъ предѣлы русской мифологии во всѣ стороны язычества народовъ сосѣднихъ.

Это приводится въ оправданіе того, что въ пѣснь «Чудо Перуна», упомянуто о многихъ божествахъ не изъ числа семи Кіевскихъ.

(*) Можно думать, что и десять, потому что, сверхъ семерыхъ, именovanýchъ Несторомъ, упомянуто еще четыре въ Чети-Минѣе.

За тѣмъ каждый можетъ приписывать объясненія по слѣдующему алфавитному списку:

Водовикъ, или **Водяной Дѣдушка**, а также **Водяныя Чуды**: были, въ языческомъ воображеніи, населявшія воды страшилища.

Зничь: священный, неугасаемый огонь. Для него были особое служеніе и храмы.

Золотая мать: божество тишины и покоя. Нѣкоторые полагаютъ ее матерью боговъ. Истуканъ ея былъ весь золотой, или вызолоченный.

Кощей, или **Кашей**. Русское баснословіе описываетъ его живымъ остовомъ, страшно любившимъ молодыхъ красавицъ и уносившимъ ихъ въ свои палаты отъ родителей и супруговъ.

Кикимра: божество сна и ночныхъ видѣній. Поселялась невидимкою въ домахъ и обыкновенно занималась по ночамъ пряденіемъ, при чемъ слышалось движеніе веретена ея.

Купало: богъ плодовъ и цвѣтовъ. Имѣлъ храмъ въ Кіевѣ. Ему праздновали въ день нынѣ-святой мученицы Агриппины, почему она и получила въ простонародіи названіе *Купальницы*.

Лада: Славянская богиня красоты и любви, браковъ и веселья, По Чети-Минѣѣ, имѣла въ Кіевѣ храмъ.

Лель: сынъ Лады, Славянской богъ любви. — Профессоръ Глинка, написавшій въ 1804 году сочиненіе о религіи Славянъ, говоритъ, что онъ изображался мечущимъ изъ руки искры.

Лѣши: лѣсные божества. Косматые Славянскіе Сатиры, ходившіе по лѣсу наравнѣ съ лѣсомъ, а по травѣ наравнѣ съ травою. Они, въ лѣсахъ, обходили кругомъ прохожихъ, затмѣвали имъ память и заставляли блуждать. Откликались на голосъ, когда кто аукался.

Мерцана: богиня жатвы, а также Славянская Аврора, или Заря. Выходила иногда, по ночамъ, рѣзвиться надъ созрѣвающими колосьями и называлась тогда *Зарницею*.

Перунъ. Важнѣйшій изъ Славянскихъ боговъ, властитель грома и молніи. Божество грозное, которому въ жертву приносили воловъ и плѣнниковъ. Иногда посвящали ему также волосы съ головы и бороды. Въ Кіевѣ былъ воздвигнутъ ему великолѣпный храмъ надъ

Боричовымъ потокомъ. Идолъ его былъ деревянный, голову имѣлъ серебряную, усы у него были золотые, ноги желѣзныя. Въ рукахъ онъ держалъ изображеніе молніи, которую представляли вмѣстѣ—составленные рубины и карбункулы. Предъ нимъ всегда горѣлъ неугасаемый огонь пылающаго дуба. Смерть была наказаніемъ жрецовъ, по неосторожности которыхъ онъ угасалъ.

Р у с а л к и: богиниводъ и лѣсовъ; Дьяволы женскаго рода, съ длинными зелеными волосами, которые онъ любили расчесывать широкими костяными гребнями, сидя на берегу, и въ такомъ положеніи бывая видимы проходившими. Заманивали къ себѣ и защекачивали до смерти.

С в ѣ т о в и д ъ: богъ солнца и войны. Имѣлъ храмъ на островѣ Ругенѣ, въ Славянскомъ городѣ *Ухронъ*, или *Ахронъ*. Огромный его, изъ крѣпкаго дерева сдѣланный истуканъ, былъ о четырехъ лицахъ, на подобіе фонарей, въ ознаменованіе того, что онъ одновременно смотрѣлъ во всѣ стороны свѣта. Иные полагаютъ, что четыре лица означали четыре времени года. Идолъ этотъ былъ безъ бороды, съ завитыми кудрями и въ короткой одеждѣ; имѣлъ въ лѣвой рукѣ лукъ и стрѣлы, представлявшія лучи солнца, а въ правой изъ разныхъ металловъ рогъ; при бедрѣ же мечъ. Въ сторонѣ лежали сѣдло и узда необычайнаго по величинѣ коня его. Ему приносили въ жертву множество скота. На сокровища храма его содержалось триста всадниковъ, съ такимъ же числомъ лошадей, которые выступали въ походъ во время войны. Добычу свою приносили Свѣтовиду. Верховный жрецъ одинъ имѣлъ входъ въ его капище, удерживавъ для того въ себѣ духъ; когда же хотѣлъ вздохнуть, то отбѣгалъ къ двери и выставлялъ голову наружу, чтобы не осквернить божества смертнымъ своимъ дыханіемъ. Сверхъ упомянутыхъ трехъ—сотъ коней, Перуну въ особенности посвященъ былъ еще бѣлый конь, котораго каждый волосъ считался священнымъ. Одному верховному жрецу позволялось садиться на него. Ахронцы вѣрили, что Свѣтовидъ ѣздитъ на этомъ конѣ для победы противъ враговъ ихъ, потому что, оставлявъ его въ конюшнѣ вычищеннымъ и привязаннымъ, часто находили на другой день покрытымъ потомъ и пылью. По этому коню гадали о судьбѣ войны, заставлявъ его переступать чрезъ три поперечныя копыя, и начинали или откладывали ее, смотря по тому, какъ онъ это исполнялъ. Въ день Свѣтовидова

празднества, по окончаніи жатвы, приносили круглый пирогъ, такой огромной величины, что могъ помѣщаться въ немъ человекъ. Въ него садился жрецъ и громко спрашивалъ предстоявшихъ: видятъ ли они его? По отрицательномъ ихъ отвѣтѣ, онъ обращался къ идолу и молилъ его о томъ, чтобы на будущій годъ хотя мало увидѣли его. Полагаютъ, что жрецъ представлялъ въ это время солнце, въ удаленіи отъ нашего полушарія, т. е. зимою, и молилъ о возвращеніи весны. По совершеніи этого обряда, жрецъ благословлялъ народъ и тогда начиналось общее пированіе, на которомъ каждый старался сколько возможно напиться пьянымъ.

Сивка, бурка, вѣщя каурга: извѣстный сказочный конь.

«Начинается сказка
 «Отъ Сивки, отъ Бурки,
 «Отъ вѣщей Каурки,
 «На честь и на славу
 «Отеческу сыну,
 «Удалому витязю,
 «Храброму рыцарю,
 «Доброму молодцу,
 «Русскому Князю...
 и пр.

Стрибогъ, или **Стриба**: истребительное божество. По содержанію «пѣсни о полку Игоревѣ» полагаютъ однако же, что это былъ богъ вѣтровъ, Славянской Эоль, потому что вѣтры названы въ этой пѣснѣ внуками Стрибожьевыми.

Хорсъ, или **Корша**. Имѣлъ храмъ въ Кіевѣ. Божество болѣзней, а также пьянства. Нѣкоторые однако же думаютъ, что это былъ Славянской Эскулапъ, основываясь въ томъ на словъ: *корчитъ* (?).

Чуръ: Славянской богъ-хранитель межей, полей и пашенъ. *Зачурать себя* означало призвать Чура для своего охраненія.

РАСКРЫТЫЙ ПОРТФЁЛЬ:

ВЫДЕРЖКИ

ИЗЪ

«СШИТЫХЪ ТЕТРАДЕЙ»

АВТОРА,

НЕ ЖЕЛАЮЩАГО ОБЪЯВЛЯТЬ

СВОЕГО ИМЕНИ.

«Мои пѣсни, это я!»

БЕРАНЖЕ.

*(Эпиграфъ къ литературному
отдѣлу «сиитыхъ тетрадей».)*

МЕЧТА О ПОМИНКАХЪ.

С Т И Х И,

НАПИСАННЫЕ АВТОРОМЪ

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

КЪ «СШИТЫМЪ ТЕТРАДЯМЪ».

Предавъ землѣ земной остатокъ
Въ міру усопшаго, друзья
Все берегутъ, что отпечатокъ
Его хранитъ имъ бытія.
Хотя рукою неискусной,
Но имъ срисованный цвѣтокъ,
Для нихъ свидѣтель будто устной
Тѣхъ дней, когда еще потокъ
Живыхъ и яркихъ впечатлѣній
Переносилъ его мечту,
Черезъ рядъ сердечныхъ сновидѣній,
Въ живой восторгъ и красоту

Садовъ волшебныхъ , межъ чудесныхъ ,
Таинственно—преlestныхъ Фей ,
Полуземныхъ , полунебесныхъ ,
Усладь и сердца и очей ;
Когда въ немъ взоръ воспламенялся
Едпнымъ взглядомъ , зажигалъ
Мгновенно сердце , разгарался
И также скоро погасалъ
Отъ новой встрѣчи , подъ влеченьемъ
Кипучихъ , юношескихъ лѣтъ ,
Какъ огонь пожара , дуновеньемъ
На новый брошенный предметъ .
Но въ опустѣломъ кабинетѣ
Давно ужъ образъ тотъ смѣненъ
Другимъ , и тутъ же на портретѣ
Семьею милой окруженъ .
А тамъ : то вѣдомость , то счеты ,
То листь гербовый : кознь людей ,
Свидѣтели трудовъ , заботы
И неуспѣшности ночей .
Друзья живутъ съ нимъ въ томъ отбывшемъ
И , въ дни рожденья , именинъ ,
За панихидой , по отжившемъ
Душевный дѣлаютъ поминъ . . . .
Но иногда , межъ безпорядка
Бумагъ и перьевъ и чернилъ ,
Хранить найденная тетрадка
Слѣды животворящихъ силъ
Души его . Въ ней видны : битва
Его прошедшая съ людьми ,

И заблужденья, и молитва,
И вся борьба его съ страстями;
И то немного, что было
Его цвѣтами и весной,
И то, что вдругъ предъ нимъ разбило
Все зданье радости земной.
Друзья черты тѣ собираютъ,
Порядокъ, стройность имъ даютъ;
Въ нихъ образъ бывшій воскрешаютъ
И будто съ нимъ еще живутъ...
А что и какъ тогда бываетъ
Душѣ, отшедшей отъ земли,
Живущій ни одинъ не знаетъ:
Ту тайну въ небо унесли.

О ТВОРЧЕСТВѢ ВЪ ИСКУССТВѢ.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ

КЪ ТРИЛОГИИ:

«ЧАСЫ СЪ ФЛЕЙТОЙ».

1842 г.

О ТВОРЧЕСТВѢ ВЪ ИСКУССТВѢ.

(Изъ предисловія къ трилогіи «Часы съ флейтой») (*).

Нѣкоторые замѣтили, что я имѣю особый взглядъ на драматической родъ сочиненій.

Думая, что для вѣрнаго суда о какомъ либо произведеніи, надобно прежде всего поставить себя на точку зрѣнія автора, и видя изъ многихъ примѣровъ, что гг. критики не всегда подчиняютъ себя этому правилу, я пишу это разсужденіе вмѣсто предисловія къ «Часамъ съ флейтой», которые безъ того могутъ незаслуженно подвергнуться осужденію.

Изложеніе теоріи во всей ея полнотѣ и послѣдовательности заняло бы много времени и мѣста. Это должно быть предметомъ особаго сочиненія. Въ томъ, что я напечаталъ, я представилъ много о томъ мыслей, изъ которыхъ можетъ быть могло бы уже составиться интересное цѣлое, но часто книга, при всей основательности изложенія,

---

(*) Авторъ предполагалъ напечатать трилогію «Часы съ флейтой» еще въ 1842 году, написавъ тогда и это предисловіе, которое уже принаровлено здѣсь только къ случаю настоящаго изданія.

Прим. Издателя.

не достигаетъ своей цѣли потому только, что для усвоившаго себѣ мысль безъ затрудненія не нужна книга, но есть и такіе люди, которые, прочитавъ книгу и во всемъ съ нею согласившись, все еще не понимаютъ основной ея мысли, хотя и думаютъ, что ее поняли.

Тотъ, кто захочетъ познакомиться съ моимъ воззрѣніемъ, пусть прежде постарается забыть о всѣхъ теоріяхъ: каждая изъ нихъ приводитъ къ одностороннему взгляду на искусство, поселяя предубѣжденіе въ пользу той или другой стороны. Особенно тамъ, гдѣ есть что нибудь необыкновенное, надобно смотрѣть глазомъ свѣжимъ, самобытнымъ, такъ сказать: новымъ.

Пусть попробуютъ взглянуть на драму просто, какъ на жизнь. Тогда, можетъ быть, то, что безъ этого условія показалось бы несомѣстнымъ, вводимымъ, представится связаннымъ тѣсно съ драматическимъ созданіемъ, вошедшимъ въ него изъ того прообраза жизни, котораго оно служитъ воспроизведеніемъ.

Если кто будетъ осматривать зданіе, требуя, чтобы каждая линія шла по шнуру отвѣса и все разчерчивая подъ прямымъ угломъ, то каждая геніяльно брошенная арка, всякое вкусомъ вдохнутое отступленіе, будутъ въ его глазахъ порокомъ; зданіе же, построенное по такимъ требованіямъ, ничего не выиграетъ въ правильности и все потеряетъ въ изяществѣ.

Если разбирать такимъ образомъ драмы (*), то разнородныя сцены, иногда въ нихъ помѣщаемыя, покажутся лишними. Но гдѣ же, безъ нихъ, было бы то разнообразіе, въ которомъ проявляется жизнь? Если вы представляете, напримѣръ, Москву, въ ея весеннемъ разгулѣ, съ ея добродушною улыбкою, то дайте же ей этотъ разгулъ, эту улыбку. Гдѣ же, безъ того, жизнь драмы? Не ужели довольно того, если написано въ концѣ лицъ: «дѣйствіе въ Москвѣ», а въ заголовкѣ сцены: «видъ представляетъ сельское мѣстоположеніе»? Такимъ образомъ, отъ той точки, куда уже привело насъ усовершенствованіе искусства, мы пойдемъ назадъ, къ тому времени, когда на площадныхъ театрахъ, вмѣсто декораціи съ деревьями, выставялась доска, съ надписью: «лѣсъ».

Какое истинное опредѣленіе можно сдѣлать драмѣ, кромѣ того, что это жизнь, развитая мыслію? Не ужели все еще не переставать требовать, чтобы каждое слово, каждый шагъ дѣйствующихъ шли по литературному созданію, какъ нити по машин-

---

(*) Въ этомъ предисловіи, въ томъ видѣ, какъ оно находится въ «спитыхъ тетрадахъ», сдѣлано въ этомъ мѣстѣ указаніе на одну изъ драмъ автора, хотя давно уже напечатанную, но, по особенному случаю (относившемуся къ другой книгѣ), взятую имъ изъ продажи прежде, нежели успѣло разойтись нѣсколько экземпляровъ. Такъ какъ такимъ образомъ она почти неизвѣстна публикѣ, то, можетъ быть, въ послѣдующихъ выпускахъ «раскрытаго портфеля», мы познакоимъ съ нею читателей въ отрывкахъ; здѣсь же, покуда, все, относившееся къ ней, передѣлано такъ, что получило смыслъ общій.

ной ткани, и потомъ, по всему этому, вышивались бы узоры, какъ по натянутой въ пальцахъ канвъ? Гдѣ же тогда будетъ черта между искусствомъ и ремесломъ, дѣйствіемъ мысли и дѣломъ рукъ, произведеніемъ живописи и набивными разводами красокъ?

Драму нельзя опредѣлять и разсматривать, какъ замкнутую въ четверугольной рамѣ картину. Въ ней развѣтвляется мысль, и наружный ея очеркъ есть только периферія внутренней ея силы. Такъ, сажая молодое деревцо, вы знаете, что оно красиво раскинется пышными вѣтвями, можетъ быть даже заранѣе воображаете себѣ приблизительно будущій его видъ, но только тогда можете сдѣлать ему очертаніе, когда оно уже будетъ стоять передъ вами во всемъ своемъ ростѣ и всей красотѣ. А жизнь драмы выше и многообразнѣе растительной жизни дерева. За чѣмъ же, изъ живаго, полнаго мускуловъ, подвижнаго кровообращеніемъ тѣла, дѣлать обтянутый кожею скелетъ; а лицо, сквозь которое должны смотрѣть на васъ мысль и чувство, преобразать въ восковую пружинную фигуру?

Заглянемъ въ таинникъ искусства и постараемся опредѣлить: какимъ образомъ долженъ дѣйствовать драматургъ.

Я увѣренъ, что каждому, даже никогда не писавшему драмъ, случалось ловить въ своемъ воображеніи минуты, въ которыя вдругъ, въ то время, когда онъ всего менѣе ожидалъ того, представлялись ему разные могущіе быть въ жизни случаи.

Рисовавшіяся въ умѣ его лица жили передъ нимъ, говорили, смѣялись, плакали, дѣйствовали. Если бы онъ только могъ остановить все это на бумагѣ, передать во всѣхъ краскахъ тѣ картины, тѣ слова, тѣ чувства, онъ бы написалъ полныя жизни сцены. Онъ ли бы ихъ произвелъ? Нѣтъ! Онѣ сами воспроизвелись бы подъ его перомъ. Не ихъ ли бы собственная была въ нихъ жизнь? Развѣ лица его говорили бы и дѣйствовали по его назначенію? Нѣтъ! Все это жило въ немъ своею волею, развиваясь только въ его мысли, и онъ списывалъ бы только съ своего воображенія."

Такъ должно создаваться всякое истинное, въ области искусства, произведеніе; такъ Деннекеръ изваялъ статую учащаго Спасителя; такъ должна писаться и драма.

Горе тому, кто будетъ искать все это придуманіемъ. Тогда мѣсто искусства заступитъ искусственность, мѣсто жизни — машинное движеніе, мѣсто вдохновенія и восторга — фразы и тирады. Въ такой драмѣ сильныя ощущенія проявятся въ судорогахъ; сердечная нѣжность, въ сладкословіи. Это уже составитъ сочиненіе, трудъ, который, будучи переведенъ на жизнь, останется внѣ жизни; тогда какъ истинная, изъ нея истекшая драма, войдетъ въ нее и вся ею объяснится.

Возвратимся къ сдѣланному нами указанію на попытку, напримѣръ, изобразить въ драмѣ жизнь Москвы, чтобы показать, какимъ образомъ драма, родившаяся въ воображеніи, объясняется жизнію;

а переведенная на жизнь, объясняется воображеніемъ.

Представьте себѣ, что случай привелъ васъ на гусарскіе проходы, въ комнату танцовщицы, въ Марьину рощу; и вы, вполне вынеся въ своей памяти картины быта всѣхъ этихъ сценъ, въ то же время замѣтили лицо, особенно поселившее въ васъ участіе. Судьба этого лица прошла чрезъ всѣ эти сцены, нанизала ихъ, какъ нить нанизываетъ бусы ожерелья. Все прочее вошло въ ваше воспоминаніе, какъ предметы въ объемъ картины. Развѣ это не драма зажила въ вашей памяти? Развѣ, воспроизведенная на сценѣ, она теряетъ отъ того свое цѣлое, перестаетъ быть драмою?

Не говорю, чтобы всѣ драмы должны были непременно сочиняться въ такомъ подвижномъ сцѣпленіи сценъ, но искусство драматическое разнообразно какъ міръ, и такая-то драма, если она только вышла изъ духа, а не является въ свѣтъ плодомъ труда и усилій, есть въ искусствѣ такой же случай творчества, какъ и всѣ подобные случаи въ природѣ.

Не ужели должно дѣлать драмы, какъ кирпичи, сбивая всѣ въ одну форму и не позволяя этой формѣ измѣняться, ни по вліянію предмета, ни по вдохновенію минуты? Гдѣ есть условіе красоты, тамъ нѣтъ неправильности. Въ одномъ случаѣ правила опредѣляются только легче, нежели въ другомъ.

Кто же, дерзновенный, первый наложитъ цѣпи на воображеніе? Кто разрушитъ этотъ міръ фан-

тази, въ которомъ человекъ погружается въ природу, въ ней наслаждается, дѣйствуетъ и творитъ своею мыслию?

Воображеніе, какъ мы уже объяснили выше, есть природа искусства. Всякое произведеніе должно быть ему вѣрно, какъ это послѣднее должно быть вѣрно природѣ. Тогда не будетъ списковъ, не будетъ подражаній, а будетъ жизнь, будетъ воспроизведеніе. Спросятъ: почему въ піесѣ такое-то лицо встрѣчается съ такимъ-то другимъ, напримѣръ, въ Марьиной рошѣ, тогда какъ, заставивъ ихъ встрѣтиться какъ-нибудь иначе, авторъ могъ бы избѣжать помѣщенія цѣлой эпизодической сцены. По изложеннымъ уже выше мыслямъ объ искусствѣ, отвѣтъ ясенъ: такъ они встрѣтились въ воображеніи сочинителя. Но почему же это? Потому, что передъ нимъ, какъ въ движущейся картинѣ циклограмы, проходила Москва.

Нѣтъ однакоже взгляда, изъ котораго бы не составлялась теорія, а потому, въ оправданіе тѣхъ изъ кажущихся въ моихъ драмахъ отступленій, которыя истекли изъ самаго предмета драмы, будемъ говорить языкомъ теорій.

Писатели, заключивъ драму въ трехъ классическихкихъ единствахъ, не скоро замѣтили, что они засадили свою мысль въ трехстѣнную темницу. Шекспиръ, уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ восшедшій на литературное небо, долго былъ невидимъ ими. Наконецъ, его свѣтъ проникнулъ сквозь темныя и душныя стѣны; міръ искусства заигралъ предъ

ними жизнію; заключенная мысль захотѣла воли, стала рваться изъ тѣснаго жилища и разрушила темницу. Но изъ трехъ, составлявшихъ ее стѣнъ, усиліе опрокинуло только двѣ: единство времени и единство мѣста. Осталась одна: единство дѣйствія. Посмотрите, однакоже: не на одномъ ли была она основаніи съ двумя первыми? Не ими ли она держалась и можетъ ли долго стоять безъ нихъ? Вышедшему на вольный свѣтъ художнику она только мѣшаетъ, закрывая отъ него часть окружающаго міра. Художникъ долженъ жить въ природѣ и природою, дышать полно и свободно, и, ничѣмъ не стѣсняемый извнѣ, все въ себѣ сосредоточивать въ одно, общее всему міру единство: *единство духа*. Все, что есть необходимаго въ единствахъ времени, мѣста и дѣйствія (прошу прислушать), содержится въ единствѣ духа; и все имъ отбрасывается, что стѣсняло, сдвигало рамы природы въ узкія стѣны темницы.

Какое же изъ всего этого выходитъ воззрѣніе на драму?

Драма есть жизнь, въ творческомъ духѣ развитая мыслію. Искусство: пріемникъ этой жизни. Оставьте жизнь дѣйствовать по собственнымъ ея законамъ, пусть она сама организуется въ вашемъ воображеніи; не заботьтесь о формѣ, будьте только проникнуты мыслію, духомъ, и тѣло вашего созданія очертится само собою; творческой духъ, мысль, образуютъ его и сами замкнутъ себя въ края. Тогда, если воображеніе вѣрно, художе-

ственно, если оно зажигается отъ огня души, имъ живетъ и блеситъ; если оно играетъ своими фантазіями въ мысли глубокой, въ области ума наблюдательнаго, то все это перейдетъ и въ произведеніе. Драма будетъ полна жизни, вѣрна ей, разнообразна какъ она; слившись съ вашею мыслию, она окружитъ васъ своими образами, какъ иногда окружаетъ васъ память живымъ воспроизведеніемъ знакомыхъ вамъ мѣстъ и лицъ. Тогда представленіе піесы не будетъ простымъ, увеселительнымъ игрищемъ: зритель вынесетъ изъ нея мысль, чувство, знаніе свѣта. Сама изъ собственной силы образовавшаяся драма, какъ въ дѣйствующихъ своихъ лицахъ, такъ и вся, получитъ самостоятельность, характеръ, фізіономію и, наконецъ, свой собственный бытъ.

Бытъ! Какъ мало обращаютъ вниманія на эту важную сторону драмы!—*Бытъ!* Это краска мѣстности, ежедневная жизнь. Для живописца, рисующаго плывущую по рѣкѣ лодку, это струи этой рѣки, отражающаяся въ ней зелень, играющій въ ней свѣтъ, осока, растущая по ея берегамъ, птицы, ищущія въ ней пищи, слѣдъ лодки, тѣнь, ею бросаема на водѣ, небо, раскинутое надъ пловцами. Для нравонаблюдателя, это кругъ привычекъ, обстоятельствъ, отношеній, въ которыхъ живетъ каждый человѣкъ; очертаніе, изъ котораго выходятъ фигуры картины и объемъ, ее вмѣщающій. Можетъ ли же произведеніе быть изящно и вѣрно, если не отражается въ немъ *бытъ*? А что говорятъ теоре-

тики? Они, все стягивая къ единству дѣйствія, видятъ въ бытѣ нѣчто постороннее, эпизодическое. Что же, по ихъ указаніямъ, остается дѣлать драматургамъ? Эффектныя сцены, рассказы въ дѣйствіи, хитросплетенія?

Теперь да позволено мнѣ будетъ принаровить то, что я сказалъ, къ предлагаемой здѣсь вниманію читателей драмѣ.

Если, читая «Часы съ флейтой», вы не будете жить жизнію драмы; не перенесетесь, изъ первой ея части, *чрезъ десять лѣтъ*, во вторую; не будете смотрѣть на проходящихъ передъ вами людей глазомъ простымъ, отчужденнымъ всѣхъ требованій существующихъ уже теорій; то все, что должно сильно поразить васъ въ послѣдующихъ частяхъ, только представится не имѣющимъ достаточной съ предъидущимъ связи. Въ моей піесѣ вы будете видѣть не жизнь, а только картины, на одной изъ которыхъ представлено разрушеніе, на другой цвѣтущій видъ! Вы незамѣтите той мысли, которая, изъ среды развалинъ указывая на возникающее зданіе, говоритъ: «и оно падетъ въ развалины»; а съ покрытой цвѣтами поляны смотря на разрушеніе, заставитъ васъ грустно подумать: «и тамъ была жизнь». Нѣкоторыя фигуры покажутся вамъ лишними, ихъ появленіе постороннимъ. Вы не увидите, что здѣсь идутъ двѣ жизни: жизнь главная и жизнь окружающая, и что послѣдняя, обвивая собою первую какъ плющъ, связывается съ нею тою же мыслию измѣнчивости

и разрушенія. Критикъ опять не найдетъ единства, потому что будетъ искать единства дѣйствія, а не единства духа. Въ этой моей драмѣ все проходитъ передъ часами съ флейтой. Они одни все тѣ же, все невозмутимо-неподвижны, тогда какъ все вокругъ движется, измѣняется, исчезаетъ. Мысль эта проявляется во всѣхъ положеніяхъ драмы, какъ возбужденіе мозга во всѣхъ нервахъ мыслящаго созданія.

Если иногда, грустно взглянувъ на міръ, вы, задумчиво, сами себѣ скажете: «все это смѣняющіяся тѣни», и вдругъ, въ вашемъ воображеніи, заиграютъ «часы съ флейтой», тогда вы поняли мою драму. Тяжело будетъ ваше чувство, но въ то же время, какъ *metemento mori*, оно напомнитъ вамъ о ничтожности всего земнаго; удержитъ руку, поднятую на врага; обратитъ васъ къ созерцанію самого себя и, наполнивъ уста и мысли ваши молитвою, сблизитъ васъ съ божественнымъ ученіемъ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ
ТРИЛОГИИ:
ЧАСЫ СЪ ФЛЕЙТОЙ.

«Мои слезы, о Рино! текутъ по умер-
«шимъ; мой голосъ обращается къ жи-
«телямъ могилъ!»

Ossianъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

СТАРИКЪ	}	Степунины.
СТАРУХА		
ГРУША, ихъ дочь.		
АЛЕКСАНДРЪ, ихъ сынъ. . .	}	молодые офицеры.
ДУМСКОЙ.		
ЛАСТНЕВЪ		
РОДИНЪ		
СНЕВИНЪ.		
ЛЕОНИДЪ.		
КОСИЧКА, дура.		
СЛУГА.		

ДѢЙСТВІЕ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1828-мъ ГОДУ.

ВІДЪ ПЕРВЫЙ.

Комната въ старинномъ домѣ Степуниныхъ. Большое кресло, фортепьяно, зеркало и портретъ красиваго молодаго челоѡка въ екатерининскомъ мундирѣ. У задняго занавѣса деревянныя стѣнные часы.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Старый и дряхлый СТЕПУНИНЪ, съ зонтикомъ на глазахъ, сидя въ большихъ креслахъ, раскладываетъ пасьянсъ. Возлѣ него старинная трость. СТАРУХА его жена, въ очкахъ, за тѣмъ же столикомъ вяжетъ шерстяную фуфайку, только что начатую. На полу у часовъ сидитъ КОСИЧКА и вяжетъ толстый чулокъ, не обращая ни на что вниманія, почти не шевелясь и смотря только на свою работу. Это женщина лѣтъ 50—ти, въ тѣлогрѣйкѣ, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ, поверхъ котораго надѣтъ завялый вѣнокъ.

СТАРУХА.

Вѣдь вотъ, Андрюша, глаза плохи, а ты еще портишь ихъ пасьянсомъ.

СТАРИКЪ.

Послѣдній, мамаша, послѣдній. Отъ одного раза ничего не сдѣлается.

СТАРУХА.

Такъ положи ужъ хоть девятку-то на восмерку.

СТАРИКЪ.

Гдѣ?... Да! И такъ! Благодарствуй, мамаша!.. А ты что это завязала?

СТАРУХА.

Фуфайку Сашѣ. Дѣло военное. Вдругъ потребуютъ, а время-то, можетъ статься, будетъ холодное, сырое.

СТАРИКЪ.

Такому молодцу да фуфайку. Чай сама у него будетъ грѣться въ чемоданѣ.

СТАРУХА.

Тамъ его будетъ воля. Мос дѣло приготовить.

СТАРИКЪ.

А вѣдь всякой, я думаю, говоритъ, что у насъ съ тобою славныя дѣти, мамаша! А? Поцѣлуй меня!

СТАРУХА.

Изволь, ты другъ мой сердечный, отъ всей души.

СТАРИКЪ.

Сними же прежде очки, чтобы не мѣшали.

СТАРУХА.

Сейчасъ, мой король. Да не столько мѣшаютъ очки, сколько твой зонтикъ.

СТАРИКЪ.

Ну такъ я сниму и зонтикъ. (*цѣлуются*). Еще разъ. Ну еще. Да возьми меня обѣими руками за уши, какъ, помнишь, бывало въ старые годы?

СТАРУХА.

Грѣховодникъ, грѣховодникъ! Такъ ужъ надѣбно отодвинуть столикъ. Ну вотъ теперь.

(Цѣлуетъ его, придерживая за уши.)

СТАРИКЪ.

А что мамаша, ежели бы теперь кто подсмотрѣлъ какъ старики цѣлуются? Какъ ты думаешь? Это привело бы ихъ въ умиленіе, или стали бы смѣяться?

СТАРУХА.

Конечно привело бы въ умиленіе, когда ужъ мы чуть что и золотой свадьбы не отпраздновали, а все еще любимся какъ молодые.

СТАРИКЪ.

Нѣтъ, мамаша, стали бы смѣяться. Таковъ ужъ

свѣтъ. Для него старики или скучны, или смѣшны, а ужь слава Богу, ежели только жалки.

СТАРУХА.

И то правда, Андрюша. Старый человекъ на что годится?

СТАРИКЪ.

Не говори этого, мамаша. Мы были, молоды, стариковъ почитали. Кому на жребій выпала старость, тотъ не дурной человекъ; стало быть Богъ полюбилъ его, что продлилъ ему вѣка.

СТАРУХА.

Ну, батюшка, и то сказать: каковъ вѣкъ.

СТАРИКЪ.

Да, правда, и то сказать. А и за дурную старость надобно благодарить Бога: стало быть есть грѣхи, надобно имѣть время замолить, да поправить. Пододвинь же, мамаша, столикъ, да садись опять возлѣ меня. А что? Чай ужь скоро два?

СТАРУХА, взглянувъ на часы.

Нѣтъ, моя радость. Давно ли играли. Второго только 20-ть минутъ.

СТАРИКЪ.

А мнѣ показалось, что ужь и невѣсть сколько прошло времени. Что жъ это не ѣдетъ Саша?

СТАРУХА.

Я чаю заѣхалъ къ товарищамъ. Вотъ къ обѣду всѣ пріѣдутъ.

СТАРИКЪ.

А что ты, мамаша, скажешь объ его товарищахъ?

СТАРУХА.

Да ужъ кто Сашенькѣ пріятель, того изъ десятка не выкинешь.

СТАРИКЪ.

Не говори этого, эй не говори; а только молись Богу.

СТАРУХА.

Ну ужъ за этихъ-то четверыхъ можно поручиться.

СТАРИКЪ.

Нѣтъ, мамаша, развѣ только за одного Думскаго. Молодой человѣкъ умный, скромный, добрый.

СТАРУХА.

А чѣмъ же не хороши Сневинъ, Родинъ, или хоть Ластневъ? Такой вѣжливый, искательный.

СТАРИКЪ.

Знаю, знаю, что Ластневъ очень въ тебя вкрался. А куда какъ иные его пріемы да поговорки не нравятся мнѣ. Родинъ и теперь ужъ гордъ ни съ чего, точно мальчикъ на столѣ. Не хочетъ понять то-

го, что ежели по связямъ человѣкъ иногда вышаается, то не по связямъ получаетъ достоинства. Сневинъ, Богъ его знаетъ, корчитъ изъ себя человѣка дѣловаго, занятаго. Оно и почему бы не такъ, а большое дѣло въ дѣлѣ: не забывать и бездѣлья. Не говорю, чтобы они были дурные люди, а признаюсь, кажется не такъ бы ихъ любилъ, ежели бы они не были Сашѣ товарищи; Родинъ не былъ бы Думскому свой, а Сневинъ не учился бы съ нимъ вмѣстѣ въ пансіонѣ.

СТАРУХА.

Ну, Андрюша, ежели что теперь и есть, такъ еще молоды, переменяйся.

СТАРИКЪ.

Нѣтъ, мамаша; не то ты говоришь. Изъ одного сѣмечка выходитъ крапива, изъ другаго подсолнечникъ. Дѣло въ сѣменахъ, и я знаю изъ многихъ случаевъ, что характеръ человѣка можно угадать по дѣтскимъ играмъ. Вотъ, напримѣръ, за Александра я не боюсь. Онъ малый честный, благородный, а немножко холоденъ. По этому не завлечется, будетъ во всемъ остороженъ и вѣкъ свой изживетъ не увидитъ. Груша другое дѣло. Не смотри, что она веселится, да прыгаетъ. Въ ея тѣлѣ, въ ея характерѣ есть сѣмя разрушенія. Все, что ни тронетъ ея чувство, будетъ на нее дѣйствовать, какъ тотъ вѣтеръ, что, помнишь, мы читали во «всемирномъ путешественникѣ», зараж-

дается въ горячихъ пескахъ Африки, и когда нибудь убьетъ ее также, какъ тотъ убиваетъ всякую жизнь.

СТАРУХА.

Ахъ, что ты, что ты! 'Будь надъ нею милость Божія!

СТАРИКЪ.

Потому-то и надобно намъ, покуда еще при себѣ, найти ей мужа умнаго, добраго, скромнаго, чтобы любилъ ее, да берегъ.

СТАРУХА.

Надобно, о-охъ надобно.

СТАРИКЪ.

Думской хорошъ, а только по душѣ такой ужъ простякъ; радъ ввѣриться каждому. А знаешь-ли, душа, я не люблю, чтобы человѣкъ всегда умно дѣйствовалъ; надобно, чтобы онъ поступалъ иногда и глупо... Не такъ какъ Ластневъ.

СТАРУХА.

Полно, Андрюша! Дался тебѣ Ластневъ. Мы, старики, сидимъ зловѣщими птицами и думаемъ, что далеко видимъ впередъ, тогда какъ у меня вотъ то и дѣло что петли спускаются, а ты вонъ опять, кажись, пропустилъ десятку.

СТАРИКЪ.

Да, да! И въ самомъ дѣлѣ пропустилъ. (*Попра-*

вляя и все думая о Думскомъ). И Леонидъ любить Думскаго, а Леонидъ малый умный.

СТАРУХА.

Слова нѣтъ, что умный, только за чѣмъ онъ стихи-то пишетъ?

СТАРИКЪ.

Ну, мамаша, мы съ тобою въ этомъ не судьи. А вотъ будутъ ли у насъ сегодня турецкіе бобы? Ты вѣдь знаешь чье это любимое кушанье?

СТАРУХА

Какже. Я вчера еще приказала.

СТАРИКЪ, окончивъ пасьянсъ.

Вотъ и вышло. Я загадалъ.

СТАРУХА.

Знаю о чемъ.

СТАРИКЪ.

А знаешь, такъ нечего тебѣ и говорить.

СТАРУХА.

Ахъ, если бы да Богъ продлилъ нашего вѣка только до того, чтобы Грушенькѣ минуло семнадцать. А шестнадцати рано. Нѣтъ, рано шестнадцати.

СТАРИКЪ.

Авось Богъ и продлитъ.

(Собираетъ карты и тасуетъ.)

СТАРУХА.

Тогда бы и ему было двадцать шесть.

СТАРИКЪ.

Думскому?

СТАРУХА.

Нѣтъ! Ластневу! Онъ вѣдь тоже любитъ турецкіе бобы.

СТАРИКЪ.

Охъ, мамаша, ты все объ Ластневѣ. Ну да еще до семнадцати цѣлый годъ.

СТАРУХА.

Съ кѣмъ Богъ ни пристроить, Божья благодать. А тогда бы намъ осталось только просить у него, чтобы не пережить другъ друга.

СТАРИКЪ.

Истинно только того. А ужъ куда какъ мы давно съ тобою живемъ, мамаша!

СТАРУХА.

Давненько-таки, нечего сказать.

СТАРИКЪ.

Помнишь ли, мы однажды гадали въ какой-то книгѣ? Это было, кажется, въ 87-мъ. Ты была еще невѣстой. Мы нашли, что въ 1812 году прославится при нѣкоемъ дворѣ Принцесса. А ты еще сказала: нѣтъ, этого не можетъ быть, чтобы ко-

гда нибудь былъ 1812 годъ. А вотъ ужъ онъ давно и въ прошедшемъ. Принцесса-то вышла Москва. Сгорѣла и выстроилась. Что годъ, то, кажется, на счетахъ передвинешь одну косточку, а вотъ ужъ мы по Рождествѣ Христовѣ и въ 1828-мъ. Смотришь на часовую стрѣлку: годъ-то кажется и не вѣсть какимъ временемъ, а маятникъ стукъ да стукъ; оглянешься: года и нѣтъ. Ну какъ, кажется, написать: «въ семъ 1840-мъ году»? А придетъ время, станутъ писать и въ прошедшемъ 1840-мъ.

СТАРУХА.

Придетъ время.

СТАРИКЪ.

Многихъ-то мы и пережили.

СТАРУХА.

Ахъ многихъ, многихъ!

СТАРИКЪ.

Бывало, на этихъ самыхъ креслахъ сиживалъ покойный твой отецъ и также раскладывалъ пасьянсъ; а на твоемъ мѣстѣ бывало также сидитъ твоя мать, разматываетъ нитки, или вяжетъ чулокъ. А тутъ, бывало, пріѣдетъ къ нимъ покойный мой дядя, заведетъ рѣчь о политикѣ, или о собакахъ. Всѣ-то ужъ они отошли отъ этой жизни. Анна Тимоеевна, бывало, такъ нѣжно на него посматриваетъ. И ея не стало. Вышла за человека чиновнаго, и его нѣтъ. Мои старики раньше всѣхъ еще убрались. И ребятишки наши

покойные, бывало, тутъ рѣзвятся. Такъ, точно будто бы что нибудь привидѣлось съ просонья, и повѣряешь потомъ себя, и видишь, что и мебели стоятъ на тѣхъ же мѣстахъ, какъ ихъ видѣлъ; и мѣсяцъ также свѣтитъ въ окна, такую же тѣнь кладетъ на полу. И не знаешь самъ: во снѣ видѣлъ, или на яву? Какая нибудь бездушная вещь живетъ себѣ да живетъ, а люди смѣняются передъ нею, какъ фигуры въ китайскомъ фонарѣ. А ко всему-то человѣкъ привыкаетъ. Когда скончался мой отецъ, я взялъ вотъ эту его трость и думалъ: стану всегда съ нею ходить, чтобы чаще о немъ вспоминать. А вотъ теперь привыкъ: гляжу, а часто ничего не вспоминаю.

СТАРУХА.

Да! Бывало и я думала, что не переживу моихъ дѣтей, а вотъ пережила девятерыхъ и привыкла. Какъ будто они куда-то убѣжали и ждутъ меня.

СТАРИКЪ.

И не старѣются. Все, кажется, такія же маленькія бѣгаютъ.

СТАРУХА.

Да! И не старѣются. Ангели небесные.

СТАРИКЪ.

А помнишь ли, какъ я въ твоёмъ садикѣ поливалъ шафраны да бархатцы? Ты была еще ребенкомъ, а я ужъ малымъ лѣтъ пятнадцати. Чуть

ли это еще не тою лейкою, что заржавленная валяется въ кладовой. А ужъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ садикъ, мы выстроили послѣ кухню; и кухня ужъ обвалилась.

СТАРУХА.

Полно, Андрюша. И безъ того грустно, какъ подумаешь, что надобно, отъ небольшого состоянія, воспитать, пристроить, да наградить дѣтей, а можетъ быть еще скоро съ ними и разставаться.

СТАРИКЪ.

Виноватъ, моя душа. Да что же дѣлать? Иногда такъ тяжело на сердцѣ. Все жаль прошедшаго, да боишься будущаго. Подуетъ вѣтеръ, заскрипитъ ставнями, а тебѣ слышится похоронное пѣніе. Вотъ хоть бы и мой портретъ: писанъ, когда мнѣ было 20 лѣтъ. Я былъ тогда сержантомъ. Иногда смотришь и думаешь: этакій я былъ молодецъ. А ужъ что теперь? Самъ смотрю какъ на чужаго: списали будто бы съ кого-то, да и повѣсили на стѣнку. Кажется тотъ же человѣкъ: почему бы ему все еще не такъ же наслаждаться жизнію? А нѣтъ! Ужъ и силы пропали, и на душу все не такъ дѣйствуетъ. Такъ вотъ и окунулся бы въ какуюнибудь живую воду. А какъ вспомнишь, что это дѣло невозможное; что дважды не жить, что съ каждымъ днемъ становишься дряхлѣе, да слабѣе; что я вотъ теперь раскладываю пасьянсъ, вижу тебя, говорю, а завтра, можетъ быть, и па-

мѣть измѣнить, глаза не будутъ видѣть, и руки отнимутся, то сердце такъ и опустится, какъ свинецъ.

СТАРУХА.

Да, точно какъ свинецъ.

СТАРИКЪ.

А премудрость Божія и тутъ видна. И тутъ не безъ хорошаго. Какъ поживешь, да понасмотришься на мірскую тщету, такъ и станешь добрее, ни за что ужъ не сердишься. Тебѣ кто сдѣдаетъ зло, а ты подумаетъ: ну, Богъ съ нимъ; все равно, какъ ни дожить до смерти! Да и махнешъ рукой.

СТАРУХА.

Видно еще мы съ тобой угодили Господу Богу, что онъ хранитъ обоихъ и нѣтъ у насъ ни подагры, ни хирагры, ни другихъ болѣзней, которыми другіе старики мучаются.

СТАРИКЪ.

Конечно. И за то благодареніе Богу.

(Часы пробили два часа.)

КОСИЧКА съ глупымъ спокойствіемъ,
ни къ кому не обращаясь и
не перемѣняя положенія.

А часы идутъ!

СТАРУХА.

Охъ эта дура!

(Часовая флейта играетъ. Старикъ задумчиво вслушивается. Музыка перестала.)

СТАРИКЪ.

А знаешь ли, мамаша? Когда эти часы играютъ, то иногда мнѣ кажется, что они все около меня сидятъ опять также, какъ бывало. Вотъ тутъ Анна Тимоѣевна, тутъ Антонъ Степанычъ.....

(Задумчиво смотритъ.)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

ГРУША, РАДОСТНО ВВѢГЯ.

Вдуть, вдуть!

СТАРИКЪ, ВЗДРОГНУВЪ И ОЖИВИВШИСЬ.

Гдѣ?

СТАРУХА.

Кто?

ГРУША, СМѢШАВШИСЬ, ОТВѢЧАЕТЪ ОБОИМЪ.

Близко... Братецъ...

СТАРИКЪ, ПРИПЕДШІЙ ВЪ СЕБЯ.

Господи помилуй!

СТАРУХА.

Одинъ?

ГРУША.

Нѣтъ, и Василій Николаичъ и другіе.

СТАРУХА, УБИРАЯ РАБОТУ.

Ну, слава Богу! Пріѣхали!

ГРУША, ВЗГЛЯНУВШИСЬ ВЪ ЗЕРКАЛО.

Ахъ, какъ у меня сбились волосы.

(Убываетъ.)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

СТАРИКЪ.

Мамаша! А вѣдь я было совсѣмъ забылся. Мнѣ представилось, что ужъ это не ѣдутъ ли покойные Ѳедосѣй Тыхонычъ съ Марьей Лукиничной, какъ, помнишь ты, они пріѣзжали къ намъ въ первый разъ послѣ свадьбы? У насъ были тогда Анна Тимоѳеевна и Антонъ Степанычъ; а мы еще разставили нашихъ людей караулить.

СТАРУХА.

Экъ, батюшка, вспомнилъ. Чай ужъ ихъ и косточки сгнили.

СТАРИКЪ.

Да! Чай ужъ сгнили.

(Задумывается. Она хлопочетъ, прибирая все въ комнату.)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Входитъ АЛЕКСАНДРЪ.

СТАРУХА, встрѣчая.

Вотъ онъ, бѣглець! Откуда?

АЛЕКСАНДРЪ, цѣлуя у нея руку.

Виноватъ, матушка! Засидѣлся у Думскаго.

СТАРУХА.

Что-жъ, а Ластневъ тамъ былъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

И Ластневъ и Родинъ. Они сейчасъ всѣ будутъ сюда, остановились только съ кѣмъ-то на улицѣ.

СТАРИКЪ.

А Леонидъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Я еще давеча встрѣтилъ его. Такой чудакъ! Идетъ по улицѣ безъ шляпы. Я спрашиваю: что это значить? Онъ схватился за голову, сдѣлалъ поворотъ и пошелъ домой, вѣроятно за шляпой. И онъ долженъ скоро быть.

СТАРИКЪ.

У него всегда что нибудь есть на умѣ. Отъ того онъ и разсѣянъ.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

ГРУША, ВЪЗГЛЯ.

Братецъ! Что-жъ вы одни?

АЛЕКСАНДРЪ, ЦѢЛУЯ ЕЕ.

Будутъ, будутъ! (*Тихо:*) Или, лучше сказать, будутъ!

ГРУША, ДЕРЯ ЕГО ЗА УХО.

А вотъ за это!

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Вошелъ ЛЕОНИДЪ.

СТАРИКЪ.

А! Племянникъ! Какъ это, говорятъ, ты прогуливаешься безъ шляпы?

ЛЕОНИДЪ, НѢСКОЛЬКО СО СТЫДОМЪ И ПОЛУЗАДУМЧИВО.

Я не знаю. Я ее взялъ, кажется, въ руки; да видно, вмѣсто того, чтобы надѣть на голову, положилъ на столъ.

ГРУША.

Вѣрно въ это время что нибудь сочиняли? Скажите вдругъ: что?

ЛЕОНИДЪ.

Эпиграмму на васъ.

ГРУША.

А! Это любопытно! Не лзя ли прочесть?

ЛЕОНИДЪ.

Напрасно говорятъ про Грушу:

« Умна »,

Я знаю Грушенькину душу: —

Не умна!

ГРУША.

Вотъ какъ! За чѣмъ же вы всегда говорили,
что любите меня за мою душу?

ЛЕОНИДЪ.

За тѣмъ, что чѣмъ душа глупѣе,

Тѣмъ она простѣе,

Тѣмъ она полнѣе,

Тѣмъ она святѣе,

Тѣмъ она скорѣе

Откликнется на всякое добро!

Но это не про...

ГРУША.

Не про меня?

ЛЕОНИДЪ.

Нѣ про Грушу,

А про Грушенькину душу!

ГРУША.

Ахъ какой вы злой! А знаете ли, что это точно эпиграмма? Ни одна дѣвушка не согласится имѣть такой души, при которой бы ей ни слова не говорили о ея красотѣ.

ЛЕОНИДЪ.

Я потому такъ и сказалъ. Впрочемъ, я переложилъ только въ стихи то, что слышалъ на дняхъ, не помню отъ Ластнева, не помню отъ Думскаго.

ГРУША.

Вы, mon cher cousin, презлой и пренесносный!

АЛЕКСАНДРЪ, все на нихъ любовавшійся.

А ты большая притворщица.

ЛЕОНИДЪ.

Dictum est!

(Садится къ фортепьянамъ и перелистываетъ ноты.)

СТАРИКЪ, самъ съ собою.

Весело бы такъ еще пожить.

СТАРУХА, караулившая у окна.

Вотъ и дорогіе наши гости.

(Александръ идетъ на встрѣчу.)

СТАРИКЪ.

Груша! Поправь на мнѣ галстукъ!

ГРУША, ПОПРАВЛЯЯ.

Папочка! Душечка! Я ужъ такъ васъ люблю!

СТАРИКЪ.

И никого не любишь больше меня съ матерью?

ГРУША, ПОСМАТРИВАЯ ВЪ ДВЕРЬ.

Нѣтъ, папочка, никого... *(Отворяется дверь.)*
Вотъ, вотъ они!

(Показываются Ластневъ и Родинъ. Груша, сначала было вострепенувшаяся отъ радости, вдругъ опять притихла и снова смотритъ на дверь съ возрастающимъ нетерпѣніемъ.)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Вошли ЛАСТНЕВЪ и РОДИНЪ.

ЛАСТНЕВЪ, СТАРУХЪ, ПОЦѢЛОВАВЪ У НЕЙ
РУКУ И ПОДАВАЯ СВЕРТОКЪ.

Я выполнилъ ваше приказаніе и привезъ вамъ шерсти.

СТАРУХА.

Покорно васъ благодарю, мой батюшка!

РОДИНЪ, СТАРИКУ.

Генералъ сегодня спрашивалъ объ васъ.

СТАРИКЪ.

Очень благодаренъ Его Превосходительству. Что-же, скоро ли надѣнете эксельбантъ?

РОДИНЪ.

Да! Я думаю, что скоро. Онъ объ этомъ очень хлопочетъ. *(Отойдя и здороваясь:)* Аграфена Андревна!... Леонидъ!

(Разговариваетъ съ Леонидомъ.)

СТАРУХА, мужу.

Андрюша! Вотъ Степанъ-то Григорьичъ никогда не забудетъ. Привезъ мнѣ шерсти.

СТАРИКЪ.

Мнѣ совѣстно, что вы беспокоились.

ЛАСТНЕВЪ.

Сдѣлайте одолженіе. Я прошу Марью Петровну всегда мнѣ приказывать. А что вашъ больной зубъ?

СТАРИКЪ.

Ничего. На просторѣ себѣ одинъ щатается.

ЛАСТНЕВЪ, Грѣшъ.

Какъ вы вчера нашли гулянье въ Нескучномъ?

ГРУША.

Если бы не совѣстно было сказать про Нескучное, что оно скучно, то это былъ бы самый лучший отвѣтъ.

ЛАСТНЕВЪ.

А я думалъ, что оно тогда-то и нескучное, когда вы тамъ.

ГРУША.

Берегитесь! Леонидъ переложить въ стихи.

ЛАСТНЕВЪ.

А! Онъ здѣсь, мечтатель?

(Отходитъ къ Леониду. Между нимъ, Леонидомъ и Родинымъ завязывается горячій разговоръ.)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Входитъ ДУМСКОЙ.

(До его пріѣзда Груша все нетерпѣливо по-сматривала на дверь.)

СТАРИКЪ.

Василій Николаичъ! Слышу, что вы пріѣхали, а не вижу.

ДУМСКОЙ.

Извините! Сневинъ задержалъ въ передней восточными дѣлами, но я отдалъ ему на жертву Александра Андреича.

СТАРИКЪ.

И дѣло! Пусть ихъ тамъ управляются съ во-

стокомъ, а вы къ намъ. Маша! Что-жъ ты захлопоталась и не видишь Василья Николаича?

СТАРУХА, хлопоча съ вязаньемъ.

Извините, Василій Николаичъ! Старуха, повыдергала спицы.

ДУМСКОЙ.

Я надѣюсь, что вы со мною безъ церемоніи.

СТАРУХА.

Какія, батюшка, церемоніи. Милости прошу. Сейчасъ вдѣну.

ДУМСКОЙ, Грушъ.

А вы не пріискали еще отвѣта на мой вопросъ?

ГРУША.

Я забыла вопросъ.

ДУМСКОЙ.

«О чемъ думаетъ молодой мѣсяцъ»?

ГРУША.

Ахъ, да! Пріискала: о звѣздочкѣ, которая должна го затмить.

ДУМСКОЙ.

Вы смотрите мѣсяцу прямо въ глаза,

(Она стыдливо потупляется.)

ЛАСТНЕВЪ.

Думской! Или, лучше, Аграфена Андревна! Рѣшите нашъ споръ.

ГРУША.

Вѣрно о музыкѣ?

РОДИНЪ.

Объ изящномъ вообще и о талантѣ въ особен-ности.

ГРУША.

Извольте, я слушаю.

РОДИНЪ.

Я смотрю на изящное, какъ на пріятное въ жизни. Талантъ доставляетъ удовольствіе, слѣдовательно онъ долженъ находиться въ томъ слоѣ общества, которому прилично забавлять другихъ. Аристократъ долженъ только понимать и ободрять.

ЛЕОНИДЪ..

Понимать....

ДУМСКОЙ.

У брата всегда одна точка зрѣнія.

РОДИНЪ.

Та, которая стоитъ выше другихъ.

ЛАСТНЕВЪ.

А я думаю, что ежели отъ изящнаго, съ одной стороны, выгода въ наслажденіи; то съ другой: на-

слаженіе въ выгодѣ; и умный съ талантомъ человѣкъ, какого бы онъ круга ни былъ, подобно Каталани, Паганини, или тамъ кому другому, долженъ размѣнивать звуки своего голоса, скрипки, или, какъ говорится, божественныхъ пѣсень музъ, на гораздо положительнѣйшій звукъ золота.

ЛЕОНИДЪ.

О! Съ той поры, какъ въ мою цѣль вошелъ бы этотъ торговый расчетъ, я не посмѣлъ бы произвести имени искусства, какъ грѣшникъ, не смѣющій возводить очей къ Тому, отъ кого нисходитъ все благое и прекрасное! Искусство стоитъ высоко, ежели только оно одно, чисто и заключено въ самомъ себѣ! Можно отдать жизнь за минуту таланта, потому что въ эту минуту человѣкъ переживаетъ вѣка.

ГРУША, Думскому.

Теперь ваше мнѣніе, Василій Николаичъ!

РОДИНЪ.

Ну-тко, братъ, съ твоей точки зрѣнія!

ДУМСКОЙ.

Я вотъ что вамъ скажу! Во мнѣ нѣтъ никакого таланта. Я, можетъ быть, не отдалъ бы за него жизни, но и не цѣнилъ бы такъ этой жизни, если бы въ ней не свѣтило мнѣ солнышко.

ГРУША.

Что же вы разумѣете подъ солнцемъ?

ДУМСКОЙ.

Перенесите идею солнца въ жизнь, и вы иногда назовете этимъ именемъ великое произведеніе Моцарта, вдохновенный стихъ Байрона, Мадону Рафаеля, или (*показывая на сердце:*) существо, которое свѣтитъ вамъ здѣсь.

РОДИНЪ.

Ничего не понимаю.

ЛАСТНЕВЪ.

Трудно и понять: Солнце, Моцартъ, Байронъ.

ГРУША, смѣшавшаяся отъ послѣднихъ словъ Думскаго.

Теперь мое рѣшеніе. (*Ластневу:*) Ваше мнѣніе всѣхъ благоразумнѣе, и вамъ стоитъ только пожелать, чтобы разбогатѣть.

ЛАСТНЕВЪ.

Покорнѣйше благодарю.

ГРУША, Родину.

Ежели вы, по вашимъ словамъ, навѣрное ужъ не общаете изъ себя художника, то за то искусства могутъ, со временемъ, найти въ васъ новаго Мецената.

РОДИНЪ.

Покорнѣйше благодарю.

ГРУША.

Вамъ, Леонидъ, я не хотѣла бы пророчить, но вы жертва, сама себя сожигающая въ честь своего божества, и васъ, можетъ быть, ожидаетъ предсмертный вѣнокъ Тасса.

ЛЕОНИДЪ.

Покорнѣйше благодарю.

ГРУША, Думскому.

Что касается до васъ, Василій Николаичъ, то я, не имѣя также таланта, но сочувствуя прекрасному какъ женщина, поневолѣ раздѣляю ваше мнѣніе болѣе другихъ.

ДУМСКОЙ.

О! покорнѣйше благодарю! Вы Минерва, съ личикомъ и душою Психеи!

ЛЕОНИДЪ.

Нѣтъ! Она только Оракулъ, который, будучи глаголомъ божества, не теряетъ изъ виду и людскихъ отношеній.

ГРУША.

Теперь я, въ свою очередь, покорнѣйше васъ благодарю.

СТАРИКЪ.

Выслушайте же и меня старика! Опытъ ходитъ съ вѣсами. Не жертвуйте, ни талантомъ для жиз-

ни, ни жизнью для таланта, а умѣйте вмѣщать талантъ въ жизни, и жизнь въ талантѣ.

ЛЕОНИДЪ.

Дядюшка! Чтобы такъ судить, надобно дожить до вашихъ лѣтъ, но уже тогда поздно будетъ выполнять. Когда я засматриваюсь на небо, вѣсы выпадаютъ изъ моихъ рукъ. Я знаю, что я не наслаждаюсь, ни жизнью, ни талантомъ; но что же дѣлать, если люди убиваютъ талантъ, а талантъ убиваетъ жизнь!

ЛАСТНЕВЪ.

Ого!

РОДИНЪ, насмѣшливо.

Писатель!

(Думской, молча, жметъ Леониду руку.)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

ВХОДИТЪ АЛЕКСАНДРЪ, ЗА НИМЪ СНЕВИНЪ.

СНЕВИНЪ, СПОРА СЪ АЛЕКСАНДРОМЪ.

Геній въ терпѣніи.

АЛЕКСАНДРЪ.

Геній въ дѣятельности.

ЛЕОНИДЪ, стоящимъ возлѣ него Ластневу и Родину.

Вотъ она, эта жизнь дѣловая и здоровая.

ЛАСТНЕВЪ.

А мы?

ЛЕОНИДЪ.

А вы представители ея разсчета и пустоты.

РОДИНЪ, принужденно.

Ха, ха, ха, ха!

ЛАСТНЕВЪ.

Толкуй себѣ, а математика вѣриѣ.

СТАРИКЪ, СНЕВИНУ и АЛЕКСАНДРУ.

О чемъ споръ, милостивые Государи? О чемъ споръ?

СНЕВИНЪ.

Здравствуйте, Андрей Ивановичъ! Марья Петровна! Аграфена Андревна!

ДУМСКОЙ.

Я, господа, васъ оставилъ въ Яссахъ, а вы ужь чуть ли не за Шумлой.

АЛЕКСАНДРЪ.

Совсѣмъ не то! (*съ шуточною важностію:*) Мы были въ Египтѣ.....

СНЕВИНЪ.

Говорили о правленіи Мегмета Али.

АЛЕКСАНДРЪ.

Были въ Англіи....

СНЕВИНЪ.

Говорили объ Англійскихъ колоніяхъ, флотѣ, торговлѣ, морскихъ экспедиціяхъ для открытій.

СТАРИКЪ.

Каждый о своемъ. Вамъ и книги въ руки.

АЛЕКСАНДРЪ, Леониду, замѣтивъ его
встрепожненное состояніе.

Что это съ тобой, Леонидъ? Возненіе, или восторгъ?

ЛЕОНИДЪ.

Негодованіе.

(Александръ пожимаетъ плечами.)

ГРУША.

Кстати, братецъ, и вы намъ что нибудь скажете объ изящномъ. Или нѣтъ, прежде попросимъ Макара Ивановича. *(Сневину.)* Что вы думаете о поэзіи, музыкѣ, живописи?

СНЕВИНЪ.

Я думаю, что это, ни больше, ни меньше, дѣтскія игрушки. Онѣ, сами въ себѣ не заключая прямой пользы, только вредятъ обществу, отнимая у него людей, которые бы, можетъ быть, безъ

того подвизались на поприщѣ науки или государственной службы.

ЛЕОНИДЪ.

Прекрасно! А развѣ нѣтъ прямой пользы въ чистомъ, душевномъ наслажденіи? Думской упомянулъ давеча о солнцѣ, и это сравненіе съ изящнымъ вѣрно, даже принимая его только въ прямомъ значеніи. Когда солнце льетъ на насъ свои лучи, радость, какая-то благодать, разливаются по всему нашему существу. Но развѣ это пріятное чувство не заключаетъ въ себѣ еще болѣе пользы? Развѣ признакомъ этой пользы отъ лучей солнечныхъ не служить то же самое удовольствіе: ощущеніе теплоты ихъ? Взгляните вокругъ себя. Не эта ли теплота развиваетъ повсюду жизнь? Не подъ ея ли вліяніемъ приносятъ дерево самые вкусные плоды? Такъ и наитый божественнымъ восторгомъ человѣкъ способенѣе другаго къ великимъ подвигамъ. Развѣ не понятно вамъ иносказаніе древнихъ о чудесахъ, произведенныхъ звуками Орфея? Вы не изучали историковъ и не знаете, что, можетъ быть, чтеніе стиховъ Виргилія способствовало къ смягченію жестокости нравовъ царственнаго поколѣнія Готтовъ. Не на этомъ ли Алтарѣ вдохновенный проповѣдникъ возжигаетъ священный огонь своей рѣчи, которою возноситъ насъ къ познанію небесныхъ истинъ? Какъ строятся хорошіе дома, на востокъ, или полдень, такъ должны устраиваться и

государства. Отнимите у земли солнце, у государства просвѣщеніе, у просвѣщенія искусство, и земля покроется льдомъ, государство мракомъ, голова не будетъ жить безъ біенія сердца.

СНЕВИНЪ.

Ваши понятія слишкомъ идеальны, вы ставите искусство слишкомъ высоко, а жизнь передъ нимъ слишкомъ низко, потому такъ и судите.

ЛЕОНИДЪ, запальчиво.

Ваши слишкомъ вещественны. Для васъ искусство стоитъ не выше сапога, потому вы такъ и судите.

АЛЕКСАНДРЪ.

Господа! Господа! Позвольте. Я помирю васъ.

СНЕВИНЪ.

Охъ, горячъ.

ЛЕОНИДЪ, въ сторону.

За чѣмъ я началъ говорить съ нимъ!

АЛЕКСАНДРЪ.

Кто родился поэтомъ, будь поэтомъ; кто страстенъ къ наукамъ, будь ученымъ. Я не имѣю ни къ тому, ни къ другому, ни влеченія, ни отвращенія. Архитекторъ выстроилъ мнѣ домъ? Я благодаренъ. Ученый открылъ новаго двигателя? Я пользуюсь со всѣми наравнѣ его изобрѣтеніемъ и ему благодаренъ. Дидло поставилъ балетъ, сти-

хотворецъ пощекоталъ мнѣ слухъ и душу, Ромбергъ сыгралъ на вьолончелѣ; я благодаренъ. Не ужели же я стану требовать, чтобы Дидло вычислялъ отклоненіе магнита, поэтъ командовалъ войскомъ, а вьолончелистъ писалъ законы? Пустое, господа! Въ Божьемъ мірѣ всему есть мѣсто. Будь всякой тѣмъ, чѣмъ онъ быть можетъ, только бы его дѣйствія были честны и благородны, и тогда онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ быть долженъ.

ЛЕОНИДЪ, свѣпшій между тѣмъ за фортепьяно, вдохновенно поетъ

Свѣтитъ душа
Искрою Бога,
Смотритъ душа
Въ ясное небо!
Люди не видятъ
Божеской искры,
Люди боятся
Божьяго свѣта!
Какъ надъ болотомъ
Фосфоръ могильный,
Ходитъ надъ ними
Пламень небесный!

ЛАСТНЕВЪ.

Хорошо, хорошо! Я начинаю это повимать; (въ сторону:) ежели иные думаютъ, что понимаютъ.

ГРУША.

Леонидъ! Вы какъ-то мнѣ говорили, что любите цѣловать мою руку. Вотъ же вамъ, цѣлуйте!

ЛЕОНИДЪ, цѣля.

Nonni soit, qui mal у pense!

ГРУША, грустно.

Теперь, за это, спойте мнѣ птичку.

РОДИНЪ, отходя съ Сневинымъ.

Это начинаетъ быть скучно.

СНЕВИНЪ.

Совѣстно закурить сигару.

(Разговариваютъ особо.)

ГРУША, Думскому, приготовляясь слушать Леонида.

Послушайте.

ЛЕОНИДЪ, между тѣмъ ритурнелемъ перешедшій въ миноръ, поетъ:

Птичка вьется въ небеса,
Небеса надъ ней сіяютъ
И въ міръ Божій увлекаютъ
Птичекъ Божьихъ голоса.
Вдругъ надъ нею зачернѣла
Въ небѣ точка и растетъ...
Птичка бѣдная поетъ.
Кончить пѣсни не успѣла,

Звукъ опорванный исчезъ:
Пѣснь и птичка будто снились
И, отенившись, погрузились
Въ не объятности небесъ!

*(По окончаніи пльня всѣ стоятъ нѣсколько
времени въ печальной задумчивости.)*

ЛАСТНЕВЪ.

Какъ бишь ты толкуешь? Птичка: жизнь; кор-
шунъ: смерть?

АЛЕКСАНДРЪ.

Признаюсь, что эти слова и музыка имѣютъ на
меня какое-то невольное дѣйствіе.

ЛЕОНИДЪ.

Это отъ того, что лежащее въ ихъ основаніи
чувство находится въ каждомъ.

ДУМСКОЙ, Грушѣ.

Вашъ cousin человѣкъ съ талантомъ.

ГРУША.

Да только все, что онъ ни дѣлаетъ, наполне-
но такою грустью.... *(Леониду:)* Вамъ докторъ
сказалъ, что это сократитъ вашу жизнь.

ЛЕОНИДЪ.

Пустое! жизнь: нота. Она не можетъ протянуть-
ся ни болѣе, ни менѣе времени, ей назначеннаго;
иначе разстроитъ общую гармонію. Мы всѣ толь-

ко видимое изображеніе звуковъ великой ораторіи міра, которой партиція лежитъ предъ Единымъ. Стоны страдальцевъ также въ ней разсчитаны, какъ и безумные крики толпы.

АЛЕКСАНДРЪ, ДУМСКОМУ.

А знаешь ли что породило въ немъ всѣ эти мысли?... Эти часы.

ДУМСКОЙ.

Какимъ образомъ?

СТАРИКЪ.

Леонидъ! Прочитай, братецъ, что ты написалъ на часы.

ЛЕОНИДЪ, въ продолжающемся вдохновеніи, произносить.

Кто-то сдѣлалъ часы и со свѣта сошелъ,
И имени намъ не оставилъ.
Ихъ другой для себя отъ него приобрелъ,
И въ комнатѣ къ стѣнкѣ поставилъ.
Идутъ тѣ часы и звонятъ на обѣдъ,
На ужинъ звонятъ и флейтой играютъ;
Подъ звонкой ихъ бой шумъ разгульный бесѣдъ,
И гости, въ весельи, часовъ не считаютъ;
И смотрятъ на нихъ, какъ на мертвый скелетъ,
И ихъ языку, въ глухотѣ, не внимаютъ.
А идутъ часы и звонятъ на обѣдъ,
На ужинъ звонятъ и флейтой играютъ.
Но нѣтъ ужъ подъ звуки бывалыхъ бесѣдъ:

Все лица другія кружокъ наполняютъ.
И новые гости, средь новыхъ пировъ,
Все также, въ весельи, часовъ не считаютъ;
И, ясный, все темень языкъ имъ часовъ;—
И только могилы часамъ отвѣчаютъ!

*(Грустное молчаніе всѣхъ, кромѣ Ластнева,
Снежина и Родина).*

СТАРИКЪ, самъ съ собою.

Молодъ, а много жилъ.

ГРУША, Думскому.

Не правда ли, какъ это хорошо?

АЛЕКСАНДРЪ.

Самое вредное направленіе.

ЛАСТНЕВЪ.

Господа! Вы изъ веселья дѣлаете поминки.

ДУМСКОЙ.

Да! Правда!

СТАРУХА, вначалѣ еще ушедшая хлопотать объ обѣдѣ.

Милости прошу кушать.

ДУМСКОЙ, садясь за фортепьяно.

Кончимте же вальсомъ.

(Играетъ вальсъ.)

РОДИНЪ, СНИМАЯ САБЛЮ И ПОТОМЪ ПРЕДЛАГАЯ ГРУШЪ ВАЛЬСИРОВАТЬ.

Вотъ теперь и я въ своей тарелкѣ. Не угодно ли?
(Вальсируя, удаляются въ столовую. За ними уходятъ всѣ, кромѣ Думскаго, закрывающаго фортепьяно, и Старика, передъ которымъ чеповѣкъ поставилъ приборъ.)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

(Часы бьютъ три часа.)

КОСИЧКА.

А часы идутъ!

(Играетъ часовая флейта.)

ДУМСКОЙ, ПОРАЖЕННЫЙ СЛОВАМИ КОСИЧКИ И ЧАСОВОЮ МУЗЫКОЮ.

. Андрей Ивановичъ! Я давно хотѣлъ спросить васъ: что это за женщина?

СТАРИКЪ.

Говорятъ другіе, что дура.

ДУМСКОЙ.

Она точно будто бы составляетъ одно съ этими часами. Я никогда ее не видалъ на другомъ мѣстѣ,

никогда не слыхалъ отъ нея другихъ словъ. Окружающій міръ для нея, кажется, не существуетъ. Какая связь между нею и этими часами?

СТАРИКЪ.

Она : ихъ душа... Это очень замѣчательные часы. На нихъ не выставлено, ни имени мастера, ни года, въ который они сдѣланы, и въ домѣ, на моей памяти, никогда никто не зналъ, когда и къмъ они поставлены. Мой дѣдъ уже былъ къ нимъ привязанъ по воспоминанію. Ея отецъ, бывшій у моего отца управителемъ, поручилъ ей ходить за ними, а такъ какъ она отъ рожденія была полоумною, то, по тогдашней страсти имѣть въ домахъ дуръ, надѣли на нее вѣнокъ, велѣли ей перемѣнять его каждою весною, и назвали ее Косичкою, въ честь Сатурновой косѣ. Однажды она забыла ихъ завести. Ея отецъ, въ наказаніе, посадилъ ее возлѣ часовъ и велѣлъ не отходить, куда онъ не проститъ ее. Черезъ полчаса съ нимъ сдѣлался ударъ и онъ умеръ. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже теперь 40 лѣтъ, ничто не можетъ еѣ отъ нихъ отвести. Она отходитъ отъ нихъ только по ночамъ, когда всѣ спятъ; каждою весною, въ одну такую ночь, набираетъ цвѣтовъ и, по утру, неожиданно, сидитъ уже въ свѣжемъ вѣнкѣ. Ей приносятъ кушанье, но никто не видитъ, когда она ѣстъ; она ни съ кѣмъ не говоритъ, ни на что не обращаетъ вниманія, только вяжетъ свой чулокъ, который мы такъ привыкли всегда видѣть

въ ея рукахъ, что онъ, намъ кажется, не имѣеть ни начала, ни конца; да всякой разъ, когда часы пробьютъ, она произноситъ эти три слова, думая, вѣроятно, что ея отецъ когда нибудь услышитъ ихъ и проститъ ее.

ДУМСКОЙ.

Странное созданіе.

(Смотритъ на нее съ удивленіемъ.)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

СТАРУХА, ЗАБОТЛИВО НЕСЯ ТАРЕЛКУ СЪ
СУПOMЪ.

Вотъ, Андрюша, тебѣ супцу.

(Занавѣсъ опускается.)

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ТРИЛОГІИ.

Я УМЕРЪ.

На свѣтѣ нѣтъ меня! Я умеръ!
Возьмите—жъ списокъ, съ тѣмъ листомъ,
Мое гдѣ имя, и, перомъ,
Поставьте крестъ при немъ и нумеръ,
Для выноски: «отшелъ онъ въ домъ,
«Гдѣ нѣтъ ужъ счастья, но при томъ
«Ужъ и рыданья нѣтъ!»—Я умеръ!

Отрадно говорить: я умеръ,
Когда безвременнымъ концомъ
Не разорвешь души ни въ комъ,
А, какъ сказалъ разъ Блумъ иль Блуммеръ: (*)
«Вставъ утромъ весело, потомъ,
«День протрадавши, холодкомъ
«Уйдешь въ свой уголокъ». — Я умеръ!

Любезный критикъ мой! Я умеръ,
Но не одинъ оставилъ томъ!—

(*) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ извѣстной драмы Коцебу: «Бѣдность и благородство души» (Дѣйств. 3, явлен. 13).

Къ Воейкову въ безумный домъ,
Пожалуй, ставь меня подъ номеръ.
Теперь не въ вихрѣ я земномъ:
Я тамъ ужь, гдѣ, объятый сномъ,
Спокоенъ человекъ! — Я умеръ!

Хоть не дѣйствительно я умеръ:
Хожу и не закрыть мой взглядъ;
Но если, сбросивъ свой нарядъ,
Весь міръ предъ кѣмъ давно ужь умеръ
И солнце самыхъ свѣтлыхъ дней
Стоитъ какъ будто безъ лучей,—
Тогда и человекъ тотъ умеръ.

НИМФОДОРА,
ПРОСТОНАРОДНАЯ.
РУССКАЯ ПОВѢСТЬ,
ВЪ СТИХАХЪ.

1825 г.

I.

Въ пятнадцать лѣтъ ужъ Нимфодора
Молву наполнила собой.
Родясь крестьянкою простой,
Утѣха милая для взора,
Красавицъ сельскихъ лучший цвѣтъ,
Она чудесно дѣтскихъ лѣтъ
Невиновость нрава сохранила:
Старалась нѣжно утѣшать
Свою вдову—старушку мать;
Забавы, рѣзвости любила,
Плясала въ шумный хороводъ,
Въ горѣлки всѣхъ опережала;
Весною, въ токъ струистый водъ,
Вѣнокъ лазоревый броса́ла;
На льду зеркальномъ чистыхъ рѣкъ
Зимой любила санный бѣгъ;
На посидѣлкахъ, лень златистой
На вертено свое крутя,
Она любила какъ дитя,
И отъ души смѣялась чистой,
Когда ихъ сельской весельчакъ,
Большой затѣйникъ и чудакъ,

Съ ужимкой, важно и съ прикраской,
Ихъ забавлялъ игривой сказкой,
Иль вдругъ, подкравшись отъ дверей,
Ходилъ Медвѣдемъ передъ ней.

Все любовалось хохотуньей,
Игруньей милой и шалуньей.
Ей рады всѣ. Ее зовутъ,
Ее ласкаютъ и лелѣютъ,
Какъ о душѣ своей радѣютъ,
Ее какъ глазъ свой берегутъ.
Деревни удалъ молодая
Вездѣ прикована за ней;
Она ихъ пташка луговая,
Она отрада ихъ семей;
Въ цвѣтныхъ платкахъ, въ кафтанахъ сборныхъ,
Въ рубашкахъ съ воротомъ косымъ,
Добромъ ей хвастаютъ своимъ, —
И тотъ ужъ вѣрно изъ проворныхъ,
Кто къ ней подсядетъ прежде всѣхъ.
И съ ними пляска, съ ними смѣхъ,
День каждый новое веселье,
День каждый новые дары:
Тотъ лентъ на косу, тотъ шнуры,
Тотъ алыхъ бусъ на ожерелье.
Безъ отговорокъ, безъ стыда,
Все принимала красота.

Для дѣвушки въ ея лѣта,
Казалось, это бѣ и опасно
И не прошло бы такъ иной?
Но, ихъ волнуя, Демонъ злой

Вокругъ нея ходилъ напрасно:
Ея невинность отъ сѣтей
Святая Дѣва охраняла
И, въ простотѣ души своей,
Она ни какъ не понимала
За чѣмъ, до вѣщихъ пѣтуховъ,
Оставивъ мирныя подушки
И тихо выйдя изъ домовъ,
Ея созрѣлыя подружки,
Шепча и крадучись, однѣ
Идутъ къ скрыпучей, въ сторонѣ,
Жильцомъ оставленной избушкѣ,
Запаснымъ бѣлымъ полотномъ
Шатучій столъ тамъ накрываютъ,
И дверь и окна всѣ кругомъ
Затворомъ крѣпкимъ запираютъ,
Приборы ставятъ, кругъ святой
Обводятъ трепетной рукой,
Его крестятъ, его чураютъ
И, оставаясь по одной,
Передъ зажженною свѣчей
Складное зеркало вскрываютъ,
Его платочкомъ обтираютъ,
Въ него съ желаніемъ глядятъ,
И всѣ блѣднѣютъ и дрожатъ,
Кого—то въ страхѣ ожидаютъ,
Кого—то ужинать зовутъ;
Иль, столъ оставивъ, тихо къ банѣ
Полурастворенной идутъ
И шепчутъ и чего—то ждутъ,

И даже разъ, подѣвши къ Танѣ,
Подругѣ избранной своей,
Она тайкомъ открылась ей,
Что къ ней какъ къ меду льнуть мужчины,
Что мужъ покойницы Арины,
Сосѣдъ ихъ, дядя Алексѣй,
Когда бываетъ съ нею рядомъ,
Какимъ—то жгучимъ смотритъ взглядомъ,
И все бы ей онъ ножку жалъ,
И все въ уста бы цѣловалъ,
И такъ его трепещетъ голосъ,
И все онъ крадется какъ тать.
Ему бъ ужъ не въ пору играть,
Ужъ у него сребристый волосъ
По черной вьется бородѣ,—
А онъ какъ тѣнь за ней вездѣ.
И счастье то, что сколько можно,
По добротѣ иль отъ стыда,
Подруги сами завсегда
Вели себя съ ней осторожно
И берегли ее какъ кладъ:
Не все, что знали, ей болтали,
Хоть и смѣялись, но молчали
И на простой дѣвичій ладъ
Ея ума не просвѣщали.

II.

Читатель! Если пышный плодъ
Виситъ на деревѣ высокомъ
И, отражаясь въ токѣ водъ,
На свѣтъ яснѣетъ чистымъ сокомъ;
Его ты ловишь жаднымъ окомъ,
А средства нѣтъ его достать;—
Не правда ли: тебѣ досадно?
Хоть любоваться имъ отраднo,
А лучше было бы сорвать?
Такъ и съ красавицей. Всѣ взоры
Остановились на ней,
Но тѣхъ невинностью своей
Прельщало сердце Нимфодоры,
Другикъ же, ко стыду людей,
Оно лишь только раздражало.
Пріятный взглядъ, или въ уста
Вскользь поцѣлуй,—вотъ все, бывало,
Чѣмъ награждала красота;

А этого для многихъ мало.
Въ деревнѣ, какъ и въ городахъ,
Все тѣ же слабости въ сердцахъ,
И подъ простымъ онѣ кафтаномъ
Ни чѣмъ не лучше, вѣрьте въ томъ,
Сердечъ подъ Англійскимъ сукномъ.
Глубокой взглядъ съ лилейнымъ станомъ,
Ланить весеннихъ красота
И юныхъ персей полнота,
Какъ насъ, ихъ также соблазняютъ
И тѣ жъ мечтанія рождаютъ
И, вопреки живыхъ умовъ
И музой вдохнутыхъ стиховъ
Буколиковъ простонародныхъ,
Не меньше ль, въ дикой простотѣ,
Порывовъ видимъ благородныхъ?
Природа, въ первой наготѣ,
Стоитъ много нами расхваленной,
Природы хуже просвѣщенной,
Гдѣ добродѣтель честь семей,
Гдѣ благородствуетъ людей
Всегда къ высокому стремленье. —
Въ невольной дани удивленья
Къ крестьянкѣ милой и простой,
Всѣ предавались ей душой,
Но съ чувствомъ полнымъ уваженья;
Однако жъ, нравъ ея любя,
Искалъ въ ней каждый для себя
Хоть небольшого исключенья.
Но всѣхъ докучиѣ бывалъ

Ей Алексѣй. Вдовецъ, безъ рода,
Угрюмый духомъ, средь народа
Какъ бы одинъ, не отступалъ
Онъ ни на шагъ. Всегда укоры,
Всегда мольбы въ его устахъ
И пламень бѣдственный въ глазахъ
Въ невинную вселяли страхъ.
Ни гдѣ не скрыться. Какъ дозоры,
Какъ взглядъ, стрегущій злыхъ звѣрей,
Какъ страшный призракъ полуночи,
Его встревоженные очи
Повсюду слѣдуютъ за ней
И нѣтъ спокойнаго ей мѣста.
Онъ свахъ и сватовъ засылалъ
И вдругъ однажды самъ сказалъ:
«Послушай! Будь моя невѣста!»
— Не такъ голодный рветъ шакалъ.—
Она, въ испугѣ, закричала
И, съ громкимъ воплемъ, побѣжала
Къ старушкѣ матери своей.
Она одна отрада ей,
Она одна ея спасенье!
Отъ сердца будто отлегло;
Но онъ за ней. Души волненье
Его наморщило чело,
И тѣ жъ слова, но къ нимъ угрозы.
Мать плачетъ, бесполезны слезы.
«Отдай!» — кричитъ ей Алексѣй—
«Ей суждено ужъ быть моей!
«Ея любви мнѣ не добиться,

«Я жить хочу съ ней безъ любви!

«Я искупаться радъ въ крови,

«Лишь часъ одинъ бы насладиться!

«Убью! Умру! Чего мнѣ ждать?»

Уже испуганная мать

Согласье вымолвить готова,

Ужъ роковое хочеть слово

Изъ устъ дрожащихъ излетѣть,

Но дочь къ ногамъ ея упала:

«Не погуби меня,» сказала.

—Убѣть!— «Чтожь? Лучше умереть,

«Чѣмъ жить, на свѣтъ взглянуть не смѣя!

«Вели въ тюрьму идти, не лгу,

«Пойду и словомъ не коснѣя,

«Но быть женою Алексѣя,—

«Нѣтъ, я не въ силахъ, не могу!»—

И рѣчи бѣдной, и рыданье,

И груди страшное вздыманье,

Все явно говорило въ ней,

Какъ ей противенъ Алексѣй.

И Алексѣй то видѣлъ ясно,

И на глазахъ его ужасно

Зайскрѣлъ гнѣвъ. Смеживъ уста,

Вперилъ онъ взоръ, налитый кровью...

Ужь, знаменье творя креста,

Ждетъ страшной смерти красота,

Но, поборенъ еще любовью,

Онъ вдругъ смирился, взоръ отвелъ,

Вдругъ хлопнулъ дверь и ушелъ.—

И впали всѣ въ недоумѣнье:

Еще страшнѣе опасенье
Въ нихъ растревожилъ этотъ бѣсъ.
Казалось, звѣрь тутъ былъ, и въ лѣсъ
Ушелъ лишь только на мгновенье...
Къ тебѣ ихъ теплое моленье,
Царю, властителю небесъ!
Будь имъ покровъ, будь имъ спасенье!

III.

Вдругъ слышать: Алексѣй исчезъ.
Заговорило все селенье,
И старъ и младъ твердить о томъ.
Какъ гробъ сталъ опустѣлый домъ,
И страшно все въ немъ: вѣтеръ роетъ
Солому кровли, жидкой тесъ
Дрожить въ заборѣ; дико воетъ,
Какъ бы по мертвомъ вѣрный песъ.
Всѣ поиски остались втунѣ,
Лишь знали то, что наканунѣ,
Угрюмый возвратясь домой,
Онъ былъ весь день какъ самъ не свой,
Всю ночь шатался безъ ночлегу,
Потомъ, пожитки склавъ въ телѣгу,
Къ сосѣду всѣ перевозилъ,
Хранить до время ихъ просилъ,
Съ его семействомъ распростился;
Потомъ работницу позвалъ,

Далъ отпускъ ей: поди, сказалъ,
Молись о мнѣ! — И самъ молился,
И въ жизни въ первый прослезился.—
И съ той поры уже пропалъ.

И разные ходили слухи.
Иной твердилъ, что самъ слыхалъ,
Какъ въ ночь глухую, злые духи
Бродили вокругъ его избы
И, въ предвѣщаніе судьбы,
Подземнымъ голосомъ вопили,
И вѣрно бѣднаго стащили.
Другой добавилъ для прикрасъ,
Что въ ближней рощѣ даже разъ
Его онъ видѣлъ колдованье;
Что онъ всегда въ полночный часъ
Ходилъ къ кому-то на свиданье;
Что въ эту ночь онъ то жъ хотѣлъ
Туда идти, но вдругъ сторѣлъ.
И эти дѣтскія игрушки
Невольно всѣхъ страшили духъ:
Одинъ шепнулъ, а тамъ ужъ вслухъ
И затрезвонили старушки,—
Ихъ язычки лишь только тронъ.
Съ тѣхъ поръ: засвѣтится ль огонь
Межъ дальнихъ сосенъ, кошка ль въ банѣ
Мяукнетъ громко, иль въ туманѣ
Перенесется сѣрый волкъ,—
Сейчасъ въ деревнѣ новый толкъ.
Но все одни то были вздоры;
Вѣрнѣе тотъ предполагалъ,

Кто говорилъ, что онъ рѣшился
Не жить, и вѣрно утопился.

Его примѣръ былъ всеѣмъ урокъ.
Онъ былъ сварливъ, душой жестокъ,
Его въ селеніи не любили:

Потолковали и забыли.

Но, Нимфодора, ты одна
Все молчалива и грустна!

Куда твой дѣлся нравъ игривый?

Уже безпечною счастливой

Не веселишь ты шумный кругъ

Твоихъ затѣйливыхъ подругъ;

Участью дружбы не внимаешь;

Ей не ввѣряешься душой

И, тлѣющей въ душѣ тоской,

Во всеѣхъ веселость отравляешь.

Еще онъ живъ въ душѣ твоей,
Для всеѣхъ умершій Алексѣй!

Его всегдашніе укоры

Еще звучать въ твоихъ ушахъ;

Огнемъ пылающіе взоры

Еще наводятъ прежній страхъ;

Но ты ужъ сердце обвиняешь

Въ его мученьяхъ и концѣ,

Себя убійцей называешь

И, какъ въ страдальческомъ вѣнцѣ,

Печальной прелестью сіяешь.

Напрасно мать толкуетъ ей:

Того онъ стоилъ, онъ злодѣй,

Твоей бы кровью онъ напился:

Того сказать онъ не страшился,
Того избѣгнуть не могли бѣ.
— «Родная! Знаю! но онъ стибъ!
«Отрады сердце не находить.
«Вокругъ меня онъ тѣнью бродить,
«Меня преслѣдуетъ во снѣ.
«Я помню: страшно было мнѣ,
«Что онъ ни сдѣлаетъ, ни скажетъ,
«Но безъ меня онъ сталъ бы жить:
«Я не могла его любить,—
«И Богъ меня за то накажетъ!»
И слезы крупныя текли
По блѣднымъ, трепетнымъ ланитамъ
И о страдальцѣ позабытомъ
Какъ будто память берегли.

IV.

Межъ тѣмъ своею чередою
И дни и мѣсяцы текутъ
И сердцу скорбному съ собою
Лѣкарство вѣрное несутъ.
Зима прошла, весна вспорхнула,
Живится зеленѣю земля
И лѣто жаркое дохнуло
На золотистыя поля.
При простодушныхъ кликахъ хора
Живѣо встрѣчающей толпы,
Блестятъ на солнышкѣ серпы...
Еще печальна Нимфодора,
Но позабытъ ужъ Алексѣй.
Теперь другая дума въ ней.
Ей годъ прибавился. Полнѣе
Ея развились красоты,
Забилось сердце въ ней сильнѣе,
Родились новыя мечты.

Ей часто въ мысль уже приходитъ:
Какъ скучно вѣкъ изжить одной;
Къ чему—то просится душой,
Чего—то ищетъ, не находитъ,
О чемъ—то молится судьбѣ...

То видитъ мать. Созвавъ къ себѣ
Кружокъ старушекъ прозорливыхъ
(Хоть вопреки селу всему,
Не очень бойкихъ по уму,
За то ужъ очень кропотливыхъ),
Рѣшила съ ними наконецъ
Скорѣе дочку подъ вѣнецъ.
И въ этомъ ихъ опредѣленьи,
По чести, совѣсть ихъ чиста.
Когда, въ извѣстныя лѣта,
Родится нѣкое томленье
И въ сердце, полное движенья,
Тоска вливается какъ ужъ:—
Для дѣвушки хорошій мужъ
Тогда хорошее лѣченье.

А между тѣмъ и женихи
За свахой сваху засылаютъ.
Забывъ нажитые грѣхи,
Старушки скромность выхваляютъ
Своихъ любимцевъ молодыхъ.
На край прилавки сѣвши чинно,
Съ ужимкой губъ и въ рѣчи длинной
Съ тщеславіемъ, каждая изъ нихъ,
А очень часто съ прибавленьемъ,
То хвалится большимъ имѣньемъ,

То красотою жениха...
Но Нимфодора къ нимъ глуха.
Что ей въ богатомъ ихъ имѣньи?
Богатство сердцу ничего,
А на бѣду во всемъ селеньи
Ей нѣтъ по сердцу никого.

V.

Насталъ день Пимена (*) (Прихода
Въ селѣ то праздникъ храмовой)
И потянулись за толпой
Толпы усерднаго народа
Путемъ широкимъ на погостъ.

Съ душой смиренной, подлѣ хора,
Припавъ на каменный помостъ,
Молилась въ церкви Нимфодора
Съ старушкой матерью своей.
Вдругъ видитъ: вправо передъ ней
Стоить, ей кто-то неизвѣстный,
Но милый, юный и прелестный.
Кружальцемъ черные власы,
Высокой станъ, густыя брови,
Едва пробившіеся усы,
Игра и жаръ ланитной крови

(*) 27 августа.

И, полны жизни и красы,
Глаза какъ ночь... Все это вводить
Въ невольный трепетъ красоту
И небывалую мечту
На сердце юное наводить.
Еще не зная что любовь,
Она горить. Младая кровь,
То къ щекамъ пламеннымъ приступить,
То въ нѣжной груди закипеть.
Безъ словъ красавица стоитъ,
Подниметь взоръ и вновь потушить,
И незнакомца черный глазъ
Его встрѣчаетъ каждый разъ.
И онъ, злодѣй, ужъ безъ сомнѣнья
Примѣтилъ тайное движеніе
Бѣ встревоженной души;
И онъ дрожить, и онъ, въ тиши,
Украдкой дѣвы ищетъ взора.
И все онъ ближе, ближе хора,
И такъ ужъ близко наконецъ,
Что даже, кажется, бѣенье
Другъ другу слышно ихъ сердець; —
И пуше робость и смятеніе
И волнованіе крови.

О! Вспомяну ль и я бывшее?
Дерзнуть ли пѣть стихи мои
Тебя, о чувство золотое,
Невольно пылкое, святое,
Начало первыя любви?
Какъ устъ младенца первый лепетъ

Привѣтъ есть первый бытія,
Такъ этотъ тихой сердца трепеть,
Сей лучъ небеснаго огня,
Внезапный, сильный, непонятный,
Души есть первый въ насъ привѣтъ.
Блаженъ, кому весь день пріятный
Благовѣститъ сей первый свѣтъ!

VI.

Я не забылъ еще тревогу
Моей души! Съ тѣхъ поръ одно,
Какъ грузъ, лежитъ на сердцѣ.... но,
Оно прошло — и слава Богу!
Оставимъ это!

Цѣлый день

О немъ красавица мечтаетъ.
Придетъ, сойдетъ ночная тѣнь,
Ее мечта не покидаетъ;
И ленту ль шьетъ, иль на клубокъ
Мотаетъ нитю бѣлоснѣжной,
Узломъ крутится алый шёлкъ
И рвется нить въ рукѣ небрежной.
Одно въ умѣ: гдѣ онъ? За чѣмъ
Онъ не знакомъ въ селѣ ни съ кѣмъ?
Хоть вскользь взглянуть бы, хоть въ окошко
Поллюбоваться бы немножко

На эти черные глаза.
И вдругъ покажется слеза.
Ахъ, какъ отъ матери укрыться?
Работу кинетъ, побѣжитъ,
Одна поплачетъ, погруститъ,
На вольномъ вѣтрѣ освѣжится
И вновь къ работѣ возвратится,
И улыбается опять,
И думаетъ: не видитъ мать,
А мать давно ужъ примѣчаетъ,
И только время выжидаетъ.

«Что ты, голубушка моя?
«Поди ко мнѣ, Христосъ съ тобою!
«Что не болитъ ли у тебя?
«Чего ужъ нѣтъ ли за душою?
«Я на тебя смотрю давно:
«Ты все пряла, и вдругъ забудешь,
«Вдругъ остановишь вертено.
«Ты не лѣнишься, не причудишь;
«А что-то, дитятко, была
«Ты прежде больше весела.
«И все тебѣ какъ будто жарко.
«Ужъ не нужна ль тебѣ лѣкарка?
«Ужъ кто, лаская и любя,
«Не заморочилъ ли тебя,
«Иль не навелъ ли злую думу?
«Ужъ не сходить ли было къ куму,
«Чтобъ онъ соломенки расклатъ
«И мнѣ о дочкѣ загадалъ?»
— Нѣтъ, матушка, не бось, родная!

Здорова я; а что-то такъ,
Сама не знаю. Ночь дурная,
Мнѣ не спалось ни такъ, ни сякъ,
И все мяукала тутъ кошка,
Такъ голова болитъ немножко.

VII.

Темно и всё объаты сномъ. —
Стучится кто-то подь окномъ.
— Кого Богъ жалуетъ? — «Пустите!» —
— Да кто? — «Приходской вашъ дьячѣкъ.
«Всю ночь бѣжалъ и весь измокъ.
«Я къ Нимфодорѣ! Отоприте!»
— Ахъ, дочка, слышь! Перекрестись!
Отвори калитку. Что за слово?...
Здорово, Климушка! Садись!
Вотъ полотенцо, оботрись.
«Хозяйки добрыя, здорово!
(Крестъ сдѣлалъ на скоро и сѣлъ).
«Ужь вотъ себя-то я угрѣлъ,
«Да на бѣду еще ненастье.
«Не уставалъ такъ на роду.»
— Да что? За чѣмъ? — «Принесъ я счастье.
«Вчера былъ батъка въ городу,
«И что-жь привезъ-то вамъ? Смѣкаешь?
«Лукерью Савичну вѣдь знаешь?»
— И, мой кормилецъ! Вотъ-те разъ!
Она все холстъ беретъ у насъ.

Я не бывала, дѣло вдовье,
А дочку, дай ей Богъ здоровье,
Всегда ласкаетъ. — «Такъ молчи-жь!»
«Она Отца Петра-то, слышь,
«И зазвала, да и пустилась
«Въ распросы, а лихъ все о васъ:
«Когда Фодорушка родилась,
«И какъ ведетъ себя. Да часъ
«Его, кормилица, держала;
«Потомъ къ себѣ и приказала
«Прислать ее. Скажи-де ей,
«Чтобъ пріѣзжала поскорѣй
«И въ домъ ко мнѣ вошла бы смѣло:
«Есть до нея большое дѣло,
«И ей полюбится. Вотъ въ ночь
«Пріѣхалъ батька, да за мною.
«Бѣги стремглавъ, чтобы съ зарёю
«Матрена выслала къ ней дочь.
«Ну, тетушка! За вѣсть такую
«Я чай ты чарку поднесешь!»
— И, куманекъ! До утрень пьешь!
На что же это? На какую
Она ей нужду? Не внеси
Ты, Климъ, бѣды къ старушкѣ хилой!
Помилуй Господи, помилуй!
Ахъ Отче нашъ иже еси
На небеси! — «И! полно вздорить!
«Вели Фодорушкѣ проворить,
«Да въпречь лошадку.» — Ну, въпряги!
Тебѣ Владыко помоги!

Возьми съ собою на дорожку
Ломотикъ хлѣбца, да горошку,
Да, слышь, веди себя умнѣй
И ворочайся поскорѣй.

Лошадку дочка заложила,
Надѣла сѣренькой кафтанъ,
Свернула въ узелъ сарафанъ
И ленту шитую, вложила
Туда же чоботы, чулки,
Сорочку чистую, куски
Запасные, перекрестилась
И въ путь дороженьку пустилась.
Ее въ окошко крестить мать,
А Климъ остался попивать.

VIII.

Климъ пьетъ. Ему какое дѣло,
Что у Лукерьи тамъ идетъ.
А у старухи такъ и жжетъ
Подъ ложечкой, такъ и вскипѣло
Въ груди, когда еще въ дали
Она завидѣла: въ пыли
Летитъ къ деревнѣ, словно точка
Сначала черная, потомъ
Все ближе, ближе — и вотъ дочка,
Махая розовымъ платкомъ,
Во дворъ скорехонько вкатила.
Съ телѣги птичкой соскочила,
И въ избу. — «Матушка! Смотри
«Какой платокъ! Еще тамъ три
«Косыночки.» Подарки кажетъ
И ей и Климу. А чего!
Климъ такъ ужъ пьянъ, что у него
И глазъ не видитъ ничего

И словъ языкъ давно не вяжетъ,
И чѣмъ бы въ домъ скорѣй бѣжать,
Залегъ онъ на скамейку спать.
— Ну чтожъ (старушка мать спрашаетъ),
За чѣмъ же Савична звала? —
« Не знаю, матушка. Богъ знаетъ
« За чѣмъ. » — Кто былъ еще? — « Была
« Купчиха, или сваха что ли
« Въ гостяхъ; купецъ, невѣсть отколѣ, —
« Однако же не мужъ съ женой, —
« Въ щекахъ румянецъ, а сѣдой.
« Со мною говорилъ онъ много,
« Разспрашивалъ и о тебѣ;
« И обо всемъ—то: объ избѣ,
« Коровкахъ, лошадяхъ и строго,
« Такъ строго на меня смотрѣлъ,
« Что инда ужасно сначала
« Мнѣ сдѣлалось. Узнать хотѣлъ
« Всею подноготную. Я отвѣчала
« На все какъ должно. »—Ну такъ что жъ?
Тебя—то звали для чего жъ?
Подарки—то за что такіе?
Кто далъ?—« Подарки? Такъ? За то...
« Не знаю право я за что,
« Дала мнѣ Савична. »—Ни слова
При томъ?—« Вотъ, говорить, обновы,
« Носи да помни. »—А купецъ
Богатый?—« Видно, что богатый. »
— Вдовецъ иль холостъ?—« Нѣтъ, женатый.
« Я поняла изъ словъ »...—Отецъ

Небесный! Грѣшниковъ помилуй!—
На лавкѣ Климъ перевалилъ
Носъ на бокъ и, въ земную силу,
На полднѣ зорю затрубилъ.

Тѣмъ все и кончилось.—Не мало
Однако жъ мать, сама съ собой,
Припоминая что бывало,
Качала старой головой.
И дочка что—то, очень странно,
Не такъ была какъ прежде: рано
Легла и все того купца
Ей обликъ грезился лица,
Еще и въ старости румяный...
Ушелъ и Климъ, подъ вечеръ, пьяный.

IX.

Прошло деньковъ пятокъ, не болѣ.—
Фодорушка день каждый въ полѣ,
И вдругъ въ деревнѣ пылъ столбомъ.
Въ телѣжкѣ мчатся тамъ рессорной;
И ржётъ и пышетъ конь задорной,
И прямо стали подъ окномъ.
Она шла въ домъ.—Два гостя новыхъ.
Одинъ старикъ, но съ нимъ другой:
Высокой, статный, молодой;
Въ кафтанахъ съ прошвой золотой
И въ шапкахъ изсѣда бобровыхъ,
Закинувъ возжи на заборъ,
Къ нимъ идутъ на широкой дворъ.
Одинъ, снявъ шапку, поклонился.
Ахъ, Нимфодора! Отъ чего
Твой серпъ упалъ и, безъ всего,

Ты такъ дрожишь?—И онъ смутился,
Твой ужъ знакомецъ молодой.

Скорѣй дорожкой другой
Она къ старухѣ побѣжала
Сказать; но та ужъ увидала:
Въ избѣ, дряхлѣющей рукой,
Давно всѣ лавки обметала.
«Фодора! Дитятко! Сотри
«Съ стола, вишь жалуютъ къ намъ гости;
«Ведро составъ, а тѣ вонъ кости
«Хоть въ поставецъ тотъ убери.»

И вотъ ужъ двери заскрыпѣли,
Передъ гостями растворясь.
Перекрестившись, поклонясь,
Сложили шапки. Суется,
Старуха просить сѣсть. Вотъ сѣли.
«За чѣмъ васъ Богъ, отцы, привелъ?»
Межъ тѣмъ, накрывъ холстиной столъ,
Фодорушка обычай править:
Хлѣбъ—соль и медъ предъ ними ставить.
Старикъ промолвилъ наконецъ:
«Хозяюшка! Я здѣсь купецъ
«Заѣзжій изъ страны далѣкой,
«По прозвищу Зосимъ Широкой.
«На бѣломъ свѣтѣ я одинъ
(И вздохъ тутъ вырвался глубокой),
«Мое родство лишь этотъ сынъ.
«Мой торгъ былъ счастливъ; слава Богу
«Есть много денегъ и всего.
«Теперь пристроить бы его

« И я на общую дорогу
« Отъ жизни бѣ тихо перешелъ.
« Быть можетъ Богъ меня завелъ
« Въ вашъ околотокъ не напрасно.
« Есть дочка у тебя: прекрасна,
« И добронравна, и умна,
« И то жъ у матери одна.
« За нравъ Кириллы я порука,
« Ему понравилась она.
« Благословимъ ихъ другъ для друга,
« Ударимъ съ Богомъ по рукамъ
« И вмѣстѣ приметь насъ могила! »
— Благослови, сказалъ Кирилла,
Упавъ къ старушкинымъ ногамъ.

Молчитъ старушка. Слезы градомъ
Изъ слабыхъ сыплются очей.
А дочь? Она, сидя съ ней рядомъ,
Не помнить, какъ припала къ ней
И руку жарко ей лобзаетъ.—
Весь духъ въ ней сжался и дрожалъ.
Ее старушка понимаетъ:
Ей поцѣлуй тотъ все сказалъ.
Подумавъ, на изображенъе
Христа Спасителя взглянувъ,
Предъ нимъ съ молитвою вздохнувъ:
« Будь Божье вамъ благословенъе! »
Сказала. И женихъ въ мгновенье
Невѣсту милую прижалъ
Къ груди. — Кто видѣлъ эту радость,
Всю понялъ силу тотъ любви

И, въ чистой, молодой крови,
Бя всю будущую сладость.
Святой снявъ образъ со стѣны,
Старушка имъ ихъ оѣнила
И, какъ въ замѣнъ святой воды,
Слезой горячей окропила.
Отецъ заплакалъ. Весь сѣдой,
Съ груди снявъ крестъ и возлагая
Его на нихъ, благословляя,
Сказалъ: «да будетъ надъ тобой
«И надъ тобой рука Господня!
«Онъ далъ дожить мнѣ до сегодня,
«Теперь умру не сиротой!»

О! Сколько Богъ еще участья
Въ насъ принимаетъ на землѣ!
Въ сей безыскусственной семьѣ,
Читатель, въ сей картинѣ счастья,
Свидѣтель радостей живыхъ,
Не зналъ бы ты, чѣмъ утѣшаться:
Восходъ ли славить дней молодыхъ,
Иль ихъ закатомъ любоваться.

Потокомъ рѣчи ихъ бѣгутъ
О новомъ, о быломъ; и тутъ
Невѣста жениху призналась,
Что въ домѣ Савичны, когда
Ее вдругъ позвали тогда,
Она сейчасъ же догадалась,
По облику и, наконецъ,
Румянцу, голосному звуку,
Особенно, сбоченивъ руку,

Съ ней говорилъ когда купецъ,
Что это былъ его отецъ.

Сдружилась и съ купцомъ старуха,
Какъ будто вмѣстѣ жили вѣкъ;
Отъ рѣчи не отводитъ слуха,—
Такой разумный человѣкъ.
И онъ Матрену понялъ разомъ
И, много видѣвъ на свѣту,
Взлюбилъ ее за умъ и разумъ
И за простую прямоту.

Носился слухъ — не утверждаю—
Что Будто Моллеръ (ужь не знаю,
Какъ тутъ онъ въ это время былъ,
Но Месмеръ доказалъ покуда,
Что это быть могло безъ чуда)
Съ четы помолвленной схватилъ
Свою идею поцѣлуя.
Меня пріятель увѣрялъ,
Что самъ при немъ онъ то сказалъ,
Въ кружкѣ артистовъ вечера,
И будто тутъ же, между словъ,
Матрену вспомнивъ и Зосиму,
Домолвилъ (вѣрить я готовъ),
Что съ этихъ чудныхъ двухъ головъ
Напишетъ солнечную зиму.

Х.

Съ конца въ конецъ молва бѣжитъ,
Окружность вся заговорила
О счастья юнаго Кирилла,
И зависть ѣдкая молчить;
А если злоба и не спитъ,
То это можетъ быть кричить
Какой нибудь женихъ съ досады,
Къ надеждѣ потерявшій слѣдъ,
Иль вянущая безъ отрады
Невѣста презрѣлыхъ лѣтъ.
Съ достойнымъ къ зависти презрѣньемъ,
Прекрасно—милая чета
Имъ отвѣчала завсегда
Однимъ безмолвнымъ наслажденьемъ.
Но срокъ ужъ близится къ концу,
Желанный день настанетъ скоро
И, съ тайнымъ трепетомъ, къ вѣнцу
Себя готовать Нимфодора.

О сколько чувствъ рождаетъ въ насъ
Святыхъ минутъ сихъ приближенъе,
Иль счастья жизни иль мученья
Сіе, единый въ жизни разъ,
Невозвратимое рѣшенъе! —
Но Нимфодоръ ли тужить?
Ея ль женихъ ее престанетъ
Все съ той же нѣжностью любить?
Ахъ, если онъ ее обманетъ,
Кто жъ въ свѣтъ вѣренъ можетъ быть?

XI.

Осенній мракъ безлунной ночи
Угрюмо легъ на небесахъ.
Ни зги въ долинахъ и лѣсахъ,
Лишь, хищно, пламенные очи
Толпами рыщущихъ звѣрей,
Какъ искры свѣтлыя ночей,
Какъ огонь блудящій, въ полѣ ходять,
Тревожатъ тихой миръ полянъ
И трепеть робостный наводятъ
На запоздалыхъ поселянъ.
Полны народомъ, стихли селы,
Не блещетъ въ окнахъ свѣтъ лучинъ.
Уснулъ спокойно селянинъ.
Онъ счастливъ: сонъ ему веселый
Замѣной тягостнаго дня
И, убаюкавши дитя,
Къ нему подруга пріютилась.
Она дремотой позабылась,

Но въ сердцѣ чувства все однѣ:
Оно не спитъ и, въ самомъ снѣ,
Ея всѣ мысли занимаетъ
Младенца милаго покой,—
И люльку легкую, ногой,
Она сквозь сонъ еще качаетъ.

Но во всеобщемъ этомъ снѣ
Одинъ, какъ тать, какъ черный воронъ,
Блуждаетъ въ мрачной тишинѣ.
Въ немъ духъ свирѣпой думой полонъ,
Въ немъ сердце неприступный адъ.
Преступникъ въ мысли ужъ заранѣ,
Онъ вознести не смѣетъ взглядъ
На небо, скрытое въ туманѣ.

Но вотъ прекрасная заря,
Румянцемъ пурпурнымъ горя,
Ужъ появилась на востокѣ.

При первыхъ солнечныхъ лучахъ,
Какъ рыба свѣтлая въ потокѣ,
Бросаясь вверхъ, топясь въ волнахъ,
Въ весельи плещеть и кружится,
Такъ въ мирныхъ, счастливыхъ селахъ,
Съ наставшимъ утромъ, все живится.
Давно зернистые снопы
Въ гумнахъ разложены грядою
И ходять, быстрой чередою,
На нихъ тяжелые цѣпы;
Яснѣютъ печи, пробиваетъ
И въ дверь и въ окна черный дымъ
И избы куревымъ густымъ

До половины застилаетъ .
— Крестьянинъ, по нуждѣ своей,
До бѣлыхъ не охочь печей;
И то, по истинѣ не даромъ .
Отъ нихъ изба не такъ суха,
Да еще, долго ль до грѣха,
Понаберешься и угаромъ.—
Отдавши дани молока,
Покинувъ тѣсную засаду,
На звукъ призывнаго рожка,
Мыча, коровки идутъ къ стаду;
Бія крылами, съ крикомъ, въ прудъ
Несутся гуси чрезъ селенье.
Повсюду жизнь, полезный трудъ,
Вездѣ забота и движенье.

Не вдалькѣ, горы крутой
Прекрасно—свѣтлое рожденье,
Межъ кѣрней рощи молодой,
Шумѣлъ источникъ. То селенье
Поилъ онъ чистою водой.

Накинувъ шубку, торопливо
Къ нему красавица бѣжитъ.
Осенній утренникъ свѣжить
Румянецъ щекъ ея игривой.
Холодной зачерпнувъ воды,
Идетъ назадъ. Ея слѣды
На смятой зелени замѣтны,
Листокъ подъ ножкою хруститъ;
Въ росѣ, какъ въ бусахъ, семицвѣтный
Лучъ солнца весело горитъ,

На избахъ блещеть въ отдаленьи
И дымъ, вѣющійся въ селеньи,
Отливомъ яркимъ золотить.

Природы дивная картина
Весь духъ въ ней радостно живить;
Но этой радости причина
Еще другая есть. Три дни
(А это много для любви)
Она съ Кириллой не видалась:
Онъ былъ отозванъ по дѣламъ.
И ужъ бѣдняжка стосковалась,
И, часто думавъ: по ночамъ
Какая темъ, а по утрамъ
Какіе страшные морозы,
О немъ и плакала не разъ.—
Что еслибъ пошлину на слезы?...
Но не далекъ свиданья часъ.
Сегодня долженъ онъ вернуться,
Сегодня будетъ онъ опять
Свою невѣсту цѣловать,
И снова радости начнутся;
И отъ нея не оторветъ
Его ни чья впередъ ужъ сила.
И, такъ мечтаючи, идетъ
И громко, весело поетъ.—
Она ту пѣсню не учила;
Сама не знаетъ какъ сложила.

«Ахъ, утро! Ты скорѣ мчись!

«Скорѣй ты, полдень, прояснись!

« Скорѣ день развеселись!

« Скорѣ милый воротись! »

Поетъ, не видить и не слышать;
Одной любовью сердце дышитъ...
И вдругъ предъ нею Алексѣй!

. . . . .

Надвинувъ шапку до бровей,
Лицо какъ смерть, взоръ полный крови,
Мучитель мученикъ любви...

. . . . .

Несчастная! . . . . .

. . . . .

Такъ черный бѣсъ,
Въ комъ сердце какъ смола клокочетъ.
Въ насъ души стережетъ—и хочетъ
Перехватить ихъ у небесъ! . . . . .

. . . . .

ХІІ.

Яснѣетъ полдень. Ближе къ дому
Тѣнь утѣсенная лежитъ. . . . .
. . . . .

Кто скачетъ по полю пустому?
Чей колокольчикъ тамъ звенить?
Съ коней струи катятся мыла,
Ямщикъ и свищетъ и кричить.—
Такъ вихрь несется...

То Кирилла...

Нетерпѣливый, онъ привсталъ,
Коней самъ нудить... Въ отдаленьи
Чернѣютъ избы;... вотъ, въ селеньи,
Ужъ лай собакъ!... Онъ подскакалъ...
Идетъ ужъ въ домъ... Но не выходить
Она на встрѣчу. Домъ пустой!
Кого спросить? Старикъ хилой
Одинъ на улицѣ чуть бродить...
Спросилъ... Вѣсть страшная!.. Бѣжить

Туда, гдѣ весело шумить
Ручей, — и гуль его пустынный
Ему единый проводникъ.
Еще не знаетъ, что съ невинной?
Но вѣщій хладъ его проникъ,
Мечтою страшной сердце бьется,
Едва дерзаетъ онъ дышать...

. . . . .
На лугѣ, гдѣ источникъ вьется,
Лежить безчувственная мать.
«Гдѣ дочь?» Въ отвѣтъ она ни слова: —
Душа ужъ вылетѣть готова.
Но, между листьями, слѣды
Мужскою вдавлены ногою;
Среди расплеснутой воды
Ведро желтѣетъ надъ травою;
Въ куста закинутъ коромысль;
Тамъ рукавицы; тамъ, чернѣя,
Медвѣжья шапка Алексѣя,
Всѣмъ признакъ памятный злодѣя...
Картины внятень страшный смысл...

. . . . .
Народъ весь тутъ. Пошли слѣдами.
Вотъ два мужскіе сапога,
Вотъ съ ними женская нога.
Онъ, видно, обхвативъ руками,
Тащилъ несчастную. Она
Боролась съ звѣремъ, какъ могла...
Слѣдъ своротилъ.

Вотъ луговинка,

Вся сплошь измята. Вотъ косынка,
Что ей женихъ прислалъ съ отцомъ
Изъ города. Она съ узломъ?
Ахъ бѣдная! Что бъ не кричала,
Ее душить тотъ сталъ уродъ?
Мятеся, вопить весь народъ—
И вдругъ дѣвчонча набѣжала
На трущъ. «Ай, ай! сюда скорѣй!»
И что же видать? Алексѣй
Лежить, — и въ горлѣ ножъ....

Не самъ,

Не самъ зарѣзался. Тогда бы
Себя ударилъ онъ не тамъ,
А въ сердце, въ грудь, и не пошла бы
Тамъ дальше новая тропа.
А это женская стопа.
Ножъ видно былъ у Алексѣя.
Онъ имъ грозилъ, а у злодѣя
Она, зная, вырвала его
И самого его убила.
Ее Мать Божья сохранила,
Ее найдемъ мы по слѣду...
Бѣгутъ... Но слѣдъ привелъ къ пруду.

ХІІІ.

Недавно, по лугу, безъ цѣли,
Мою разгуливая лѣнь,
Я встрѣтилъ инока... Какъ тѣнь
Худой и блѣдный, на постели
Травы зеленой онъ лежалъ,
На пень въ молчаньи преклоненный,
И, мнилось, въ думу погруженный,
О чемъ—то горестномъ мечталъ.

Я подошелъ къ нему. Онъ всталъ,
Благословилъ меня, смиренно
Мнѣ поклонился, но скрывалъ
Все что—то въ думѣ потаенной;
И ликъ его, еще молодой,
Но весь испытанный тоской,
Весь обличающій несчастье,
Зовя невольное участие,
Вопроса дерзость мнѣ внушилъ:
«Святой отецъ! Ты такъ унылъ!

« Дерзнетъ ли встрѣчникъ своевольный
« Проникнуть въ тайныя мечты?
« Изгнанникъ міра добровольный,
« О міръ ли жалѣешь ты?
« Подъ эту рясу ты святую
« Не рано ль душу молодую
« Въ предѣлъ печальный заключилъ?
« Страданью тягостному вѣрю,
« Людскую знаю слабость силъ.
« Быть можетъ, раннюю потерю
« Ты живо чувствовалъ душой,
« Противный міръ возненавидѣлъ
« И, заблуждаемый тоской,
« Въ одной молитвѣ радость видѣлъ?
« Міръ оправдался предъ тобой,
« Ты снова жаждешь наслажденья;
« Но каждый вздохъ тяжелый твой
« Отнынѣ есть ужь преступленье.
« Такъ юный плаватель, грозой
« На камень брошенный далекой,
« Вотще тоскуеть одинокой.
« Онъ видитъ, скорбный, сквозь туманъ,
« Игъралище недавней бури,
« Одинъ бездушный океанъ
« И небо, спящее въ лазурѣ.
« Желаніемъ напраснымъ полнъ,
« Вотще бъ хотѣлъ онъ плыть ко берегу:
« Въ куски раздробленъ слабый чолнъ
« И не понудитъ уже къ бѣгу
« Вѣтрило легкое его.

« Скажи мнѣ, сердца своего
« Раскрой невѣдомую тайну;
« Тяжелой скорбью подѣлись.
« Съ тобой мы встрѣтились случайно,
« Но незнакомца не страшись! »

Я видѣль: инокъ возмущился.
Я видѣль: тяжело онъ вздохнулъ,
На небо съ вѣрою взглянулъ
И съ умиленьемъ прослезился...
И то единый былъ отвѣтъ,
Но, руку мнѣ пожавъ въ волненьи,
Онъ показалъ на узкой слѣдъ
И дымъ, виднѣвшійся въ селеньи.

За нимъ я съ любопытствомъ шелъ.
Меня въ молчаніи онъ велъ,
Какъ жизни тайною дорогой
Ведеть насъ мрачная судьба.

Предъ нами свѣтлая изба
Въ деревнѣ высилась убогой.
Онъ тихо дернулъ за кольцо,
Калитка тотчасъ отворилась
И на высокое крыльцо
Святая, будто бы, явилась.

Еще въ ней жизнь не истощилась
Годами. Зрѣлыхъ лѣтъ игру
Она еще рѣшила прежде
Небесной посвятить надеждѣ;
И въ мигъ узналъ я по одеждѣ
Въ ней милосердія сестру.

« Жива ль? » Тайнственный мой спутникъ

Ее печально спросилъ.

«Еще жива; но дай Заступникъ

«Скорѣй страданію конецъ!»

Вошли мы тихо на крылецъ,

Дверь осторожно отворили,

И духъ мой обнялъ нѣкой страхъ.

Вздрогнулъ испуганный монахъ;

Я видѣлъ каждый трепеть члена;

И вдругъ повергся на колѣна

И сталъ молиться.

Внѣ себя,

Кругомъ осматриваюсь я....

Подъ образами, на постели

Сидѣла дѣва какъ скелеть:

Едва въ ней жизненный былъ цвѣтъ,

Глаза блуждаючи смотрѣли;

Покровъ изорванный, въ кускахъ,

Висѣлъ на груди обнаженной;

Веревка петель на рукахъ.

То вступить жаръ, то, охлажденный,

Ея лицо погасить вновь.

Безъ словъ, колѣнопреклоненный,

Взираетъ инокъ.... и любовь,

И вся тоска, въ своемъ томленьи,

Въ его написаны волненьи....

И вдругъ, въ безпамятномъ движеніи,

Рванувъ веревку: «Онъ! Вотъ кровь!»

Она въ бреду своемъ вскричала

И, задрожавъ, безъ чувствъ упала.

Но вновь взоръ дѣвы просвѣтлѣлъ.

Она на инока взглянула,
Какъ бы узнала и вздохнула,
И вдругъ: «нѣтъ, нѣтъ!» рукой махнула,
И снова муки и печаль....
И будто смотреть что-то въ даль
И вся дрожить, какъ подъ грозою.

Смирившись духомъ, инокъ всталъ
И, тихо, медленной стопою,
Ко мнѣ приближившись, сказалъ:
«Теперь ты видишь наслажденья
• «Земныхъ, сердечныхъ нашихъ битвъ?»
«Еще ль дашь имя заблужденья
«Отрадѣ сладостной молитвъ?
«Коль ты удачный жребій вынулъ
«Въ сей лотереѣ бытія,
«Будь счастливъ!... Счастливъ былъ и я,
«И рано, рано свѣтъ покинулъ,
«Но возвратиться не ищу.
«Къ Творцу исполнясь упованьемъ,
«Давно я смерти жду съ желаньемъ
«И только жизни трепещу.
«Теперь поди! Будь вѣренъ Богу!
«О мнѣ въ молитвахъ вспоминай,
«И сладость вѣры не мѣняй
«На жизни бурную тревогу!»....
И я, покорствуя, ушелъ;
Но, въ думѣ страшной, всю дорогу
Отъ сердца грусти не отвелъ.

. . . . .
. . . . . , ...

Съ тѣхъ поръ, всю міра глубь измѣря,
Ни злу, ни благу ужъ не вѣря,
Весь бывъ той сценой потрясенъ
Въ моей душѣ, какъ осужденъ
На жизнь, я, стоячи надъ бездною,
Смолой клокочущей у ногъ,
Ищу, небесъ въ дали безвѣстной,
Конца мучительныхъ тревогъ;
Тщусь поглотиться твердью звѣздной
И говорю себѣ: «тамъ Богъ!»

КОНЕЦЪ ПОВѢСТИ.

ПРЕЛОЖЕНИЕ МОЛИТВЫ:

«Господи и Владыко живота моего».

Господь жизневластитель!
Будь грѣшника хранитель
И немощному другъ!
Да праздности недугъ,
Съ томящею печалью,
Меня не отягчить
И зовъ къ любоначалью
Души не совратить!
Да ввѣкъ непраздно слово
Пребудеть лишь готово
На истину одну!
Страстей всѣхъ тишину,
Съ святымъ души смиренъемъ,
Любовью и терпѣньемъ,
Дай грѣшнику, молю!
Ей Господи Царю!

Дай зрѣть мнѣ прегрѣшенъе!
Дѣлъ братнихъ осужденъе
Отъ устъ моихъ отринъ!
Да, сердца въ умиленъи,
На мнѣ Отца Святынь
Узрю благословенъе
Во вѣкъ вѣковъ! Аминъ.

**ЧУДО ПЕРУНА,
ЛИРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ
ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

ЗАРЯНА.

1857 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Коганъ Хозарской: малорослый, горбатый, отвратительный и нѣмой старикъ.

Заряна, плѣнница его; дочь Кіевского верховнаго Перунова жреца.

Ея мама, то же плѣнница изъ Кіева, прежняя наложница Когановъ.

Свѣять, Хозаринъ; бывшій Кіевской плѣнникъ.

Хозарской пѣвецъ.

Свита и воины Когана.

*Дѣйствіе происходитъ въ Хозарскомъ городѣ
Бѣлой Вези, при устьѣ Днѣпра (*).*

(*) Хотя положеніе *Бѣлой Вези* при устьѣ Днѣпра новѣйшими историками опровергается, но опредѣлительно утверждаетъ то Болтинъ въ критическихъ своихъ примѣчаніяхъ на Исторію Князя Щербатова (Т. I, стр. 240). Этого достаточно для драмы, основанной на вымыслѣ.

ТЕАТРЪ ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ РОСКОШНО — УБРАННУЮ, ПО ТОГДАШНЕМУ ВРЕМЕНИ, КОМНАТУ ВЪ ПАЛАТАХЪ КОГАНА. ОКНО СО ВСХОДАМИ, ЗАПЕРТОЕ РѢШЕТКОЮ, ВЫХОДИТЬ НА ДНѢПРЪ, ТЕКУЩІЙ У САМАГО ПОДНОЖЬЯ ПАЛАТЪ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

ЗАРЯНА, БОГАТО ОДѢТАЯ, ПОДЪ ОПУЩЕННОЮ СЪ ГОЛОВЫ ФА-
ТОЮ, ЛЕЖИТЬ НА ПОКРЫТОМЪ КОВРАМИ ВОСТОЧНОМЪ ДИВАНѢ.
УЗОРЧАТОЕ ПОКРЫВАЛО НАКИНУТО НА ЕЯ НОГИ. ОНА ВЪ САМОМЪ
БЕЗПОКОЙНОМЪ РАСПОЛОЖЕНІИ ДУХА; ВИДНО, ЧТО ХОТѢЛА БЫ
УСНУТЬ, НО НЕ МОЖЕТЪ. МАМА, ВЪ ВЫШИТОЙ ЗОЛОТОМЪ ТѢЛО-
ГРѢЙКѢ, СИДИТЬ ВОЗЛѢ НЕЯ ЗА ПРЯЛКОЮ. У ДВЕРЕЙ СТОРО-
ЖЕВОЙ ВОИНЪ СМѢНЯЕТЪ ДРУГАГО. ЛИЦА ОБОИХЪ ПО-
КРЫТЫ ЗАБРАЛАМИ.

МАМА.

Что же не спишь все ты,
Милое дитяtko?
Скоро ужъ зорюшка
Съ розовой щечкою
Встанетъ съ постелюшки,
Росынькой утренней
Ранней умоется,
Бѣленькимъ облачкомъ
Въ небѣ одѣнется.

ЗАРЯНА.

Мама! Родная!
Сердце изныло,
Давить и душить!
Глазки закрою,
Вижу все Кіевъ.
Вижу, какъ въ явѣ,
Дивнаго старца
Въ храмъ Перуна.
Волось сѣдой онъ
Зничу бросаетъ
Въ жертву съ молитвой.
Сладокъ, такъ сладокъ
Голось молитвы!
Воззрились очи
Старцу въ лицо:
Ахъ! То родимый!
То мой отецъ!
Будто бы плачетъ
Ужь не отъ горя,
Будто зоветъ
Статнаго война;
Будто цѣлуетъ
Юношу въ голову;
Будто бы манить,
Добрый, меня;
Милому другу
Хочетъ отдать.
Сердце, ахъ, сердце.
Такъ и забилося!

МАМА.

Это все, жизнь моя,
Добрая, въ горѣ,
Тѣшитъ Кикимра.
Видно со мною
То же она
Здѣсь веретенцемъ
Вмѣстѣ пряла.

ЗАРЯНА.

Правда!... Да, правда!...
Добрая, въ горѣ,
Тѣшитъ Кикимра!...
Послѣ же, мама,
Хуже, тошнѣе!
Только очнусь я,
На свѣтъ прогляну:
Вижу нѣмаго
Снова Когана;
Снова въ убранствѣ
Вижу палаты,
Будто богатый,
Страшный, съ цѣпями,
Гробъ мнѣ готовый.

МАМА.

Полно ты, пташечка,
Пѣть на проталинкѣ!
Слезы весеннія

Талой снѣжинкою
Съ солнышкомъ скатятся.
Ахъ; и меня вѣдь
Злые Коганы
Съ милымъ, желаннымъ,
Здѣсь разлучили!
Вотъ же забыла,
Двумъ отслужила! .
Первый Коганъ былъ
Молодъ и статенъ.
Я на груди его
Сладко покоилась,
Шею обвивъ ему
Крѣпко руками,
Будто бы лентою,
Мягкою, нѣжною,
Мужа сердечнаго,
Въ вечеръ великой,
Въ свѣтлый Перуновъ день.
Пожилъ, голубчикъ,
Только три мѣсяца;
Молоду кинулъ.
Ну и второй Коганъ,
Сильный, раменистый,
То же былъ пѣ сердцу,
То же любилъ меня,
Мною забавился,
Какъ забавляются,
Въ воздухъ бросаючи,
Легенѣкимъ мячикомъ.

Злая болѣзнь моя
Съ нимъ разлучила,
Злая болѣзнь моя
Все измѣнила.
Съ нею, что годъ:
Младость, краса,
Шли на уходъ.
А ужъ какъ третій вотъ,
Скверный, мозглявый котъ,
Ихъ-то цвѣточикъ тотъ
Къ двери приставилъ здѣсь
Старою мамою,
Нянчить, беречь ему
Свѣтъ-Кіевляночку.

ВМѢСТѢ.

МАМА.

Чтобъ онъ, Коганъ лихой,
Лѣшему кликнулся!
Чтобы тотъ свелъ его
Съ бѣлой Русалкою!
Чтобы Русалка та
Подѣловалась съ нимъ,
Въ маленькомъ ротикѣ
Съ острымъ шиповникомъ!
Чтобы снесла его
Въ волны Днѣпровскія!
Чтобы замучила,
Защекотала тамъ!
Чтобы потомъ его
Съ хохотомъ бросила
Пьяному Хорсу!

ЗАРЯНА.

Солнушко, ведрушко!
Выгляни, высвѣти!
Цвѣтики, дѣточки,
Вырядясь жемчугомъ,
Встанутъ головками,
Къ солнцу потянутся;
Росыньки, слезыньки
Въ листьяхъ засвѣтятся,
Капля за каплею
Къ солнцу поднимутся;
Слезы жъ сиротскія,
Дѣвичьи, горькія,
Съ щечками слипнутся,
Личико выйдятъ
Красной дорожкою!

МАМА.

Полно же, дитятко, грудь надрывать!

ЗАРЯНА.

Грудь надрывается, мама, сама.

МАМА.

Полно бурмицкія слезы точить!

ЗАРЯНА.

Слезы вѣдь, бабушка, сами текутъ.

Все мнѣ съ ума нейдетъ
Кіевской плѣнникъ тотъ!
Все-то мнѣ видится,
Какъ, молодаго,
Чуднаго, милаго,
Въ жертву Перуну
Въ узахъ ведутъ!
Я умолила,
Я удержала
Руку отца...
Правда ли, мама:
Доброе дѣло
Сдѣлала я?

МАМА.

Доброе! доброе!
Только теперь
Полно, не думай

Больше о немъ!
Добраго дѣла
Люди не помнятъ.

ЗАРЯНА.

Мама! Онъ помнитъ!
Если бъ отецъ мой
Только позволилъ,
Если бъ онъ не былъ
Родомъ Хозаринъ...

МАМА.

Что ты, родная!
Плюнуть на врага?
Какъ же Хозарину
Въ руки отдать
Лучшую ягодку
Кіева свѣтлаго?

ЗАРЯНА.

Мама! Ахъ, полно!
Мама! Мнѣ грустно!
Какъ бы уснуть?

МАМА.

Лягъ, пріодѣнься
Тканью узорчатою;
Въ мягкой подушечкѣ
Личикомъ спрячься;
Глазки голубки закрой!

ЗАРЯНА.

Глазки закрою,
Сонъ не придетъ.

МАМА.

Полно! Измаилась,
Статно-ль, всю ночь!

ЗАРЯНА.

Знаешь что, мама?
Ты вѣдь изъ Кіева?
Спой мнѣ какъ макъ цвѣтетъ!
Спой мнѣ, какъ, ночью,
Свѣсивъ головки,
Дремлетъ, подъ пѣсню
Птички Мерцаны,
Рожь золотая!
Я и усну.—
Можетъ быть добрая
Снова Кикимра,
Мама, съ тобою
Сядетъ за прялку.

МАМА.

Лягъ же, голубушка,
Лягъ, я спою!
Только, красавица,
Глазки закрой;
Пѣсенку слушая,

Мысли займи

Пѣсенной думою!

(Заряна ложится, закрываетъ глаза и вслушивается въ пѣсню, стараясь заснуть.)

МАМА, СВѢТЪ БЛИЗЪ НЕЯ ЗА ВЕРЕТЕНО,
ПОЕТЪ:

Зерно—Зернушко

Грѣтся подъ снѣгомъ

Во сырой землѣ.—

Хорошо ему,

Тепло ему,

А на свѣтъ просится.

Ахъ свѣтъ ты нашъ свѣтъ,

Безъ тебя—то намъ нѣтъ

Ни печали, ни радости!

О охъ, охъ, охъ!

Спи, мое дитятко, спи!

(Заряна тяжело вздыхаетъ.)

Снѣги стаяли сошли,

Зёрна вышли изъ земли,

Тонкимъ стеблемъ потянулись,

Яркимъ цвѣтомъ развернулись.

(Оставивъ веретено и смотря на Заряну.)

Ты, красавица!

Ты, голубушка!

Ты представь себѣ лугъ Кіевской,

Что лугъ Кіевской, родимый твой!
Какъ на томъ лугу чудный макъ цвѣтеть:
Раскрывается, распускается,
Алымъ цвѣтомъ украшается,
Нѣжной зеленью одѣвается,
Луговой росой освѣжается;—
И забудься, усни!

ЗАРЯНА:

Мама! Не спится!

МАМА.

Въ свѣтломъ воздухѣ
Вьется бабочка
Пестрокрылая;
На цвѣтокъ опускается.
То не маковъ цвѣтъ:
Красна дѣвица!
То не бабочка:
Милый ясный другъ!
Спи, мое дитятко, спи!

ЗАРЯНА.

Пой, мама, пой!

МАМА.

Зерно—Зернушко
Крѣпнеть на солнышкѣ
Во златомъ плодѣ.—
Хорошо ему,
Тепло ему,

А въ землю просится.

Земля ты, земля!

Положить бы въ тебя

Всѣ печали и радости!

О охъ, охъ, охъ!

Спи, мое дитятко, спи!

*(Заряна, преслѣдуемая мыслями, по-
вернулась.)*

Солнышко выпцѣло,

Зернышко вызрѣло,

Въ землюшку выпало.

Всходъ поднимается,

Въ снѣгъ одѣвается.

Снѣги растаяли,

Съ поля скатилися;

Въ трубки зеленыя

Всходы завилися,

Тонкой соломенкой

Вверхъ потащилися,

Дружно головками

Тамъ сколосилися.

Ты красавица,

Ты голубушка!

Ты представь себѣ: подь мѣсяцемъ

Какъ, въ ночь теплую, въ ночь лѣтнюю,

Въ колыханьи тихомъ воздуха,

Поле дремлетъ золотой волной!

Колосъ съ колосомъ сцѣпляются

И, сцѣпившись, разнимаются,

Будто спать и просыпаются,
Да, проснувшись, обнимаются; —
И забудься, усни!

ЗАРЯНА, клонимая ко сну.

Клонить сонъ, клонить....

МАМА.

Тихо въ ноченькѣ:
Только жукъ жужжитъ
Надъ дорожкой,
Только слышно перепелочку.
То не черный жукъ:
То печаль твоя!
Перепелочка:
Милый ясный другъ!
Спи, мое дитятко, спи!

ЗАРЯНА, во снѣ.

Воинъ? Гдѣ воинъ?

МАМА.

Вотъ и уснула!
Ясный мой мѣсяцъ,
Спи, почивай!
То-то мы, Кіевки,
Все-то умѣемъ!

(Обмахивая Заряну:)

Черныя мошки!
Прочь вы, досадныя!
Чуръ вамъ! Не трогайте
Краснаго цвѣтика!...
Спи, почивай!
Вотъ, принесу
Новую пряжу,
Сяду опять
Къ душкѣ моей.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Сторожевой воинъ, выжидавшій случая, кладетъ оружіе и,
поднявъ свое забрало, будить Заряну.

ВОИНЪ.

Заряна!.... Заряна!

(Она, проснувшись, смотритъ на него, сначала съ испугомъ и удивленіемъ, а потомъ, начавъ узнавать, съ постепенною радостью.)

Не бойся!

ЗАРЯНА, бросившись къ нему:

Свѣять!

ВМѢСТѢ.

СВѢЯТЬ.

Тише! Здѣсь стѣны,
Какъ люди глядятъ!
Здѣсь слово измѣны,
Въ раскатахъ, кругомъ
Раздастся какъ громъ;
И мечъ остробокой
Надъ нами сверкнетъ
И, нѣжный, спадетъ
Твой цвѣтъ одинокой!

ЗАРЯНА.

Явился? Откуда?
Изъ облакъ, иль моря?
Надъ нами Перунъ!
Вернетъ онъ, хранитель,
Подъ Кіевъ меня!
Прекрасный мой воинъ!
Мой другъ избавитель!
Ужь насъ не разлучать
Ни суша, ни воды?

СВѢЯТЬ.

Скорѣе! Два слова, покуда нейдутъ!

Когда ты пропала,
Мнѣ сердце шепнуло, душа мнѣ сказала;
Побѣгъ за тобой я, какъ волны бѣгутъ.
Хозаръ по рожденью, я бросился, въ горѣ,
На землю родную, какъ въ буйное море,
Безъ крова, безъ пищи, весь блѣдный какъ тѣнь;
Лишь слезы катились съ тяжелаго вѣка.
Безрадостнымъ свѣтлый казался мнѣ день,
Надежда одна берегла человѣка.

Вдругъ слышу: Коганъ

Мою голубицу

Въ закрытыхъ палатахъ терзаетъ какъ вранъ.

Я снялъ бы стрѣлой кровожадную птицу;

Но эта бѣ стрѣла

Въ два сердца прошла!

И вотъ я надѣлъ эти тяжкія латы,

Когановымъ воиномъ сталъ.
Сегодня чреда стережчи мнѣ Палаты;—
Я этого только и ждалъ.

ВМѢСТѢ; СМОТЯ ЗА ОКНО; ПРИ ЧЕМЪ
ЗАРЯНА СНАЧАЛА ТОЛЬКО ПО-
ВТОРЯЕТЪ СЛОВА СВѢЯТА.

Тутъ лодка готова
И двое друзей!
Тамъ пара коней!

СВѢЯТЪ.

ЗАРЯНА.

Въ рѣку! Не робѣй!

Ахъ только бѣ скорѣй!

(Слышенъ за дверью шумъ.)

Чу, идутъ!... Ни слова!
Ни слова! Ни слова!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Входитъ МАМА.—СВѢЯТЪ опускаетъ забрало и отходитъ .
къ сторожевому мѣсту. ЗАРЯНА, желая скрыть истину,
бѣжитъ радостно на встрѣчу мамѣ.

ЗАРЯНА.

Ахъ ты мамушка-старушка,
Золотая тѣлогрѣя!

★

Ахъ какая
Ты смѣшная!
Точно вырвалась ты, душка,
Отъ беззубаго Кощея!
Ты курдышь ли мой, курдышь! (*)
Ты оставь чернявку мышь!
Сядь на Сивку. сядь на Бурку,
Сядь на вѣщую Каурку,
Скокомъ, летомъ пронесись,
Со старушкой обнимись!

МАМА.

Что ты, пташечка?
Что ты, милая?
Что ты вдругъ такъ
Встрепенулася,
Какъ въ живу-струю
Окунулася?

ЗАРЯНА.

Мнѣ привидѣлось, мамушка,
Будто бѣ стѣну восколышило
Войско Коганово!
Мнѣ слышалось мамушка,
Будто-бѣ говоромъ грянулъ онъ
На сердце дѣвичье!
А то Днѣпръ шумѣлъ
За рѣшеткою,

(*) Такъ авторъ слышалъ въ простонародьи названіе кота.

А то лебедь пѣлъ
Надъ лебедкою.

МАМА.

Экое диво! Экое диво!

ЗАРЯНА.

(Подбѣжавшая между тѣмъ къ окну.)

Взгляни ты, душа моя,
Какъ Днѣпръ разливается,
Къ окну подвѣгается!
Какъ лодочка, лодочка,
Плыветъ чернобокая
На немъ одинокая!
Ахъ, слышишь? Поетой!
Чу, голосъ идетъ!
Гребецъ удалой
Тамъ пѣсню поетъ!
Вся природа тиха,
Только я вся горю!
Ты, старушка, глуха!
Я тебѣ повторю!

(За окномъ слышна пѣсня, гребца. Заряна повторяетъ ее мамѣ стихъ за стихомъ:)

« Не уплывай ты, лодочка,
« Въ Кіевъ-градъ одна!
« Соскочи, красоточка,
« Съ высока окна!
« Не страшись глубины

« Со крутой вышины!
« На волнѣ, подъ волной.
« Будетъ милый съ тобой;
« А въ златѣ
« Въ палатѣ,
« Старый воронъ лихой! »

МАМА.

Чудо пѣсенка!
Не изъ Кіева-ль?

ЗАРЯНА.

Ахъ мамушка, мамушка!
Родная, скорѣй!
Взгляни: за рѣкою
Тамъ пара коней!
Шелковые узды
И пѣнять и рвутъ!

МАМА.

Высо́ко, не вижу.

ЗАРЯНА.

Высо́ко? Что нужды?
Вѣдь мнѣ не впервые.
Вѣдь водные чуды
Пороговъ Днѣпровскихъ
Теперь мнѣ знакомы.
Они принесли же
Меня безъ вреда

Живою сюда,
Когда огонь Перуна
Мгновенно погасъ
И жрецъ, воспаленный
Тщетою желанья,
Въ крови, безъ дыханья,
Къ нимъ бросилъ меня!

МАМА.

Какъ, мой свѣтъ, тебя имъ тронуть?
Не посмѣетъ Водовикъ!
Ты, мой цвѣтъ, вѣдь внучка Дажбы,
Незабудочка Догоды,
Перстенецъ любимый Лады,
Звѣздочка Перуна!
Твой, красавица, отецъ
Главный нашъ Перуновъ жрецъ!

ЗАРЯНА.

Что жъ дѣлать мнѣ, мама?

МАМА.

Я, изволь, тебѣ скажу:
Въ дальнемъ городѣ Ухронѣ
Есть богъ сильный Свѣтовидъ.
У него всегда въ загонѣ
Лошадей лишъ да воловъ,
Что не тысячи головъ.
Ростомъ съ домъ; еще не смѣетъ,
Какъ травинка на водѣ,

Волось сѣсть на бородѣ;
И по личику имѣть
Онъ на каждой сторонѣ.
Какъ лишь ночь, такъ на конѣ;
И ужъ такъ всегда нагрѣть
Онъ бѣдняжку, что весь день
Мыло такъ на немъ и пѣнь.
Въ ручкахъ, сказываютъ, носить:
Въ лѣвой лукъ, а въ правой рогъ.
Лукъ стрѣлу его наносить,
Рогъ вино къ устамъ подносить,
А разъ въ годъ всегда пирогъ
Жрецъ спечетъ ему большущій
Безъ курья и безъ всего,
Да и сядетъ самъ въ него,
Чтобъ узнать про годъ грядущій.
Вотъ, жизненокъ, не тужи,
А ясехонько скажи,
Если горе очень мучитъ:
«Свѣтовидъ-богъ, научи!»
Такъ по умной-то рѣчи,
Онъ, отецъ нашъ, и научить.

ЗАРЯНА.

«Свѣтовидъ-богъ, 'научи!»

МАМА.

Что, красотка?
Научилъ?

ЗАРЯНА.

Ахъ какая ты умная,
Добрая мама!
Онъ ужъ услышалъ,
Онъ научилъ!
Видѣла: стрѣлка промчалась?
Слышала: стрѣлка сказала:
«Эту рѣшетку открой?»

МАМА.

Ай, чуръ меня! Не ужъ ли стрѣлка?
Ну, такъ это Свѣтовида.
Надо, надобно бѣ окошко
Для него тебѣ открыть;
Да ключи-то у Когана.
Старый этотъ вражій песъ
Ихъ съ собой тогда жъ унесъ,
Какъ, Кощей онъ борода,
Посадилъ тебя сюда.

СВѢЯТЬ, смѣняясь.

Коганъ!

ЗАРЯНА и МАМА.

Коганъ?

ВМѢСТѢ.

ЗАРЯНА.

Ахъ спрячь меня, скрой меня!
Не въ добрый часъ онъ идетъ
сюда!

Какъ жадный волкъ на агнечка,
Онъ набросится на несчастную!
Вѣдь сказалъ же мнѣ онъ въ по-
слѣдній разъ:

Или смерть моя, или бѣ я его,
Старого, сквернаго, звѣря лѣс-
нова,

Сердцемъ влюбила, какъ друга
милова.

Ахъ спрячь меня, скрой меня,
Сердце-другъ, мамушка!

МАМА.

Помоги ты ей, добрый Лель!
Сохрани, Золотая мать!

Сбереги ты, Купало,
Свое красное яблочко!
Ты не дай источить его

Червю голодному!
Брось его лучше

Въ волны Днѣпровскія!

Помоги ты ей, добрый Лель!
Сохрани, Золотая мать!

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

На богатыхъ носилкахъ вносятъ КОГАНА. За нимъ ПѢ-
ВЕЦЪ, ВОИНЫ и СВИТА. Коганъ, сойдя съ носилокъ,
съ смѣшными ужимками пристаётъ къ Зарянѣ съ своею
любовью. Она молчитъ, погруженная въ печаль. Пѣвецъ,
по знаку Когана, воспѣваетъ рассказъ о томъ, какимъ обра-
зомъ она попала въ плѣнъ.

ПѢВЕЦЪ.

«Ночь висѣла надъ Днѣпромъ,
«Волны пѣнились въ туманѣ.

« Тихо двигая весломъ,
« Плыли, дремлючи, Поляне. »

ХОРЪ.

« Ха. ха, ха, ха!
« Плыли, дремлючи, Поляне. »

ПѢВЕЦЪ.

« Колыхаяся, вода
« Колебала невода. »

ХОРЪ.

« Колыхаяся, вода
« Колебала невода. »

ПѢВЕЦЪ.

« Вдругъ, съ туманныхъ береговъ,
« Что-то рухнуло въ ихъ сѣти.
« Устремаясь на тучный ловъ,
« Старцы бросались какъ дѣти.
« Что же, что подъ ихъ рукой?—
« Тѣло дѣвы молодой! »

ХОРЪ.

« Тѣло дѣвы молодой! »

ПѢВЕЦЪ.

« Кровь лила съ ея груди;
« Темны сомкнутыя очи,
« Но стараньемъ рыбаей
« Вдругъ открылись въ мракъ ночи.

« Дѣва дышетъ! Полотномъ
« Грудь обвязана кругомъ! »

ХОРЪ.

« Дѣва дышетъ! Полотномъ
« Грудь обвязана кругомъ! »

ПѢВЕЦЪ.

« А подъ сѣнію кустовъ
« Скрыты смѣлые Хозары.
« Ужасъ страшныхъ береговъ,
« Ихъ убійственны удары. »

ХОРЪ.

« Ужасъ страшныхъ береговъ,
« Ихъ убійственны удары. »

ПѢВЕЦЪ.

« Дѣва, сѣти, рыбаки: —
« Все добыча ихъ руки! »

ХОРЪ.

« Дѣва, сѣти, рыбаки: —
« Все добыча ихъ руки! »

ПѢВЕЦЪ.

« Подъ цѣлящею рукой
« Дышетъ жизнію Заряна
« И, дивящей красотой,
« Ослѣпляетъ взоръ Когана! »

ХОРЪ.

« Ослѣпляетъ взоръ Когана! »

ПѢВЕЦЪ.

« Дѣва юная! Живи
« Для благой его любви! »

ХОРЪ.

« Дѣва юная! Живи
« Для благой его любви! »

ЗАРЯНА.

Коганъ! Я рѣшаюсь!
Но въ Кіевѣ нашемъ
Есть старый обычай:
Вступаючи въ бракъ,
Днѣпру поклониться
Дѣвичьей фатой
И, робкую руку
Давая супругу,
Все въ волны бросать
Что насъ украшало
Въ дѣвичьемъ бытѣ.
Коганъ! Прикажи
Открыть мнѣ окно!
Позволь помолиться,
На волны родныя
Мой бросить покровъ!
Пусть зоркая стража
За мною тутъ смотритъ.

Только вели ей
Тогда отвернуться,
Когда подойду я
Съ покровомъ къ окну.
А то онъ не приметъ,
Разгнѣванный Днѣпръ,
Молитвы моей...
И плѣнница, въ страхѣ,
Умретъ не твоей!

*(Коганъ даетъ знакъ согласія. По его вѣльнiю
отпираютъ и отворяютъ оконную рѣшетку.
По обѣимъ сторонамъ окна становятся сто-
рожевые.)*

ЗАРЯНА поетъ, обратившись къ окну,
снявъ съ себя покрывало и
держа его на рукахъ:

Широкой Днѣпръ! Въ странѣ родной
Волной ты льешься голубой!

Твой яркой блескъ, твой вѣщій шумъ
Раздумье льютъ священныхъ думъ!

Могла я жизнь тебѣ отдать,
Ты не хотѣлъ ее принять!

Стрибогъ погубить дѣвы честь,
Его руки мнѣ не отвести!

СТРАЖИ, насмѣшливо

Ха, ха, ха, ха,
Широкой Днѣпръ! Отвѣтствуй ей!

Да только онъ, къ бѣдѣ твоей,
И безъ ушей и безъ рѣчей!

ЗАРЯНА.

Широкой Днѣпръ! Въ послѣдній разъ
Отвѣтъ на скорбный дѣвы гласъ!

Возьми мой дѣвичій покровъ
На произволь твоихъ валовъ!

Струей бѣгущей воротись,
Подъ свѣтлый Кіевъ подкатись!

Въ глазахъ Перуновыхъ жрецовъ
Втеки въ лазурный Боричовъ!

Святой омывъ Перуновъ храмъ,
Сложи покровъ къ его ногамъ!

Да онъ, въ рукахъ его жреца,
Подвигнетъ въ Кіевъ сердца!

Да въ немъ почититъ верховный жрецъ
Покорность дѣвы, какъ отецъ;

И на главѣ его сѣдой
Онъ заблеститъ моей слезой!

(Медленной поступью приближается къ окну, будто бы намъ презаясь бросить покровъ свой въ Днѣпръ. Коганъ подаетъ насмѣшливо знакъ, послѣ котораго самъ и всѣ присутствующіе отворачиваются отъ окна.)

СТРАЖИ.

Вотъ на еще! Ты, для бесѣды съ Днѣпромъ,
Къ стѣнѣ еще стой для нея тутъ лицомъ!
Увидимъ, увидимъ мы, какъ, отъ моленья,
Покровъ понесетъ онъ напротивъ теченья!

(Заряна бросается въ Днѣпръ.)

СТРАЖИ, между тѣмъ какъ Коганъ бѣ-
гаетъ по комнатахъ съ злоб-
ными тѣлодвиженіями и нѣ-
мымъ крикомъ:

Ай? Что? Обманула!
Прыгнула, прыгнула!

ОДНИ, въ суетѣ.

Скорѣе! Скорѣе!
На лодки! На Днѣпръ!
Въ погоню за ней!
Схватить, привести!
Связать, заковать!
(уходятъ.)

ДРУГІЕ, у окна.

Нырнула? Вотъ вышла!
На свѣтлой водѣ
Чернѣетъ головка!
Жива-ли?... Жива!...
Ахъ кто же тамъ, видишь,
Къ ней бросился съ лодки?
Схватилъ! Вотъ, на лодкѣ,
Плывутъ на тотъ берегъ!
А тамъ два коня!
Тѣ кони ихъ ждали!
Скорѣе! Скорѣе!
На лодки! на Днѣпръ!
Въ погоню за ней!

Схватить, привести,
Связать, заковать!

(уходятъ.)

*(Коганъ, взявнувъ въ окно, упалъ безъ
чувствъ съ отчаянiя и досады. Его под-
нимаютъ на носилки и выносятъ.)*

**Конецъ 1-й части Лирическаго представлениа:
«Чудо Перуна».**

«НѢТЬ ОДНОГО!»

ОТПУСКЪ СЕМЕЙСТВА.

(ИСПАНСКАЯ ЭЛЕГІЯ). (*)

Въ дорогу, дѣти! Время въ свѣтъ!
Тайникъ подобенъ заточенью!
Вы провели въ немъ много лѣтъ,
Пора на службу просвѣщенью!

Я кровь высокую въ васъ влилъ,
Прямыхъ Гидальгосовъ (**) дарами
Вашъ умъ и сердце надѣлилъ
И ввелъ въ бесѣду васъ съ богами!

Все вашей юности давалъ,
Что юность просить, что ей сродно;

(*) Стихотвореніе это относится къ одному изъ сочиненій автора, которое, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, не могло въ свое время появиться въ свѣтъ, а въ настоящемъ случаѣ быть помѣщено въ этомъ изданіи.

(**) «*Hidalgos*» — Испанской дворянинъ.

Училъ же васъ: держа фіялъ,
И жить и мыслить благородно;

Любви не вѣрять: въ ней все лгутъ;
Не лѣзть чрезъ подлости въ вельможи; —
Когда достойны, возведутъ;
И взлюбить, ежели пригожи.

Мечты однѣ о васъ мои:
Чтобъ, въ Кастильянскомъ пылѣ чувства,
Вы были чтимы межъ людьми
И въ храмѣ приняты искусства.

Но ахъ, межъ вами былъ одинъ!
О немъ мечтаю съ сокрушеньемъ!
Онъ честью бѣ былъ моихъ сѣдинъ
И дней предсмертныхъ украшеньемъ!

Но ангелъ жизнь его пресѣкъ!
Онъ былъ, съ своимъ равняясь вѣкомъ,
По превосходству человѣкъ, —
И не былъ познанъ человѣкомъ!

Чтилъ Бога, нравы и горѣлъ
Къ отчизнѣ преданностью сына,
Въ груди kloкочущей кипѣлъ
Душою сильной исполина;

Могучей рѣчью обличалъ
Все въ людяхъ злое и благое;
Соблазнъ въ цвѣтахъ, какъ есть, онъ гналъ
Передъ судилище людское!

Какъ день душа его была!
Глубоко зналъ онъ музъ призванье —
И отводилъ людей отъ зла,
Раждавъ ко злу негодованье!

Но человѣкъ и тутъ съумѣлъ
Его настичъ своимъ гоненьемъ —
И тайный судъ отяготѣлъ
Надъ нимъ неожиданнымъ осужденьемъ!

И равнодушно подъ него
Слагалъ костеръ суда свершитель....
И нѣтъ въ семьѣ ужъ одного!
И не явился избавитель!

Но въ томъ огнѣ пріобрѣталъ
Онъ лишь безсмертье громкой Были:
Его костеръ еще пылалъ,
Его ужъ пепелъ расхватили!

Въ томъ пеплѣ онъ теперь лежитъ,
Какъ Фениксъ, тайной жизни полный;
И спитъ, покуда правда спитъ;
И нѣмъ, какъ въ ночь людскія волны!

О Т Р Ы В К И

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ФАНТАЗИИ-ЕРАЛАЖА:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО АРТИСТА,

ИЛИ

НЕДОКОНЧЕННЫЙ БЕНЕФИСЪ

ОДНОГО ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛЮБИМЦЕВЪ РУССКОЙ ПУБЛИКИ.

1850—1855 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ О ПІЕСѢ.

Фантазія-эралажъ: «*приключенія знаменитаго артиста*», есть своенравіе творчества, литературная забава. Для уразумѣнія частей ея, необходимо имѣть предварительное понятіе объ идеѣ и построеніи пѣлаго. Первый изъ приводимыхъ отрывковъ отчасти выражаетъ идею, а слѣдующее подготовленіе афиши покажетъ построеніе. — Нечего и объяснять, что имена главныхъ дѣйствующихъ въ піесѣ артистовъ: **Д м и т р я е в а** и **Ц в ѣ л ѣ в о й**, таланты которыхъ проходятъ чрезъ всю эту драматическую фантазію, собственно ими вдохновенную и въ честь имъ задуманную, вымыслены.

А Ф И Ш А.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО АРТИСТА,

ИЛИ

НЕДОКОНЧЕННЫЙ БЕНЕФИЦЪ

ОДНОГО ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛЮБИМЦЕВЪ РУССКОЙ ПУБЛИКИ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ-ЕРАЛАЖЪ,

ВЪ ШЕСТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СЪ ПРОЛОГОМЪ.

СОНЪ И ЯВЪ, СМѢСЬ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ, ВОЛШЕБСТВА, МЕЛОДРАМЫ, ВОДЕВИЛЯ, ОПЕРЫ, ФАРСА, ИДИЛЛИ, КОМЕДИИ, КОНЦЕРТА, БАЛЕТА, ПЛЯСКИ, ДЕКЛАМАЦИИ, СТИХОВЪ И ПРОЗЫ, СЪ ТАИНСТВЕННЫМЪ ОКОНЧАНІЕМЪ ПІЕСЫ ВОЗРОЖДЕНІЕМЪ ИХТИОСАВРА.

РАСПОЛОЖЕНІЕ ПІЭСЫ.

—
ПРОЛОГЪ.

ДМИТРИЕВЪ ПОДГУЛЯЛЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Николай Васильичъ Дмитріевъ, артистъ русской драматической труппы.

Анна Семеновна, жена его.

Актеръ, пріятель Дмитріева.

Театральный кассиръ.

Лакей.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СОНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НЕДОКОНЧЕННАЯ РЕПЕТИЦІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Николай Васильичъ Дмитріевъ.

Режиссеръ.

Разстегай, кунецъ, торгующій маскарадными
платьями.

Лиза, дочь его,

Владиміръ Андреичъ Домской, чиновникъ изъ
дворянъ, женихъ ея.

Дѣйствующіе въ водевилѣ: «Поросенокъ въ мѣшкѣ, или угнетенная невинность».

Поросенкова, золотошвейка.

Сеичка (Евсей), сынъ ея, 18—ти лѣтъ. Г.

Дмитряевъ.

Князь Мечкинъ, богатый старикъ.

Колбасница Акулина, прозванная Ягою бабою.

Лукерья, кухарка Разстегая.

Двое работниковъ.

Двое полицейскихъ солдатъ.

Въ концѣ репетиціи являющееся Чудовище.

Дѣйствующіе въ водевижѣ: «Поросенокъ въ мѣшкѣ, или угнетенная невинность».

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ СНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1002 НОЧЬ ШЕХЕРАЗАДЫ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

РОДОСЛОНОУ И КРАСАВИЦА,

ИЛИ

ДМИТРИЕВЪ ВЪ ЯЙЦѢ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Николай Васильичъ Дмитряевъ.

Чудовище.

Красавица . . . . Г-жа Цвѣлѣва.

Геній.

Актеры 1—го дѣйствія, окаменѣлые.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ 1002-й НОЧИ ШЕХЕРАЗАДЫ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

ОЧАРОВАННАЯ ДОЛИНА СЪ ФЕЕЙ ДМИТРИЕВНОЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Николай Васильичъ Дмитріевъ.

Мемуна, волшебница . . . . . *Г-жа Цвѣлѣва.*

Молодыя Феи, питомицы очарованной долины.

Новобранная Фея.

Говорящіе попугаи.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ 1002-й НОЧИ ШЕХЕРАЗАДЫ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

ДМИТРИЕВЪ АЛИ-ЭБН-БЕКАРЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Николай Васильичъ Дмитріевъ.

Мемуна, волшебница . . . . .

Шемсельнитгара, любимица Кали-

фа Гарунъ-Ал-Рашида . . .

БАРАБАРАБАДА-ЭБН-ТАГЕРЪ.

Часовой.

Г-жа Цвѣлѣва.

Предвѣстница любви, довѣренная бѣлая невольница Шемсельнигары.

Услажденіе сердца	}	Бѣлыя невольницы.
Красота зари		
Сердечъ вѣщательница мукъ . .		
Восточная ночь	}	Черныя невольницы.
Дыханіе вечера		

Другія бѣлыя и черныя невольницы.
Соглядатай изъ черныхъ Евнуховъ.
Черные Евнухи.
Мезрумъ, начальникъ черныхъ Евнуховъ.
Невидимая стража.
Начальникъ невидимой стражи.
Младшій послѣ него офицеръ.
Продажныя невольницы.
Народъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ 1002-й НОЧИ ШЕХЕРАЗАДЫ.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЦВѢТЫ И ДЕНЬГИ,

ИДИЛЛІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Николай Васильчъ Дмитріевъ, въ видѣ Аркадскаго па-
стушка.

АМАРИЛЛА, пастушка.
Фавны и Сильваны.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

СВЕРШИЛОСЬ!

ДѢЙСТВУЮЩИЕ:

Николай Васильичъ Дмитряевъ, въ видѣ пастушка.
Мемуна, волшебница. . . . . *Г-жа Цвѣлѣва.*
Родослонъ.
Адской палачь.
Черные духи.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПЕЧАЛЬНАЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

УЖАСНОЕ ПОДОЗРѢНІЕ.

ДѢЙСТВУЮЩИЕ:

Николай Васильичъ Дмитряевъ.
Анна Семеновна, жена его.
Актеръ, пріятель Дмитряева.
Аделаида Александровна Цвѣлѣва, артистка изъ одной съ
Дмитряевымъ драматической труппы.
Режиссеръ.
Актеръ, въ костюмѣ, исполняющій въ послѣдней бене-
фисной піесѣ роль сумасшедшаго подъ буквою Θ.

ДѢЙСТВІЕ ШЕСТОЕ.
ПРОДОЛЖЕНІЕ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ БЕНЕФИСА.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.
БЕЗУМНЫЕ,
КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ЕЛЕОНОРА НИКОЛАВНА СТРАДОВА, богатая вдова, помѣщица
села Наркизова.

ЛУКА НИКИФОРЫЧЪ ОЛИМПІЕВЪ, смотритель и экономъ дома
умалишенныхъ въ селѣ Наркизовѣ.

Буква А., астрономъ . . . . .

Буква Б., геометръ . . . . .

Буква Е, механикъ . . . . .

Буква Д, свѣтило . . . . .

Буква Ж, M-me L'Impénétrable, прозванная la
miraille, прежняя гувернантка Страдовой. . .

Буква З, Еврей спекуляторъ . . . . .

Буква Р, живописецъ . . . . .

Буква Θ, индѣйской пѣтухъ . . . . .

НАСТЯ, комнатная дѣвушка, обучавшаяся въ модномъ
магазинѣ. . . . .

Докторъ Еммануилъ Ивановичъ Високось, Г. *Дмитриевъ*.

Клеопъ, наемный его слуга.

Сумасшедшіе дома умалишенныхъ.

Матвѣевъ . . . . . } Больничные служители изъ отста-
Брыленко, малороссія— } вныхъ солдатъ, первый изъ пѣхо-
нинъ . . . . . } тинцевъ, второй изъ кирассиръ.
1-й } плѣнные Турки, привезенные Докторомъ Високосомъ
2-й } для прислуги за сумасшедшими.
Слуга Олимпіева.
Старуха, няня Страдовой.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

БОВАНИЯ, МЕМУНА, ИХТИОСАВРЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Николай Васильичъ Дмитряевъ.

Режиссеръ.

Бованія, индійское божество.

Мемунa, волшебница . . . . . Г-жа Цвѣтѣва.

Анносеръ.

ПРИМѢЧАНІЕ ОБЪ ИХТІОСАВРѢ И БОВАНІИ.

Изслѣдованіе земныхъ пластовъ открыло намъ многое изъ жизни первобытнаго міра и найденные въ нихъ скелеты представили возможность возсоздать, по указаніямъ науки, разные виды животныхъ, населявшихъ тогда воды и землю.

Между исполинскими созданіями природы той эпохи, полной всей еще прирожденной могучести своихъ силъ, поражаетъ воображеніе, громадною своею величиною и чудовищнымъ своимъ строеніемъ, *Ихтіосавръ*, такъ названный по соединенію двухъ Греческихъ словъ, значащихъ: *рыбо-ящеръ*. По отрытымъ частямъ почти всего его остова, знаменитый Кювье, соображеніемъ сравнительныхъ данныхъ, воспроизвелъ страшилищную его наружность. Библия свидѣтельствуешь, что это не мифъ фантазіи, но морское чудовище, дѣйствительно существовавшее въ допотопныя времена.

Вотъ описаніе Ихтіосавра, помѣщенное г. Хотинскимъ въ сочиненіи: «Природа съ ея тайнствами и богатствами» (*землеводъ-ніе*, Т. I, стр. 171).

«При помощи данныхъ наукъ (говорить г. Хотинской), небольшимъ усиліемъ воображенія, я попытаюсь перенести васъ въ періодъ, когда отлагались пласты триаса и юры.

«Наша Европа почти вся подъ водою, покрайней мѣрѣ сѣверная и западная ея части. Изъ этого огромнаго моря кое-гдѣ проглядываютъ небольшіе острова, покрытые могучею растительностію, непроходимыми лѣсами исполинскихъ пальмъ, хвоевъ, древообразныхъ папоротниковъ, хвощей и т. п. — Тепло и сыро въ воздухѣ.

«Среди морской пучины, съ быстротою волны, несется чудо-«вище, сажень въ десять длиною. Страшно подумать что это за «животное и надобно видѣть, чтобы убѣдиться въ его существо-«ваніи. У него рыло Дельфина, зубы Крокодила, голова Ящерицы, «плавательныя перья Кита, а тѣло и остоу обыкновенныхъ рыбъ. «Это существо такъ страшно и невѣроятно, что кажется басно-«словнымъ. Вотъ оно вынырнуло изъ глубины, и на его головѣ вы «видите глазъ,—исполиной глазъ, величиною болѣе человѣче-«ской головы. Этотъ глазъ свѣтится какъ фонарь и ночью видѣтъ «издалека сквозь волны. Хвостъ длинный, похожій на крокодиловъ, «усаженъ крѣпкими костяными чешуями. Пасть огромная, устьянная «многочисленными рядами длинныхъ, острыхъ зубовъ. По дру-«гимъ свѣдѣніямъ, зубы Ихтиосавра были расположены въ одинъ «только рядъ по краямъ челюстей.

«Чудовище безраздѣльно владычествуетъ надъ пучиною, кото-«рая кипитъ міріадами животныхъ, рыбъ и раковинъ. По време-«намъ оно выказывается на поверхности, чтобы подышать возду-«хомъ; но вскорѣ опять ныряетъ въ глубину и ищетъ себѣ добычи. «Не трудно было найти ее, хотя все бѣжало отъ исполина. Бы-«строга его движеній и прожорливость вполне гармонировали съ «его силою и ростомъ. Въ его четырехсаженномъ желудкѣ мы по-«нынѣ находимъ остатки непереважившейся пищи: рыбъ и пре-«смыкающихся. Наука отыскала эти органическіе остатки, эту «пищу Ихтиосавра, поглощенную имъ во время Юрскаго періода, и «исслѣдовала ее такъ, какъ мы исслѣдуемъ нашу нынѣшнюю «пищу.

«Ихтиосавръ былъ ужасный опустошитель океана. Узкой че-«репъ, огромный глазъ, широкая пасть и все прочее устройство «его указываютъ намъ, что онъ былъ столь же необыкновенно «свирѣпъ, какъ прожорливъ и силенъ. Но въ то время рыбы раз-«множались слишкомъ изобильно въ пустынныхъ моряхъ и про-«жорливость Ихтиосавра, необыкновенно быстро переваривавшаго «пищу, полагала благоразумные предѣлы такому непомѣрному «размноженію.

«Сравнивая описаніе Левиаэана (прекрасно передѣланное на «русской языкъ стихами Ломоносова) съ описаніемъ Ихтиосавра, «невольно приходишь къ убѣжденію, что послѣдній есть именно «то страшное чудовище, которое такъ живописно изображено «плывущимъ въ пучинѣ океана, одѣтое въ чешуистый панцырь,

«крѣпче мѣднаго, и глазъ котораго блещетъ, какъ уголь, раскаленный въ горнилѣ.»

Что касается *Бованим*, то, судя по разсказу графа Эдуарда де-Варрена, издавшаго въ 1844-мъ году сочиненіе объ Англійской Индіи, это Индійское божество было, *и еще есть* (*), лютейшее изъ всѣхъ, когда либо созданныхъ воображеніемъ. Служеніе ей состоитъ въ человекоубійствѣ и, чѣмъ болѣе кто истребитъ людей, тѣмъ болѣе долженъ надѣяться отъ нея радостей въ будущей жизни. Послѣдователи этого вѣрованія называются *Тугами* (обманщиками), или *фанзигарами* (удавщиками), и такое двоякое ихъ именованіе происходитъ отъ пріемовъ, употребляемыхъ ими при совершеніи своихъ злодѣйствъ. Они не проливаютъ крови, а вкравшись въ довѣріе путешественника, улучаютъ удобную минуту, неожиданно для него закидываютъ вокругъ его шеи платокъ, особеннымъ образомъ устроенный въ видѣ петли, и лишаютъ его жизни мгновенно, или, заманивъ его къ себѣ въ домъ гостепріимствомъ, укладываютъ его спать: — и онъ уже не просыпается. О числѣ жертвъ этого ужаснаго суевѣрія можно судить по тому, что секту эту, которой начало теряется въ отдаленіи времени, Англичане открыли только еще въ 1830-мъ году, а уже въ 1837-мъ насчитывали въ ней 1800 однихъ проповѣдниковъ этого ученія, извѣстныхъ по именамъ, и до пятидесяти тысячъ подчиненныхъ имъ убійцъ, правильно организованныхъ въ общество и имѣвшихъ, подобно Массонамъ, условные между собою знаки, по которымъ вездѣ узнавали другъ друга, незамѣтно для непосвященныхъ въ ихъ тайны. Одинъ изъ этихъ злодѣевъ, содержавшійся въ тюрьмѣ, вздыхалъ о томъ, что, убивъ въ свою жизнь слишкомъ семь-сотъ человекъ, не пожилъ на свободѣ, чтобы дойти до тысячи.

(*) С. Петербургскія Вѣдомости 1857 года, № 207.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО АРТИСТА.

ОТРЫВОКЪ ПЕРВЫЙ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ СНА.

ЧАСТЬ 2-Я.

1002-я НОЧЬ ШЕХЕРАЗАДЫ.

КАРТИНА 1-Я.

РОДОСЛОНЪ И КРАСАВИЦА,

ИЛИ

ДМИТРИЕВЪ ВЪ ЯЙЦѢ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЧИЧЪ ДМИТРИЕВЪ.

ЧУДОВИЩЕ.

КРАСАВИЦА . . . . . Г-жа Цеплёва.

ГЕНІЙ.

Актеры перваго дѣйствія, окаменѣлые.

В И Д Ъ 3-Й.

Продолженіе 2-го вида.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

ДМИТРИЕВЪ, БЕЗЪ ЧУСТВЪ ПРИПАДШІЙ КЪ ЗЕМЛѢ; ПРОЧІЕ
АКТЕРЫ ОКАМЕНѢЛЫЕ, А НА ЗАДНЕМЪ ПЛАНѢ ЧУДОВИЩЕ.
ВСѢ ВЪ ТѢХЪ ЖЕ ПОЛОЖЕНІЯХЪ, ВЪ КОТОРЫХЪ БЫЛИ ВЪ КОНЦѢ
ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ, НО ГРОМЪ И ТРЕСКЪ УМОЛКЛИ.

ДМИТРИЕВЪ, ОПАМЯТОВАВШИСЯ.

Живъ ли я? (*Увидѣвъ чудовище:*) Ай! (*Снова при-
падаетъ къ землѣ.*)

ЧУДОВИЩЕ. (*)

Зачѣмъ ты звалъ меня?

ДМИТРИЕВЪ.

Я его звалъ? И въ самомъ дѣлѣ кого-то я звалъ,
когда тотъ хотѣлъ съѣздить меня палкой. (*Съ опа-
сеніемъ поглядывая на чудовище:*) Экая кривая
уролина!... Кто ты? (*Въ страхъ придерживается
за землю.*)

ЧУДОВИЩЕ.

Родослонъ, повелитель черныхъ духовъ.

(*) Хоботъ служить ему трубою для усиленія голоса.

ДМИТРИЕВЪ.

А я кто?

ЧУДОВИЩЕ.

Ты мой повелитель!

ДМИТРИЕВЪ, вставъ.

А! Такъ вотъ оно что! Теперь не боюсь!... Стало быть ты все можешь сдѣлать, что я прикажу тебѣ?

ЧУДОВИЩЕ.

Все.

ДМИТРИЕВЪ.

Словамъ, пріятель, не вѣрю! Докажи на дѣлѣ! Вотъ хоть, наприимѣръ, преврати всѣхъ этихъ господъ и госпожъ въ какіе нибудь неодушевленные предметы, а только того (*показывая на исполнявшаго роль Разстея:*) непремѣнно въ корову.

(Родослонъ повелъ хоботомъ и вдругъ превращеніе совершилось. Разстея превращенъ въ корову, а прочіе приняли виды вазы, столба и тому подобнаго. Корова замычала и пошла.)

ДМИТРИЕВЪ, сначала струсившій, потомъ опять ободрившійся.

Экія откалываетъ штуки! Хорошо! Теперь вѣрю! Силенъ не однимъ туловищемъ! Слушай же! По-

велѣваю тебѣ представить мнѣ сію минуту первѣйшую красавицу въ мірѣ и чтобъ впередъ на мои приказанія являлась она, а не ты.

(Чудовище повело было хоботомъ.)

Постой! Кого же ты мнѣ представишь?

ЧУДОВИЩЕ.

Мою дочь.

ДМИТРИЕВЪ.

Счастливая дочка, если родилась въ папеньку. Ну, да увидимъ. Только вотъ мое условіе: она должна выполнить три мои желанія. За то и я потѣшу ее чѣмъ угодно. Иначе да постигнетъ мучительнѣйшая кара, какой не выдумывалъ адъ и не посылали боги!

ЧУДОВИЩЕ.

Сказано?

ДМИТРИЕВЪ.

Сказано! Подавай же красавицу!

(Чудовище сдѣлало нѣсколько оборотовъ хоботомъ и вдругъ, вмѣсто него, съ подземнымъ трескомъ, явилась на томъ же мѣстѣ бесѣдка, вся убранная цвѣтами.—Дмитриевъ опять было струсилъ.)

Тьфу ты, какую онъ тамъ чертовщину дѣлаетъ! А ужъ за то что за бесѣдка! Такой не бывало и у самого повелителя Небесной Имперіи. Должна

въ ней сидѣтъ славная красавица! Только я не глупъ, не пойду къ ней въ эту цвѣточную западню, а не угодно ли пожаловать ей ко мнѣ.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Широкія двери бесѣдки растворились. Изъ нея выѣзжаетъ, въ позлащенной съ крыльями колесницѣ, безобразная СТАРУХА, въ черной одеждѣ, въ цвѣточномъ вѣнкѣ, съ цвѣткомъ особаго вида на груди и съ волшебнымъ жезломъ въ рукѣ. За креслами утверждено огромное яйцо, на сръзанной верхушкѣ котораго, на красиво устроенной позлащенной бесѣдкѣ, сидитъ крылатый БѢЛЫЙ ГЕНІЙ (*). Яйцо опоясано тесьмою, къ которой, на крючкѣ, привѣшена зрительная труба.

ГЕНІЙ, СВЕДЯ СТАРУХУ СЪ КРЕСЕЛЪ, ГОВОРИТЬ ДМИТРИЕВУ:

Властелинъ всеисильной книги! Представляю тебѣ дочь могучаго Родослона!

ДМИТРИЕВЪ.

Мое нижайшее почтеніе! Такъ вотъ она какова? А ты, любезный мой, кто и за чѣмъ изволишь быть при ней?

(*) Для отличія отъ бѣлыхъ крыльевъ Генія, крылья колесницы могутъ быть сѣрыя, тѣмъ болѣе приличествуя чернымъ духамъ.

ГЕНІЙ.

Я Геній, приставленный отъ добрыхъ духовъ, чтобы искушенія свѣта не погубили прекраснаго созданія, которое ты видишь теперь предъ собою.

ДМИТРИЕВЪ.

Предосторожность, повидимому, совершенно лишняя.

(Въ старухѣ видно волненіе отъ восторга при видѣ Дмитріева.)

Что же это тамъ ее будто бы корчатъ? Ужъ это, братецъ ты мой, не сама ли Холе...? Страшно подумать!

ГЕНІЙ

Не опасайся! Ее волнуетъ нетерпѣніе приблизиться къ тебѣ.

ДМИТРИЕВЪ.

Ежели такъ, то подойди, почему же, изволь, подойди!

СТАРУХА. (*)

Наконецъ

Ты позвалъ!

(*) Для голоса, которымъ предполагается что здѣсь поетъ и говоритъ Цвѣлева въ видѣ Мемуны, надобно принять въ соображеніе, что, по довольно многимъ старушечьимъ ея монологамъ въ піесѣ, шепелянье было бы нестерпимо для зрителей; безъ шепелянья же не выйдетъ старухи, а потому должно держаться середины: ходить сгорбившись; опираясь на волшебный жезлъ, но говорить довольно твердо и ясно, хотя ни какъ не своимъ голосомъ.

Я съ тобой!
Наконецъ
Намъ насталь
Часъ сердцеъ
Роковой!

Двѣсти лѣтъ
Все тебя
Я ждала!
Двѣсти лѣтъ
Для тебя
Младость я
Берегла!
Властелинъ!
Повели,
Испытуй!
Властелинъ!
Все возьми
За одинъ
Поцѣлуй!

ДМИТРИЕВЪ.

Дѣйствительно хороша, нечего сказать! Напрасно
трудилась такъ долго сохранять для меня свою
молодость. Сбережена, да позачерствѣла. Я, одна-
ко жъ, узнаю тебя. Ты должна быть Наина (*).

(*) Каждому извѣстно это имя изъ поэмы Пушкина: «Русланъ и Людмила.»

СТАРУХА.

Нѣтъ.

ДМИТРИЕВЪ.

Ну такъ Колетта, что еще недавно переплясала всю молодежь гдѣ-то на ярмаркѣ. (*)

СТАРУХА.

Нѣтъ.

ДМИТРИЕВЪ.

Правда, Наинѣ не было двухъ сотъ лѣтъ, а Колеттѣ было всего только семьдесятъ шесть. Э! Постой! Ты ужь не Канкалина ли? (**)

СТАРУХА.

Нѣтъ.

ДМИТРИЕВЪ.

Кто же ты?

СТАРУХА.

Мемуна!

(*) Въ праздникъ Бюргтской ярмарки (около Антверпена) установили, предъ закрытіемъ ея. состязаніе въ танцахъ. Призъ выиграла 76-ти лѣтняя Колетта Верстраттенъ, побѣдившая всѣхъ молодыхъ своихъ соперницъ ловкимъ и легкимъ исполненіемъ различныхъ танцевъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ считалось по полу-столѣтію. (*Journ. de St. Petersb. 1851, 14 Juillet.*)

(**) Изъ сказки Г-жи д'Ольнуа: „*La bonne petite souris*.“

ДМИТРИЕВЪ.

Какъ? Ты волшебница изъ 1001-й ночи, которая похитила Халеданскаго Принца Камаральзамана?

МЕМУНА.

Ахъ, да! Это было еще во 170-мъ году по бѣгствѣ Магоммеда. (*)

ДМИТРИЕВЪ.

Эге, голубушка! Стало быть тебѣ за тысячу? Гм.! А надѣла пвѣты, да и говоритъ что только двѣсти. Нѣтъ! Меня на этомъ не проведешь! Скажи-тко добро... Или нѣтъ, (*Генію:*) Скажи лучше ты! Я не люблю со старухами—то много разговаривать. Гдѣ она съ тѣхъ поръ была и что дѣлала?

ГЕНІЙ.

Ты знаешь, что предъ похищеніемъ Камаральзамана и Принцессы Бадурь, она и злой Геній Дангашъ дали взаимную клятву не дѣлать другъ другу зла?

ДМИТРИЕВЪ.

Читаль.

(*) Гарунъ-Ал-Рашидъ родился въ 765 по Р. Х., вступилъ на престолъ въ 786, а умеръ въ 809-мъ. Бѣгство Магоммеда изъ Мекки въ Медину совершилось въ 622 году по Р. Х., слѣдовательно Гарунъ-Ал-Рашидъ, къ эпохѣ царствованія котораго относятся сказки 1001-й ночи, родился въ 143 г. Эгирь, вступилъ на престолъ въ 164 и умеръ въ 187-мъ.

ГЕНИЙ.

Но она плѣнилась Камаральзаманомъ и видя, что Дангашъ мѣшаетъ ей разлучить его съ Бадурою, рѣшилась лишить его крыльевъ. Связанная сама клятвою, она прибѣгла къ обману и обратилась съ просьбою о томъ къ отцу своему, тогда еще повелителю добрыхъ геніевъ, въ ту самую минуту, когда луна, ставъ между нимъ и солнцемъ, навела на него мракъ. Но дурное это ихъ намѣреніе дало надъ ними власть Дангашу, который, потрясенный уже было начатыми заклинаніями, вдругъ отнялъ у нихъ могущество и превратилъ отца ея въ чудовище, а ее въ летучую мышь.

ДМИТРИЕВЪ, Мемуна:

Правда?

МЕМУНА.

Правда!

ДМИТРИЕВЪ.

Впрочемъ оно еще и теперь замѣтно по лицу.

Что всю правду мнѣ ты
Въ этотъ разъ говоришь,
То я вижу и самъ.
И у насъ, между дамъ:
Мышь одѣнь хоть въ цвѣты,
А посмотришь:—все мышь!

То ли дѣло съ другой!
Хоть въ холстинкѣ простой,
Безъ цвѣтовъ и затѣй,
А подъ туфельку къ ней
Такъ вотъ мышкой, ей ей,
И шмыгнулъ бы скорѣй!

ГЕНІЙ.

Восемь сотъ лѣтъ они провели въ этомъ несчастіи. Но однажды она, влетѣвъ въ великолѣпные чертоги, бросилась на бѣлое полотно, покрывавшее покойника, и прокусила ему грудь. Вдругъ онъ ожилъ. Это оказался великой чародѣй, который не умиралъ, но, за ошибку въ одномъ важномъ заклинаніи, былъ осужденъ на мертвый сонъ, покуда не потеряетъ нѣсколько капель крови у самаго сердца. Въ награду за услугу, онъ снова далъ отцу ея власть, но только ужъ не надъ бѣлыми геніями и не могъ снять съ него чудовищнаго образа, а ей возвратилъ человѣческой видъ, со всѣми еще однако же слѣдами прошедшихъ надъ нею столѣтій, покуда особый случай не надѣлитъ ее снова прежнею неувядающею молодостію.

ДМИТРИЕВЪ.

Я полагаю, что это будетъ случай необыкновенный. Да скажи ты мнѣ, сдѣлай милость, откуда взялись эти злые духи и за чѣмъ они на свѣтъ?

ГЕНІЙ.

Слушай!

(Произноситъ, въ сопровожденіи тихой музыки оркестра.)

Въ передпотопный вѣкъ, изъ нѣдръ Ихтіосавра,
Чудовища, какихъ не зрѣлъ свирѣпый Нилъ, (*)
Незаключалъ Дедалъ, (**) не призывалъ духъ Тавра, (***)
Собравшій силы адъ Злыхъ Геніевъ родилъ.

Борьбой кровавою, ужасными чарами,
Они въ тревожный сей, умою кичливый вѣкъ,
Должны воспроизвестъ страшилище предъ нами:
Да, павъ предъ Господомъ, смирится человекъ!

Съ Дельфинной пастію и Ящерной главою,
Зубами Крокодилъ, по перьямъ водный Кить;
Хвостомъ чешуйчатымъ глубь рывшій подъ собою,
Теперь безъ жизни онъ на днѣ морскомъ лежитъ;
Но окомъ, какъ маякъ въ главу его воткнутымъ,

(*) Это можетъ относиться къ крокодиламъ, но здѣсь имѣлось въ виду чудовище, подвигнутое Нептуномъ на Еѳіопію (*страну около верхняго Нила*), въ отмщеніе за то, что Кассіопа, супруга Еѳіопскаго царя Цефея, похвалилась, что она прекраснѣе всѣхъ Наядъ. Для усмиренія этого страшилища, должно было отдать ему на жертву дочь ихъ Андромеду, потомъ спасенную отъ него Персеємъ.

(**) Лабиринтъ назывался, по имени своего основателя, также и Дедаломъ. Въ немъ былъ заключенъ Минотавръ: чудовище, имѣвшее видъ получеловѣка и полубола.

(***) Тавры, обитатели первобытной Тавриды. Народъ кроваваго, приносившій человѣческія жертвы верховной своей богинѣ Описъ.

Ужъ загарается пучина грозныхъ водъ;
И зѣвомъ, какъ пила двойная разомкнутымъ,
Направить скоро онъ рушительный свой ходъ.
И близокъ, близокъ часъ, когда, хвостомъ костянымъ
Упершись о скалу, онъ ринется со дна,
И слѣдъ Чудовища, путемъ своимъ багрянымъ,
Кровавая, дымясь, покроетъ пелена!
Тогда воспрянетъ грѣхъ, страстей возстанетъ сила;
Доколѣ Сшедшій въ міръ заблудшихъ не спасетъ
И снова, гладное, со скрежетомъ, страшило,
Изнеможенное, въ глубь водную падетъ!
Но, въ ярости, оно, гложя тамъ скаль подножья,
Не вдругъ еще смѣжитъ зіяющую пасть.
На злыхъ духовъ тогда обрушить кара Божья
Отъ нихъ же грѣшникамъ готованную часть
И, съ воплемъ на тебя за отнятую радость,
Мемуна первая въ снѣди его умереть,
Когда не возвратишь ты ей былую младость
И прежней красотой она не развѣтетъ!

ДМИТРИЕВЪ.

Стало быть, если я возвращу ей молодость, то
это ужасное чудовище не пожретъ ее?

ГЕНІЙ.

Не пожретъ.

ДМИТРИЕВЪ.

Ну, пусть ее будетъ молодою!

ГЕНІЙ.

Одного твоего желанія для этого мало.

ДМИТРИЕВЪ.

А чего же ей еще надобно?

ГЕНИЙ.

Услышишь отъ нея самой.

МЕМУНА.

Мнѣ сказано, что все это исполнится, когда я отыщу человѣка, во всемъ подобнаго Камараль-заману, и внушу ему самую страстную къ себѣ любовь.

ДМИТРИЕВЪ.

Пожалуй, по мнѣ ищи себѣ такого человѣка.

МЕМУНА.

Я нашла его.

ДМИТРИЕВЪ.

Кто же онъ?

МЕМУНА.

Не могу назвать при этомъ Геніи.

ДМИТРИЕВЪ.

Геній! Маршъ!

(Геній улетаетъ.) (*)

Говори теперь: кто этотъ счастливецъ?

(*) Надобно не забыть, что, по случаю репетиціи, Дмитріевъ находится на сценѣ, а потому вылетаніе сквозь стѣну, представляемую кулиссами, не удивляетъ его.

МЕМУНА.

Ты!

ДМИТРИЕВЪ.

Я?

МЕМУНА:

Съ тѣхъ поръ какъ ты, въ послѣднемъ бокалѣ шампанскаго, проглотилъ одну изъ тѣхъ искръ, которыми сердце мое сообщалось съ прекраснымъ Принцемъ, я прилѣпилась къ тебѣ всѣмъ моимъ помышленіемъ.

ДМИТРИЕВЪ.

А! Такъ вотъ оно
Каково вино!
А иной твердитъ:
Берегись, сидить
Въ немъ змѣя змѣя!
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, друзья!
Я пивалъ вина,
Не боялся бѣдъ.
Напримѣръ жена,
Какъ нальетъ въ обѣдъ
Мой стаканъ водой,
Такъ я кто такой?
Лишь Артистъ простой?
А лишь позвалъ другъ,
Да я сытъ и пьянъ,
Такъ и сталъ вотъ вдругъ:
Камаральзаманъ!

Спасибо! Только покуда у тебя эта харя и восьмисотлѣтнія морщины, я любить тебя не буду.

МЕМУНА.

Но этой любви положено самое легкое условіе: одинъ поцѣлуй.

ДМИТРИЕВЪ.

Условіе, конечно, во всякомъ другомъ случаѣ не трудное, да только, о твои губки, не мудрено переломать себѣ зубы. — Впрочемъ, вѣдь не укуситъ же, стало быть можно рискнуть для добраго дѣла. — Позволь только прежде хорошенько тебя поразсмотрѣть.... Фи! Какая гадость! Ни за что не поцѣлую!

МЕМУНА.

Ты обязанъ это сдѣлать.

ДМИТРИЕВЪ.

Ба, ба ба! Какъ ты смѣешь такъ со мною говорить? Развѣ не знаешь, что силою книги, которою я владѣю, ты можешь быть снова на восемь сотъ лѣтъ превращена въ летучую мышъ? Эй! Гдѣ ты тамъ! Бѣлый Геній!

МЕМУНА.

Не зови его! Добрые Геніи, однажды отогнанные, не возвращаются. Вспомни лучше: не наложилъ ли ты самъ на себя этого обѣщанія?

ДМИТРИЕВЪ.

Какимъ это образомъ?

МЕМУНА

Прочти въ книгѣ Геніевъ сказанное тобою моему отцу!

(По мановенію жезла ея, поднимается изъ подъ земли огромная развернутая книга, съ крупно-написанными въ ней словами.)

ДМИТРИЕВЪ, читаетъ упомянутыя слова.

«Она должна выполнить три мои желанія. За то и я потѣшу ее чѣмъ угодно, иначе да постигнетъ мучительнѣйшая кара, какой не выдумывалъ адъ и не посылали боги». — Такъ что жъ изъ этого слѣдуетъ?

МЕМУНА.

То, что если ты сейчасъ же не поцѣлуешь меня, то подвергнешься этой карѣ.

ДМИТРИЕВЪ.

Вотъ тебѣ здравствуй! Я сказалъ это о тебѣ, если *ты* не исполнишь моихъ желаній.

МАМУНА.

Тутъ сказано такъ, что относится и ко мнѣ и къ тебѣ.

ДМИТРИЕВЪ.

Ахъ, я дуракъ! Что жъ это я надѣлалъ?... Ну, давай цѣловаться!

(Хочетъ поцѣловать, но его тошнитъ.)

А.... А.... Нѣтъ..... А..... Ни за сахарныя коврижки! Уфъ! Насилу отпустило!

МЕМУНА, снявъ съ крючка зрительную трубу и подавая ему.

Взгляни черезъ эту трубу въ Индію.—Ты увидишь каковы Геніи зла.

ДМИТРИЕВЪ, смотря въ трубу.

Ай, батюшки! Что тамъ это за женщина? Не узнаешь: въ рогахъ она или чепецъ. Лица не видать. Вотъ, кажется, надѣваетъ очки, рассматриваетъ что-то въ рукахъ? Рѣжетъ? Что это она рѣжетъ? Сидитъ у подошвы какой-то горы? Спаситель ты мой! Да это не гора, а огромная человѣческая груда и все-то съ веревками на шеяхъ! Удавленники?

(Опустивъ руки и голову, стоитъ въ страхъ и задумчивости.)

МЕМУНА.

Эта женщина: неумолимое Индѣйское божество: Бованія, приготовляющее пищу для Ихтіосавра. Посмотри хорошенько на нее! Она уже давно имѣетъ на тебя виды!

ДМИТРИЕВЪ.

Виды на меня? Что же я такое ей сдѣлалъ? Посмотрю еще! (*Наводитъ трубу*). Поворачивается. Сейчасъ будетъ видно лицо. Ай! (*Роняетъ отъ страха трубу.*) Знакомая!

МЕМУНА.

Выбирай же между моимъ поцѣлуемъ и участью этихъ угнетенниковъ.

ДМИТРИЕВЪ, самъ съ собою.

Лучше поцѣловать. Что жъ и въ самомъ дѣлѣ, ежели ей такъ хочется? Почему не сдѣлать? Молоденькія дѣвочки цѣлуютъ же стариковъ. Стоитъ только закрыть глаза, да заткнуть носъ. (*Зажмурившись и зажавъ носъ, идетъ къ Мемунѣ*). Ну, гдѣ ты тамъ? Протягивай губы! (*Вдругъ остановившись и открывъ глаза:*) Постой, однакожъ! (*Смотритъ въ книгу*). Ахъ ты подъяческой крючекъ! Видно мышью-то глодала какой нибудь судейской архивъ, что выучилась подбирать къ словамъ смыслъ какой тебѣ угодно! Читай теперь сама: «за то и «я потѣшу ее чѣмъ угодно.»—«За то», понимаешь? «За то». За исполненіе, то есть, трехъ моихъ желаній. А? Стало быть ты должна исполнить прежде мои желанія, а потомъ ужъ и отъ меня требовать. Прочь же эту книгу! Вотъ тебѣ назадъ твоя труба и слушай мои приказанія!

(*По знаку Мемумы книга опускается.*)

МЕМУНА.

Приказывай!

ДМИТРИЕВЪ.

Сначала дай мнѣ кольцо, по которому бы ты являлась ко мнѣ, и смастери еще что нибудь такое, что предохраняло бы меня отъ несчастій.

МЕМУНА, ОТДАВАЯ ЕМУ СЪ РУКИ СВОЕЙ
КОЛЬЦО И ПРИКОЛОТЫЙ КЪ ГРУ-
ДИ ЦВѢТОКЪ.

Вотъ кольцо, а вотъ цвѣтокъ! Въ немъ все, что осталось у меня отъ неземныхъ садовъ Добрыхъ Геніевъ, въ кругу которыхъ я проводила прежде счастливую мою жизнь. Какъ только дотронешься до кольца, я въ тотъ же мигъ явлюсь къ тебѣ; а покуда сохранишь на себѣ цвѣтокъ, самая злѣйшая волшебница не въ силахъ будетъ сдѣлать тебѣ вреда.

ДМИТРИЕВЪ.

Кольцо могло бы, правду сказать, быть по богаче, а цвѣтокъ удивительный! Какъ его названіе?

МЕМУНА.

Феино ушко.

ДМИТРИЕВЪ.

Хорошо Феино ушко! (*Понюхавъ:*) Только жаль, что ни чѣмъ не пахнетъ. (*Надѣвъ кольцо и воткнувъ цвѣтокъ въ бутоньерку:*) Пусть же кольцо и

Феино ушко будутъ на своихъ мѣстахъ. Ты смотри, однакожъ, чернильная душа, опять не придержи къ словамъ. Это еще не желаніе, а только приготовленіе къ желаніямъ. А теперь вотъ слушай и исполняй! Перенеси меня въ какую нибудь очаровательную долину, къ такимъ милочкамъ, что бы, какъ увидѣлъ глазъ, такъ и сердце запрыгало, и чтобъ я которую захочу, ту могъ бы и взять.

МЕМУНА.

Полѣзай въ яйцо!

ДМИТРИЕВЪ, съ нѣкоторымъ недо-
вѣріемъ.

Въ яйцо?... А что это за яйцо?

МЕМУНА.

Птицы Рокъ, величайшей въ свѣтѣ.

ДМИТРИЕВЪ.

Знаю! Шехерезада сказывала! Птица эта несетъ свои яйца въ алмазной долинѣ на островѣ Носороговъ, гдѣ ежедневно бьется за нихъ съ чудовищными змѣями. (*)—Да какъ же? Вѣдь ужъ нынче, я думалъ, этой птицы не существуетъ?

(*) «Птица Рокъ, бѣлая, чудовищной величины и толщины; сила ея такова, что она уноситъ слоновъ изъ долинъ и поднимается съ ними на вершины горъ, гдѣ пожираетъ ихъ» (1001 ночь, сказка о троихъ Календерахъ.)

МЕМУНА.

Яйцо это было снесено послѣднею изъ нихъ. Отецъ мой выдержалъ за него самую жестокую съ нею битву, въ которой потерялъ глазъ и сломилъ себѣ хоботъ. Увидѣвъ яйцо въ его рукахъ, она, взмахомъ крыла, взбросила его такъ высоко, что онъ, падая, навѣрное бы прошибъ земную кору и сгорѣлъ въ подземномъ огнѣ, если бы, по счастью, не повисъ на хвостѣ проходившей тогда кометы. Въ этомъ паденіи повредился верхъ скорлупы, на который надѣлана теперь эта бестѣдка.

ДМИТРИЕВЪ.

Понимаю! Ну, а ежели я войду въ яйцо, куда жъ ты изволишь направить со мною путь?

МЕМУНА.

Въ этомъ яйцѣ я перенесу тебя въ одно мгновеніе за 52,323 версты, въ очарованную долину, гдѣ говорятъ птицы и растетъ поющее дерево, а подъ широкою его тѣнію играютъ милыя созданія, разсадникъ молодыхъ Фей. Сегодня у нихъ праздникъ новобранія.

ДМИТРИЕВЪ.

Вотъ это хорошо! Новобраночку-то мнѣ и надо! Только скажи правду: не похожа ли она на тебя?

МЕМУНА.

Нѣтъ.

ДМИТРИЕВЪ.

Ну такъ стало быть не дурна. Сажай меня въ яйцо, да чтобы я могъ переодѣться въ немъ какъ захочу.

МЕМУНА.

Исполнится по твоему желанію.

ДМИТРИЕВЪ, подошедъ къ яйцу и приостановившись.

Какъ же мы отсюда вылетимъ? Хотя это и кулисы, а тамъ вѣдь потолокъ?

МЕМУНА.

Моя колесница имѣетъ свойство пролетать сквозь всѣ преграды, не повреждая ихъ.

ДМИТРИЕВЪ.

Славная колесница! Какъ бы это, кажется, людямъ этого не придумать. Только не перепугать бы намъ Фей?

МЕМУНА.

Я и колесница будемъ для нихъ невидимы.

ДМИТРИЕВЪ.

Вотъ что дѣло, то дѣло! Сажай, если такъ!

(Она вводитъ его въ яйцо чрезъ входъ, устроенный сзади, и, сѣвъ въ колесницу, поднимается съ нимъ на воздухъ.)

ДМИТРИЕВЪ, ВЫСУНУВЪ ГОЛОВУ ВЪ ВЕРХНЕЕ
ОТВЕРСТІЕ ЯЙЦА, ГОВОРЯТЪ ПУ-
БЛИКЪ:

Прощайте, господа! Не поминайте Дмитріева
лихомъ, да всегда ходите къ нему въ бенефисъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ОТРЫВКА И 2-ГО ДѢЙСТВІЯ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО АРТИСТА.

ОТРЫВОКЪ ВТОРОЙ.

Окончаніе четвертаго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

ДМИТРИЕВЪ, ПОДЪ СКАМЬЕЮ (*).

Старичишка проклятый Тагеръ! Не напомнилъ мнѣ о цвѣткѣ! Изъ головы вонъ вышло тотчасъ же тронуть перстень, а теперь видишь вѣдь какъ связали! Руку не сведешь! Того и жди, что эти трубочисты, пуще Фей, отдѣлаютъ тебя по западному, а потомъ и голову снимутъ.... Мемуна! Голубушка моя! Помоги! Все исполню, чего пожелаешь, а не сдѣлаю, то согласенъ вынести всѣ

(*) Въ палатѣ Шемсѣдънигары.

муки на свѣтъ, хотя бы пришлось самому родить Ихтиосавра!....А.... а.... Кажется, что веревка начала ослабѣвать, руки подаются, сейчас трону перстень.... Вотъ!... *(Коснулся перстня.)*

В И Д ъ С Е Д ь М О Й.

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

ДМИТРИЕВЪ лежитъ, уже развязанный, въ собачьей конурѣ. МЕМУНА входитъ, неся въ рукахъ Феино-ушко.

Тутъ же видна и спустившаяся колесница.

ДМИТРИЕВЪ.

Что это? Фи, какъ воняетъ псиной? Куда это она меня угораздила? *(Выставивъ голову:)* Ай! Да это никакъ собачья конура? Собака-то чай тутъ?

МЕМУНА.

Не бойся! Тебя никто не видитъ и не слышитъ. Возьми свой цвѣтокъ.

ДМИТРИЕВЪ, выползя изъ кануры и беря цвѣтокъ.

Давай, давай его! — Спасибо, красавица! Смастерила штуку, дала мнѣ въ наставники этого воего роденьку Эбн-Тагера. Видно адскіе-то прія-

тели такіе же какъ и нашенскіе. Хорошо, что осталась еще голова на плечахъ.

МЕМУНА.

Я явилась. Чего потребуешь?

ДМИТРИЕВЪ.

Не хочу я ни твоихъ Фей, ни этихъ арабскихъ прелестницъ. А свози-тко ты меня въ благословенную Аркадію, гдѣ «глотають любовь съ водою» (*). Я читалъ въ идилліяхъ, какъ вѣтеръ тамъ однажды подулъ въ тростникъ, а Миртиллъ сдѣлалъ изъ него свирѣлку, да и подъ-игралъ Клеонѣ (**); или какъ одна невинная пастушка сняла съ собачки ошейникъ, а вмѣсто него навязала на нее свою ленту, что бы намекнуть: «люблю де-скать тебя, пастушокъ!» (***). Тамъ если пастушки спятъ, то иначе ихъ и не будятъ, какъ поцѣлуями (****). — Такое прекрасное обыкновеніе! А цѣлуются-то не по нашему: счетомъ по сту разъ (*****)! — А ужь какія онѣ, душки, всѣ нѣжныя! Чуть лишь посогрѣй: — такъ и растаятъ! Вотъ, туда мнѣ хочется! Только, пожалуста, не къ Наядѣ, которая этакъ:—

(*) Предполагается, что Дмитриевъ читалъ изданныя въ 1820 году Идилліи В. И. Панаева. Это мѣсто въ IX Идилліи.

(**) Идиллія I.

(***) Идиллія IV.

(****) Идиллія XIV.

(*****) Идиллія XXIV.

«Наскучивъ водной глубиной

«И рыбъ бесѣдой молчаливой, — (*)

выйдетъ на берегъ, да изъ рукъ и ускользнетъ какъ мокрая лягушка. Мнѣ хорошенькую, мирную пастушку, съ овечкой. Самую, самую невинную, которая бы еще не укрывалась отъ бури съ какимъ нибудь Коридономъ въ пещерѣ (**). Да ужь выучи и на свирѣлкѣ играть.

МЕМУНА.

Колесница готова.

ДМИТРИЕВЪ.

Постой, однакожъ! Чтобы отъ этихъ пастушекъ не было мнѣ того же, что отъ Фей. Прежде снабди меня всѣмъ, до чего онѣ лакомы.

МЕМУНА.

Молодые дѣвушки любятъ наряды, а для этого нужны цвѣты и золото.

ДМИТРИЕВЪ.

Изволь же дать мнѣ цвѣтовъ, какихъ я захочу, и столько золота, сколько задумаю!

МЕМУНА.

Да будетъ по твоему желанію! Какъ скоро, по-

(*) Идиллія XXIII.

(**) Идиллія XII.

думавъ о томъ, ты коснешься земли, то подъ правою рукою будутъ раждаться цвѣты по твоей мысли, а подъ лѣвою мѣшки съ неубывающимъ золотомъ. Но только ты не долженъ имѣть на умѣ ничего нечистаго.

ДМИТРИЕВЪ.

Пожалуй! Я вѣдь буду пастушкомъ, а они никогда ничего нечистаго не думаютъ. Дай-ко хвачу золотца!

(Касается земли лъвою рукою. Является туго-набитый кожаный мѣшокъ, точь въ точь такой, какъ табачный кисетъ, надѣтый Дмитріевымъ на себя въ прологъ. Смотритъ въ мѣшокъ.)

Да и въ правду золото? Ну, большая ты ку-десница! Мѣшокъ полноцѣсный! Другіе тамъ когда еще будутъ, а этотъ вѣрнѣе надѣтъ на себя. *(Надѣваетъ на шею такъ, какъ былъ надѣтъ табачный кисетъ.)* Что жъ теперь, въ яйцо опять что ли?

МЕМУНА.

Въ яйцо!

ДМИТРИЕВЪ.

Экая вѣдьма! Того и смотри что выпустить яй-чицей.

(Идетъ къ колесницѣ.)

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ 1002-й НОЧИ ШЕХЕРАЗАДЫ.

КАРТИНА 4-Я.

ЦВѢТЫ И ДЕНЬГИ,

ИДИЛЛИЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬИЧЪ ДМИТРИЕВЪ, въ видѣ Аркадскаго пастушка.

АМАРИЛЛА, ПАСТУШКА.

ФАВНЫ И СИЛЬВАНЫ.

ВИДЪ ВОСЬМОЙ.

ТЕАТРЪ ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ АРКАДСКУЮ ДОЛИНУ, УСѢЯННУЮ ЛИЛИЯМИ (*) И ОКРУЖЕННУЮ ЛѢСОМЪ. ДУПЛИСТОЕ СРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО, КАМЕНЬ, РѢЧКА, ИЗВИВАЮЩАЯСЯ ТРОПИНКА.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

АМАРИЛЛА, съ простымъ цвѣткомъ на груди, сидитъ, задумчиво смотря въ рѣчку. Возлѣ нея покоится овечка,

---

(*) Лилии въ такомъ множествѣ растутъ въ Аркадской долині (между Патрасомъ и Леонарди, въ Моретѣ), что весь лугъ отъ нихъ кажется бѣлымъ; розъ же тамъ вовсе нѣтъ. (*Разсказъ путешественника*).

всѣ убранная разноцвѣтными лентами. ДМИТРИЕВЪ входитъ въ одежду пастушка, съ роскошною лиліею въ рукѣ, Феинымъ ушкомъ на груди и повѣшенною черезъ плечо сестринскою свирѣлюю.

ДМИТРИЕВЪ.

За чѣмъ ты здѣсь одна,
Прекрасная пастушка?
Къ чему такъ празднично, цвѣтисто убрана
Твоя безмолвная подружка?
Готова ли на жертву вѣсть богамъ,
Ее ты лентами, за неимѣнемъ злата,
Украсила по шелковымъ волнамъ, —
И молишь здѣсь Пената,
Свершая тайный свой обѣтъ?

АМАРИЛЛА.

Я Амарилла, дочь Алсея!
Съ закатомъ солнца мнѣ шестнадцать минеть лѣтъ.
Всѣ, пастушковъ своихъ имѣя,
Подруги разошлись и празднуютъ весну.
Здѣсь то же дѣлаю и я съ моею овечкой.

ДМИТРИЕВЪ.

Но, взоры устремивъ ко дну,
О чемъ же ты, склоняся, задумалась надъ рѣчкой?

АМАРИЛЛА.

Смотрѣла я, какъ въ ней волнуется мой видъ;
Какъ зыбь рѣчная вдругъ по щечкамъ зарябитъ,

И губки вздымутся, и глазки вдругъ сольются;
Заскачутъ пузырьки, запрыгають, забьются,

И все въ нихъ будто пропадетъ;

Потомъ опять такъ ясно,

Такъ чисто, весело, какъ солнышко, взойдетъ

И улыбается и смотритъ такъ прекрасно,

Какъ будто бы я всѣхъ моихъ подругъ

И краше и моложе!—

А что же

Въ томъ прибыли? У каждой ёсть свой другъ:—

Играетъ ей, поетъ, даритъ цвѣты, наряды....

ДМИТРИЕВЪ.

Такъ просишь стало быть ты друга у Наяды?

АМАРИЛЛА.

Отецъ меня училъ,

Чтобъ никогда богамъ я не внушала

Что посылать.

ДМИТРИЕВЪ.

Тебя Наяда услышала!

Я ею посланный Миртилъ!

Вотъ лилія! Прими ее, любви завѣтомъ!

Цвѣтъ этотъ, царственный Аркадіи въ цвѣтахъ,

Тебѣ одной подобенъ въ этомъ!

АМАРИЛЛА.

О! Сколько сладости душѣ въ твоихъ рѣчахъ!

Какъ сочетаешь въ нихъ ты складно

Слова и чувства! Какъ отрадно
Мнѣ вѣсть на сердце отъ нихъ!
Какъ въ самой лиліи мнѣ слышится твой пламень!
Сними же съ плечъ твоихъ
Свирѣль! Садись на этотъ камень
И, Фавновъ, благосклонныхъ мнѣ,
Въ древесной здѣсь живущихъ тишинѣ,
Созвавъ въ кружокъ, наполни съ ними
Окрестный долъ весь звуками твоими,
Пріятными и людямъ и богамъ!

ДМИТРИЕВЪ.

Взываю къ вамъ,
О Фавны мирные! Внушите мнѣ искусство,
Которымъ Панъ владѣлъ, когда, стремясь догнать
Бѣгущую Сиринксу и обнять
Уже мечтавъ ее, свое вдохнулъ онъ чувство
Въ трепещущій отъ устъ его тростникъ,
Что вдругъ, въ замѣнъ ея, возникъ
Изъ водъ, гдѣ, робкая, Наядамъ помолилась;
Когда онъ тутъ, сорвавъ его, связалъ
Въ свирѣль и ею страстно призывалъ
Младую Эхо; а она, межъ скалъ,
Отчаянно, любящая, носилась
И, въ безнадежности, и сохла и томилась,
Лишь вздохи разнося влюбленного въ себя
Нарцисса! — О! Когда предъ вами не напрасной
Останется мольба и, звуки семигласной
Моей свирѣли возлюбя,
Алея дочь цвѣткомъ украситъ мнѣ цѣвницу,

Не пожалѣю я богатыхъ вамъ наградъ
И посвящу изъ здѣшнихъ стадъ
Вамъ лучшую телицу!

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

ФАВНЫ и СИЛЬВАНЫ (*), увѣнчанные листьями, сходятся, держа свирѣли, и помѣщаются на землѣ за Дмитриевымъ и Амариллою. Нѣсколько маленькихъ Фавновъ, въ такомъ же убранствѣ, съ крotalами (**), располагаются на сценѣ въ разныхъ мѣстахъ. Одинъ изъ нихъ садится у самыхъ ногъ Амариллы и, отдавъ ей свои крotalы, въ продолженіе всего времени любитъся ею.

Концертъ на свирѣляхъ.

(Амарилла и маленькіе Фавны бьютъ тактъ крotalами.)

АМАРИЛЛА, по окончаніи концерта:

Отрадно ты игралъ,
Пастухъ мой сладкогласный!

(*) Сильваны, во всемъ подобные Фавнамъ, часто смѣшиваются съ ними въ мифологіи.

(**) Крotalами назывались у древнихъ расколотыя на двое дудки, половинками которыхъ ударяли одну объ другую, для означенія мѣры пѣнія, или игры на инструментахъ. Геснеръ, въ своей Идиліи: «Милонъ», далъ крotalы Фавнамъ.

Твой звукъ пріятнѣ мнѣ сердце обнималъ,
Чѣмъ Фебъ, въ свѣтъ облачившись ясный,
Объемлетъ, пламеннымъ лучомъ,
Ликъ убѣгающей Діаны
Въ убранствѣ отъ него nocturno!
Благодарю васъ, Фавны и Сильваны!
Вернитесь въ домъ вѣтвяный свой,
Опять дышать тамъ лиственной прохладой!
Одинъ останется со мной
Здѣсь другъ, мнѣ посланный Наядой!
(Фавны уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

ТѢЖЕ, КРОМѢ ФАВНОВЪ.

АМАРИЛЛА.

Приблизься же, любезный мнѣ Миртиллъ!....
Но на груди твоей цвѣтокъ меня пугаетъ!
Между Аркадскими такихъ не разцвѣтаетъ.
Не отъ влюбленной ли его ты получилъ
Богини?

ДМИТРИЕВЪ.

Подарила
Одна старушка мнѣ его.
Волшебная въ немъ скрыта сила.

АМАРИЛЛА.

И! Фи! Старушка! Отъ того
Онъ и безъ запаха. Быть можетъ, Эскулапу
За то полезенъ? А къ нему прищипить мой,
    Душистый, но простой,
Не смѣю я!... Однакожь!... Нѣтъ!.... Пстой!...
Дай я переколю тебѣ его на шляпу!

ДМИТРИЕВЪ.

На шляпу? Можешь!

АМАРИЛЛА, переюловъ.

Ну, вотъ такъ!
А мой возьми на грудь! Ужь вѣрно вѣдь никакъ
Ты не сердить за то, что я, твоя пастушка,
    Покуда не старушка?

(Приколовъ свой цвѣтокъ къ его груди, плутовато смотритъ на Дмитріева, приложивъ пальчикъ къ ротику.)

ДМИТРИЕВЪ.

Что значить пальчикъ?

АМА ИЛЛА.

Что? Да такъ! Я жду!

ДМИТРИЕВЪ.

Чего?

АМАРИЛЛА.

Еще подарка твоего:
Цвѣтовъ, цвѣтовъ! Нежданныхъ, небывалыхъ
И у твоей старушки! Бѣлыхъ, алыхъ,
И розовыхъ, и желтыхъ, голубыхъ;
И вида всякаго, какихъ
И выдумать нельзя! Одинъ, изъ золотыхъ
Весь листьевъ; а другой: на стеблѣ жемчугъ спѣлый!
Достань мнѣ ихъ сейчасъ, не то я разлюблю,
Цвѣтокъ мой отколю,
Не буду говорить день цѣлый!

ДМИТРИЕВЪ.

А что наградою?

АМАРИЛЛА.

Въ наслѣдство мнѣ отецъ
Прекрасныхъ молодыхъ овецъ
Оставилъ небольшое стадо.
Возьми одну!

ДМИТРИЕВЪ.

О нѣтъ!

АМАРИЛЛА.

Дамъ пару голубковъ!

ДМИТРИЕВЪ.

Оставь себѣ!

АМАРИЛЛА.

Такъ что жъ? Не знаю! (*Стыдливо:*) Надо Боговъ спросить.

ДМИТРИЕВЪ.

За чѣмъ, когда и безъ боговъ
Не трудно отгадать?... Что? Отъ чего краснѣешь?...

Ты стало знаешь, что имѣешь

На губкахъ медь душистѣе, чѣмъ тотъ,
Который Ганимедъ, на Зевсовъ столъ, беретъ
Отъ пчель Темпейскихъ?

АМАРИЛЛА.

Но.... ни разу
Еще объ этомъ мнѣ ни кто не говорилъ?

ДМИТРИЕВЪ.

Влюбленный говорить теперь о томъ Миртилл!

АМАРИЛЛА.

А будутъ ли цвѣты?

ДМИТРИЕВЪ.

По твоему приказу,
Дай слово, изъ земли я вызову ихъ самъ!
И остановится на небѣ Фебъ лучистый,
Склонясь къ твоимъ невидимымъ цвѣтамъ.

АМАРИЛЛА, также стыдливо.

Тогда и медь душистый!

ДМИТРИЕВЪ.

О! Какъ въ тебѣ мнѣ этотъ видъ
Пріятенъ новой для тебя тревоги!
Въ ушко Амуръ, знать, что-то говоритъ?
А что шепнулъ?

АМАРИЛЛА.

Что вѣдаютъ лишь боги!

ДУЭТЪ.

ВМѢСТѢ:

Свѣтъ луны на волнѣ
Дребежжитъ,
Вѣтерокъ по листьямъ
Шелеститъ;
Тайный голосъ душъ
Говоритъ
Про любовь!

Яркой полдень раскинетъ
Лучи,
Шумъ людской смѣнитъ шелестъ
Ночи,
А останется та же
Въ рѣчи
Все любовь!

ПОПЕРЕМѢННО и ВМѢСТѢ:

Д. . . . . Кто же ты,
А. . . . . Гдѣ же ты,
Вм. . . . . Ты откуда, любовь?
Д. . . . . Отъ чего
А. . . . . День и ночь
Вм. . . . . Такъ полны всѣ тобой?
Д. . . . . Кто извлекъ
Изъ души
Тайный вздохъ о тебѣ?
Вм. { . . . . . Кто, шутя,
Изострилъ
Золотую стрѣлу?
Кто такъ жизнь
Обаялъ
. . . . . Первымъ словомъ твоимъ?
А. . . . . Кто же?
Д. . . . . Кто?
А. . . . . Ликоринѣ Тирсисъ,
Д. . . . . Амариллѣ....?
А. . . . . Миртиллѣ.
Вм. { . . . . . Сердце сердцу,
Когда
Два сольются
Въ одно;
Другу другъ,
Если другъ
Друга любить
Какъ другъ!

ДМИТРИЕВЪ ПРИКАСАЯСЯ ПРАВОЮ РУКОЮ
КЪ ЗЕМЛѢ И ПОДАВАЯ АМА-
РИЛЛѢ ОДИНЪ ЗА ОДНИМЪ
ЦВѢТЫ, ОТЪ ТОГО РАЖДА-
ЮЩЕСЯ.

Возьми же! Вотъ жемчужная слеза
Любви враждующей Діаны,
Внесенная росой на Небеса
Отъ той земной поляны,
Гдѣ спящій ей предсталъ Эндиміонъ!
Вотъ золотой тотъ лавръ, который Геликонъ,
Въ восторгѣ, возвращалъ, услышавъ пѣснь Омира!
Вотъ семицвѣтный миртъ, залогъ
Любви и мира,
Что насадилъ громодержатель богъ,
Сынамъ земли въ отраду,
Титана свергнувши съ небесъ!
А вотъ цвѣтокъ: его имѣеть лишь Зевесъ!
Онъ представляетъ шлемъ, что украшалъ Палладу,
Когда, зажегши бунтъ въ толпѣ людей, содомъ
Ихъ шумный
На бой съ бессмертною повелъ съ собою Момъ,
Своею дерзостью кичившійся, безумный;
И, въ боѣ томъ
Ея лишь встрѣченный презрительной улыбкой,
Со всей фалангою упалъ предъ нею въ прахъ!
А вотъ и станъ твой гибкой,
Подъ розой, съ краскою стыдливости въ листьяхъ,
Лишь только что, въ цвѣтахъ,
Богами созданный!... Возьми ужъ и колечко

Садовъ Гименовыхъ! Оно одну луну
Цвѣтетъ, лишь въ первую весну;
Но тайна есть въ немъ: доброе сердечко
Надолго можетъ цвѣтъ его продлить!....
Довольна ли?

АМАРИЛЛА.

Ну, да!

ДМИТРИЕВЪ.

Спѣши же наградить
Счастливица!

АМАРИЛЛА.

Нѣтъ! Еще не все! Боюсь: овечка
Мнѣ позавидуетъ. Смотри, какъ мило тѣнь
Ее покрыла! Какъ ей любо въ ней? Одѣнь
Ее гирляндой!

ДМИТРИЕВЪ.

Изъ цвѣта
Дремы Элизія?

*(Прикоснувшись къ землѣ и поднявъ яви-
вшуюся на ней тирлянду, накладываетъ
ее на овечку.)*

Исполнилъ!.. Но за это
По поцѣлую за цвѣтокъ!

АМАРИЛЛА.

Цѣлуй себѣ: готово!
Но только въ плечико.

ДМИТРИЕВЪ.

А развѣ было слово
О плечикѣ?

АМАРИЛЛА.

Такъ что жъ? Въ немъ также есть медокъ?

ДМИТРИЕВЪ, поцѣловавъ.

Медокъ?... А въ щекѣ слаще!

АМАРИЛЛА.

За щечку не цвѣтокъ.

ДМИТРИЕВЪ.

Приказывай! Со дна
Морей подамъ!

АМАРИЛЛА.

Купи Мидасово мнѣ стадо!
Оно не дорого. А у меня одна
Всего и есть коровка.
Конечно тучная, со звѣздочкой головка,
Съ крутыми рожками; но, съ матерью, двумъ намъ
Одной бываетъ мало.
Да ужъ давно и эта бы пропала;

Когда бѣ, залегши по кустамъ,
Не стерегли ее здѣсь Фавны.

ДМИТРИЕВЪ, прикоснувшись лѣвою ру-
кою къ землѣ.

Злата!

*(Подавая появившійся, наполненный зо-
лотомъ, мѣшокъ.)*

Возьми и покупай!

АМАРИЛЛА, взглянувъ въ мѣшокъ.

Ахъ! Золото?... Миртиллъ!
Какъ это сдѣлалъ ты? Мнѣ неостанетъ силъ
Поднять. Положимъ здѣсь на холмъ. Теперь богата,
Богата сдѣлаюсь!... Вотъ щечка!

ДМИТРИЕВЪ, подѣловавъ.

Сладко!... Но...
Вѣдь общала ты не въ щечку.

АМАРИЛЛА.

А одно

Еще исполнишь ли?

ДМИТРИЕВЪ.

Задумай! Все достану!

АМАРИЛЛА.

Я многого просить не стану!

Цвѣтовъ да золота! Но не простыхъ цвѣтовъ.

А золота: мѣшковъ, мѣшковъ,
Чтобы огромныя построить мнѣ палаты,
Какихъ не видано и въ самыхъ городахъ;
И всѣ бы, въ дорогихъ камняхъ,
Блистали въ нихъ мои Пенаты!

ДМИТРИЕВЪ.

Тропинку эту видишь ты?
Вотъ съ этой стороны я вызову цвѣты,
Какихъ никто еще не видѣлъ межъ цвѣтами;
А съ этой золото, мѣшками и мѣшками.
Но только слушай! Ты со мной тогда самъ-другъ
На то останешься ли время,
Когда стада здѣсь, млечное тамъ бремя
Отдавши людямъ въ снѣдь,
Полягутъ, утомясь отъ зною,
Въ куста, и, подъ прохлагою ночью,
Вездѣ по хижинамъ настанетъ тишина?

АМАРИЛЛА.

А мать? Ну ежели она
Спохватится? Я ей должна
Еще воды цѣлебной
Изъ нашего источника принести.

ДМИТРИЕВЪ.

Ее не бойся. Мой цвѣтокъ волшебный
Сонъ крѣпкой можетъ на нее навести.

АМАРИЛЛА, въ раздумьи.

Ну если такъ....

ДМИТРИЕВЪ.

Тогда я стану твой нѣжный....
Съ восторгомъ обниму! И этотъ холмъ прибрежный,
Еще покоя насъ, подъ утренней росой,
Въ дремотѣ сладостной съ тобой,
Свѣтлѣе нашимъ счастьемъ заблистаетъ,
Чѣмъ солнышкомъ, когда
Надъ пробужденною землею оно взиграетъ
Съ зарей румяною. О! молви же мнѣ: да!
Въ мученіяхъ я страшныхъ ожидаю!

АМАРИЛЛА, робко.

Не знаю!
Спроситься лучше матери.

ДМИТРИЕВЪ.

О! нѣтъ!
Какъ спросишься, ни какъ не станутъ ужь родиться
Ни золото, ни цвѣтъ.

АМАРИЛЛА, нервно и сильно.

Конечно, мать добра и на меня сердиться
Не будетъ.

*(Онъ ведетъ ее къ холму. Она просто-
душно повинуется.)*

ДМИТРИЕВЪ.

Посиди

На холмѣ, близь твоей овечки! Но, покуда,
Закрывши глазки, не гляди!
Чтобъ чистыхъ ихъ не испугалось чудо.

АМАРИЛЛА, свѣвъ и клонясь къ землѣ.

Морфей мнѣ посылаетъ сонъ.

ДМИТРИЕВЪ.

Засни же!

АМАРИЛЛА.

Если бъ онъ

Старушку мать послалъ мнѣ въ сновидѣнье.

ДМИТРИЕВЪ.

Пошлетъ. Дай ручку!

АМАРИЛЛА.

Послѣ.

ДМИТРИЕВЪ.

Только тронь!

АМАРИЛЛА, полусонная, дотронувшись
до его руки.

Ну, вотъ...

*(Засыпаетъ. Онъ, нѣсколько разъ поцѣ-
ловавъ руку Амариллы, осторожно опу-
скаетъ ее.)*

ДМИТРИЕВЪ.

О упоенье!

Во мнѣ и трепетъ и огонь!

Полна грудь жаждою! О боги!

Спѣшите утолить, насытить эту страсть!

(Подойдя къ тропинкѣ.)

Твори, волшебная, мнѣ посланная власть!

Дай злата, злата.... съ Зевсовы чертоги!...

И всѣ здѣсь для нея поэзіи мечты

Преобрази, могучая, въ цвѣты!

(Касается по сторонамъ тропинки то правою, то лѣвою рукою, но вмѣсто цвѣтовъ и золота являются: репейникъ, камень и проч.)

Репейникъ?... Камень?... Что за диво?

Лапушникъ?... черепокъ?...

Ай, ай!... Еще попробую!... Крапива?...

Какой-то дерева кусокъ?...

Что это значить?

Мемуна, кажется, дурачить?

Отъ страха сердце залегло!

Прочь въ землю!

(Появившееся исчезаетъ.)

А! Тамъ вижу я дупло!

Я изъ него повытащу! Я знаю

Какъ вынудить!

(Подойдя къ дуплу.)

Повелѣваю

Всесильной книгою, всѣмъ чернымъ волшебствомъ,
Всей властью Айдеса, покорнымъ быть во всемъ

И выдавать что пожелаю!

(Вынимаетъ изъ дупла правую рукою.)

Солома?... Огурецъ?... Поди цвѣтокъ, цвѣтокъ!...

Пошла капуста?

Что жъ это будетъ?

(Лъвою вытаскиваетъ пустой мѣшокъ.)

А! По крайности мѣшокъ?

Теперь бы только золота!... Мѣшокъ!

Эй! золота!... Опять мѣшокъ?

И пусто?

Еще попробую потрогаться къ землѣ.

(Блѣжитъ на четверинкахъ по тропѣ, касаясь по ея сторонамъ, по очереди, то правую, то лъвою рукою, но ужъ ничего не является.)

Пустышь... пустышь... пустышь!

(Замучившись.)

Уфъ жарко! Потъ льетъ градомъ!

(Сбрасываетъ съ себя шляпу. Маленькіе Фавны, выбѣжавъ изъ лѣса, подхватываютъ и уносятъ.)

А Амарилла спитъ, и съ ней овечка рядомъ!

(Въ сердцахъ, прикоснувшись къ перстню.)

Мемуна скверная! Ко мнѣ!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ОТРЫВКА.

XVI

ОТДѢЛЬНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

КУРНАЯ ИЗБА.

(Во время зимней военной стоянки.)

Одинъ, въ умѣ съ тяжелой думой,
Въ душѣ съ обманутой мечтой,
Во мракѣ темноты угрюмой
Избы холодной и курной,
Безъ наслажденья, безъ надежды
Къ премѣнѣ будущаго дня,
Сижу, задумчиво склоня
Къ землѣ поникнувшія вѣжды.
Ни что не борется съ тоской,
Ни что не спорить съ тишиной,
Ни что душѣ не улыбнется;
Лишь птица, снѣгъ браздя крыломъ,
Порою вскрикнетъ подъ окномъ;
Лишь искра свѣтлая сорвется

Со дровъ, трещащихъ надъ огнемъ,
И въ дымномъ облакѣ провьется
Подъ закоптѣлымъ потолкомъ.
Не скрышнетъ дверь, впуская друга;
Не улыбнется мнѣ подруга,
Сквозь мракъ подкравшися тайкомъ.
Отрада сердцу измѣнила,
Какъ будто смерть, своимъ жезломъ,
Въ могилу все преобразила.
Сижу съ стѣсненною душой
И, молча, вслушиваюсь въ бой
Часовъ, лежащихъ предо мной,
И на глазахъ моихъ блистаетъ
Неволью рядъ тяжелыхъ слезъ....
Какую мысль въ умѣ раждаетъ
Цѣпь эта звуковъ, сихъ колесъ
Однообразное движенье?
Напрасно слухъ спѣшитъ имъ въ слѣдъ!
Нѣтъ настоящаго мгновенья:
Едва ударить, и ужъ нѣтъ,
И новый звукъ, и снова стихнетъ,
И вслѣдъ другой уже идетъ, —
И жизнь не также ли? Вдругъ вспыхнетъ
И чрезъ мгновенье замретъ!...
Къ чему жъ безумное стремленье
За всей толпой мірскихъ суетъ?
Всегда благое Провидѣнье
Насъ къ благу создало на свѣтъ
И цѣль одна въ немъ: наслажденье!
Мы умираемъ каждый часъ,

Минута каждая для насъ
Есть къ гробу тихое сближенъе....
Чего же медлить? Часъ пробѣтъ,
Никто было не вернуть!...
Спѣшите жъ, склонностей любимыхъ,
Желаньямъ чистымъ угодить
И дни молодые угостить,
Какъ ужъ гостей невозвратимыхъ!...
Но я?... Злой рокъ уже сгубилъ
Мою развѣнчанную младость
И жизни вѣтрѣнную радость
Слезой тяжелой затопилъ!
Въ печали сердца, безъ привѣта,
Младые дни разсорены!
Еще не зрѣвъ моей весны,
Ужъ я стою въ срединѣ лѣта!...
Не дремлетъ время, мигъ летитъ,
За часомъ часъ во слѣдъ спѣшитъ
И годъ за годомъ такъ промчится.—
Былое въ память возвратится,
Но наслажденъе не придетъ!
Съ лѣтами тихо отпадетъ
За листомъ листь отъ жизни цвѣта,
И я угасну безъ разсвѣта!

ОБМАНЪ УЕДИНЕНІЯ.

Соскучивъ шумомъ суэты,
Въ мои часы уединенья,
Зову обманъ я вдохновенья
И заблужденіе мечты.
Не знаю: любятъ ли Камены
Цѣвницу тихую мою,
Но я ихъ искренно люблю;
Но часто, думой увлеченный,
Миролюбивый домосѣдъ,
Мой призывая добрый Геній
На пиръ отрадныхъ пѣснопѣній,
Живую радость ихъ бесѣдъ
Я чту всѣхъ выше наслажденій!
И какъ могу ихъ не любить?
То было время: я не вѣрилъ
Ихъ божеству и, можетъ быть,

Никто бѣ души не разувѣрилъ
И не возжегъ бы въ ней огня;
Но ахъ, забыть могу ли я
Тѣ годы, тяжкіе гоненьемъ?
Онѣ единыя, онѣ
Тогда, съ ихъ тайнымъ утѣшенъемъ,
Сходили добрыя ко мнѣ;
Толпою легкою летали,
Меня манили и плѣняли,
И, по мелькающимъ цвѣтамъ,
И мысль и сердце увлекали
Къ недоступнымъ небесамъ!
Тогда, каратель Прометея,
И неподвижный и живой,
Съ крыломъ опущеннымъ, съ главой
Полуподъятою, не смѣя
Нарушить Тартара покой
При звукахъ сладостныхъ Орфея,
При взорѣ ихъ, свирѣпый вранъ
Моихъ не рвалъ живучихъ ранъ.
Съ тѣхъ самыхъ поръ, благоговѣя,
Усерднымъ сталъ я ихъ жрецомъ. —
Такъ на святой помость чертога,
Увидѣвъ чудо, въ прахъ лицомъ
Язычникъ палъ предъ алтаремъ
Имъ вдругъ увѣданнаго Бога!

МОЙ ДЕМОНЪ.

(ПОДРАЖАНІЕ ПУШКИНУ.)

За чѣмъ ты, грусть, въ меня впиалась
И, съ непонятною мнѣ цѣлью,
Вкрутъ сердца, жаднаго къ веселью,
Змѣей грызущей обвилась?
Въ какой ты алчущей утробѣ
Свой ядъ мучительный впила?
Какая Фурія, во злобѣ,
Тебя съ главы своей сняла
И въ міръ закинула несчастный,
Изъ нѣдръ пылающихъ огня?
Кто указалъ тебѣ меня?
Преодолѣть тебя невластный,
Вотще отрады я ищу!
Я впечатлителенъ и молодъ,

Но въ сердце бьетъ твой тяжелой молотъ —
И я тоскую и грущу!
Твоя рука отяготѣла
Надъ грудью пламенной моей...
И все ты, злобная, одѣла
Завѣсой мрачною твоей!

ДЕЛІЯ.

Знакомъ ты съ Деліей прекрасной?
Ее ты видѣлъ наконецъ?
Ей свѣтъ вручилъ единогласно
Самодержавіе сердце.
Какъ вешнихъ вѣтровъ дуновенье,
Свѣжа, игрива и легка;
Какъ листъ плѣнительный цвѣтка,
Какъ утра майскаго явленье,
Чудесной прелестью полна.
Ловка, любезна и умна,
Искусства любить до безумья,
Талантомъ счастливымъ дивить
И черный глазъ ея горитъ
Блестящей искрой остроумья.
Добра какъ Ангелъ. Ей супругъ
Ея любовь и первый другъ.

Упрямству женщинъ неподвластна,
Она во всемъ для нихъ примѣръ:
Ей ненавистенъ лицемѣръ,
Коварства имя ей ужасно
И злоба не доступна къ ней.
Нерѣдко, въ пылкости природной
Души возвышенной своей,
Съ какимъ порывомъ, межъ друзей,
Она казнить порокъ людей
И въ гнѣвъ приходитъ благородный.
Невольно льнешь душою къ ней,
Невольно чтишь ее за диво.
Но недовѣрчивый Пирронъ (*)
На все, къ несчастью, справедливо
Смотрѣлъ въ природѣ какъ на сонъ:
Узнай короче — и, въ мгновенье,
Какъ огонь летучій въ небесахъ,
Въ твоихъ разсыплется глазахъ
Прелестно-милое видѣнье!

1826 г.

(*) Основатель скептицизма.

ЗАСТОЛЬНЫЕ СТИХИ.

(По случаю производства автора въ маіоры и возвращенія его изъ Юрбурга, гдѣ онъ производилъ слѣдствіе по контрабандѣ.)

Здорово, братцы! Дайте руки!
Насилу вырваться успѣлъ .
Изъ лапъ жидовской этой скуки
И контрабандныхъ этихъ дѣлъ!
Насилу выбился въ Маіоры!
Живите жъ дружбой разговоры,
Садитесь весело за пиръ,
Пока горячъ еще и сладокъ!
Быть можетъ рано сталъ мнѣ гадокъ
Земной, иль низменный нашъ міръ!
Но я ужь свергъ его кумиръ!
Давно, наполненный волненьемъ,
Я книги жизни съ нетерпѣньемъ
Впередъ ворочаю листы!

Давно не видѣлъ я веселья,
Въ заботѣ этой сузуты,
Дѣлами полного бездѣлья!
Я улыбнулся въ первый разъ!
О! да хотя на малый часъ
Мою тоску кипящей Леты
Поглотить вѣчная волна!
Придите жъ, милые клеветы,
Широкой рюмкою вина
Густые вспрыснуть эполеты!

Къ столу тѣснѣе и тѣснѣй!
Стакановъ звукъ игривъ и звученъ!

Но, между радостныхъ друзей,
Ты здѣсь одинъ, М...въ, скученъ!
Тебѣ текло лишь по усамъ,
Тебѣ мой чинъ, дружокъ, обида:
Ты не Маіоръ, по пустякамъ
Листы вертѣлъ ты Инвалида!
Но позабуди теперь о томъ,
Дѣли веселье и раздолье!
Сердитый Вакхъ, тряся жезломъ,
Давно ужъ ждетъ у изголовья!

Аи веселое кипить!
Клубится пѣна и шумить,
Изъ плѣна смѣло вырываясь!
Но я на пробку, улыбаясь,
Могучій палецъ наложилъ:—
И пѣну буйную смирилъ!

Не такъ ли страсти въ насъ бушуютъ
И душу пылкую волнуютъ,
Ее желаньямъ покоривъ?
Не такъ ли разумъ, умиривъ
Огонь мятежнаго порыва,
Уберегаетъ насъ отъ взрыва?

Но вѣчно ль будемъ бы стѣснять
Сей пламень, данный намъ отъ неба?
Питомецъ Музъ, питомецъ Феба,
Я не хочу преподавать
Науки выпрenneй Сократа.
Не всѣ системы хороши.
Порывы радостной души,
При видѣ радостнаго брата,
Вотъ вамъ на скóро отъ меня
Урокъ сегодняшнаго дня!

Ужь пробка вверхъ! Бѣжить вино!
Бутылки полныя содвиньте!
До дна всѣ выпивъ, за окно
Стекло порожнее закиньте!

Давыдовъ, баловень пировъ,
Сынъ Феба, Вакха и отваги,
Въ порывѣ ухарскомъ стиховъ,
Воспѣлъ намъ силу чудной влаги.

Его путемъ идти ли мнѣ?
Его не вспыхнуть ли мнѣ жаромъ?
Нѣтъ, други! Рѣчь гдѣ о винѣ,
Смѣшно тянуться за гусаромъ!

Рубака, стольникъ и писецъ,
Стихомъ онъ выльетъ, что захочетъ;
Не мнѣ чета предъ нимъ пѣвецъ
Со взвода нѣхотя соскочить.

Но чѣмъ пьянѣе, тѣмъ смѣлѣй;
Круговъ чѣмъ болѣе зеленыхъ,
Тѣмъ всѣхъ мы умниковъ умнѣй
И всѣхъ ученѣе ученыхъ!

И что въ умѣ? Не всѣхъ ли Музъ
Заткнетъ за поясъ богъ румяный?
Какой умомъ бы ни былъ тузъ,
А все тузистѣе какъ пьяный!

Вину поклонникъ цѣлый свѣтъ
И даже, чтя его подъ спудомъ,
Всѣ мудрецы минувшихъ лѣтъ
Его осмымъ считали чудомъ.

Что тѣшить узника? Вино!
Богатство нищаго вино же!
Въ немъ трусу-мужество даю
И пьетъ старикъ, чтобъ быть моложе!

Зевесъ, колодезя на днѣ,
Залечь мать-истинѣу принудилъ;
Туда послалъ насъ, а въ винѣ
Ее межъ тѣмъ съ Олимпа удилъ;

И если рѣдко на уду
Къ царю боговъ она кидалась,

То это все, чтобы ему
Подольше удить бы досталось.

Инаго трезваго, луна
Съ трубою цѣлый вѣкъ проводить,
У добрыхъ пьяницъ же она
Сама такъ подъ носомъ и ходить

И, разогрѣвши умъ въ винѣ,
Другой пьянчушка, въ полномъ свѣтѣ,
Яснѣе видитъ на лунѣ,
Чѣмъ на земной своей планетѣ!

Одудѣ уменъ, а промолчить,
Какъ не по немъ вопросъ придется;
Тарасъ и глупо говорить,
А пьяный разу не запнется.

О счастья ль споръ у васъ зайдетъ,
Скажите: счастливъ тотъ, кто веселъ;
А пьяный скачетъ и поетъ,
Хоть завтра бѣ чортъ его повѣсилъ!

Не такъ бы Русской побѣждалъ,
Не такъ бы прадѣды ѣдали,
Не такъ *рыбакъ* бы нашъ писалъ,
Когда бѣ не такъ они пивали!

Но, для хвалы всѣхъ благъ въ винѣ,
Со всѣмъ не нужно рѣчи длинной;
Скажу одно: повѣрьте мнѣ,
Не даромъ лгнуть такъ къ службѣ винной!

Однако, что мнѣ васъ томить,

Минуты тратя золотыя!
Вино прекрасно! Будемъ пить, —
Пускай поютъ его другіе!

Служитель Марса и Маіоръ,
Я ль унижаюсь пѣснопѣньемъ?
Къ тому же вижу: съ давнихъ поръ
Къ столу вы жметесь съ нетерпѣньемъ!

Сосѣда подчивай сосѣдъ!
Пируйте, съ дружескимъ радушьемъ!
Душа намъ мѣра: пусть же свѣтъ
Не упрекнетъ насъ малодушьемъ!

ПОСЛАНИЕ,

ВЪ ОТВѢТЪ НА ПОЛУЧЕННУЮ ЗАПИСКУ ВЪ СТИХАХЪ.

Въ умахъ людей, какъ прежде, царствуй!
Храни священный огонь души!
Какъ можно менѣе мытарствуй,
Какъ можно болѣе пиши, —
А за посланье благодарствуй!

Не правъ ли я, пріятель мой,
Не говорилъ ли я заранѣ:
Не сдобровать тебѣ съ игрой
И есть дыра въ твоёмъ карманѣ!
Поэтъ, ты честь родной странѣ,
Но, смѣлый всадникъ на Пегасѣ,
Ты также пылокъ на сукнѣ,
Какъ ты заносчивъ на Парнасѣ.
Конечно, къ слову то нейдетъ;

Съ тобою тамъ ни кто не равенъ:
Ты тамъ могучъ, великъ и славенъ;
Передъ тобою все падетъ,
Тебя привѣтствуетъ и нѣжитъ, —
Но, другъ, въ игрѣ не тотъ расчетъ:
Иной пяти не перечтеть,
А вмигъ писателя подрѣжитъ.
Въ стихахъ ты только что не святъ,
Но счастье лживая монета
И ногти длинные поэта
Отъ бѣдъ игры не защитятъ.
Надменно плавая по небу,
Во многомъ ты подобенъ Фебу;
Но я боюсь, чтобъ и во всемъ
Ты не пошелъ его путемъ.
Нѣтъ у тебя ни въ чемъ завѣта
И, берегись, чтобъ и тебѣ,
Подобно горестной судьбѣ
Вождя блистательнаго свѣта,
(Слова не сбудутся, авось!)
Подъ часъ сойти бы не пришлось
Къ стадамъ блуждающимъ Адмета!

Т Р И Р О З Ы .

(Пародическое подражаніе стихотворенію Веневитинова: «Три розы,»
помѣщенному въ Альманахъ «Сѣверные цвѣты» на 1827-й годъ.)

Камень любицемъ молодой,
Эрота нитію златой
Въ одинъ букетъ связавъ три розы,
Въ Цвѣтникъ ихъ Сѣверный вмѣстилъ
И лучъ весенній наманилъ
На наши русскіе морозы.
Пускай счастливца наградить
За то красавица младая,
Цвѣткомъ любимѣйшимъ харить
Предъ нимъ задумчиво играя
На жарѣ дѣвственныхъ ланитъ!
И я, поэту подражая,
На лирѣ тихой, между дѣлъ,
Наладить пѣсню захотѣлъ.
Но наши пѣсни не похожи:

Поетъ онъ розы, ихъ любя;—
Дѣлю съ нимъ чувство про себя,
Но я воспѣть хочу вамъ рожи!

Въ юдоль страстей, въ обитель бѣдъ,
За наши грѣшныя тревоги,
Правдиво—мстительные боги
Три рожи бросили на свѣтъ.

Подъ русскимъ небомъ разцвѣтая,
Рожденъе Флоры, намъ одна,
Какъ мысль творенія пустая,
Восточнымъ лугомъ отдана. (*)
Всегда высокая, прямая,
Въ широкой листъ облечена,
Хотя слыветъ она и рожей,
Но всѣхъ изъ рожъ она пригожей.

Есть родъ другой. На свѣтъ она,
Какъ говоритъ языкъ преданья,
Моливой теплою рождена
Жрецовъ голодныхъ врачеванья.
Плодъ сильно—движимыхъ страстей,
Подруга нѣги и сластей,
Горя какъ жаръ, она по тѣлу
Багровымъ стелется пятномъ
И съ ней, подъ бѣлымъ полотномъ,
Какъ разъ прыгнешь въ подземный домъ.
Но есть еще помога дѣлу:

(*) *Alcea rosea*:—восточный цвѣтокъ, очень обыкновенный въ Россіи.

Кусокъ сукна, немножко мѣлу —
И, съ Божьей помощью, пройдетъ.

Есть третій родъ и, безъ сомнѣнья,
Виновный міръ его несетъ,
Какъ явный слѣдъ грѣхопаденья!
Отъ нихъ отрекся бѣдный Лель;
Зима встрѣчаетъ ихъ на балѣ,
А тихогрѣющій Апрель
Вывозитъ милыхъ подъ качель,
Подъ часъ въ спасительномъ вуалѣ,
Въ недобрый часъ *au naturel!*
На вымыслъ древніе бывъ ловки,
Медузу въ свѣтъ произвели:
Съ тѣхъ поръ—то, вслѣдъ имъ, и пошли
Сія Медузины головки. —
Я зналъ одну... Съ минуты той
Всегда молю я промыслъ Божій:
Не посылать мнѣ въ бичъ земной
Огня, меча — и этой рожи!

М Е Т Е О Р Ъ.

Съ noctныхъ, блистающихъ небесъ
Сорвался лучъ звѣздой падучей;
Взгорѣлъ, пробѣгъ — и вдругъ исчезъ,
Въ пучинѣ отблеснувъ зыбучей!

Что намъ пророчишь дивный лучъ?
Откуда, гдѣ твое рожденье?
Лазурь небесная безъ тучъ!
Легло на міръ отдохновенье!

Урокъ дремотѣ ль ты земной?
Рука ль Творца тебя послала?
Иль, въ самой ясности святой,
Ты память грознаго начала?

Въ природѣ все ль одна мечта,
Однихъ ли случаевъ сдѣянье?

Земля плыветъ: въ одно ль мгновенье
Земное мѣсто — пустота?

Въ огонь ли обратясь летучій,
Взгорить, мелькнеть и, бросивъ свѣтъ,
Для сонма дальняго планетъ
Звѣздой просвѣтитя падучей?

ДРУЖБА И ЛЮБОВЬ.

Есть добрый богъ! Его названье
Большое въ свѣтѣ нареканье
Несетъ отъ свычнаго съ нимъ зла.
Я спорить не желаю съ свѣтомъ:
Моя бы риѣма не могла
Разбить фальшиваго стекла.
Не то стиховъ моихъ предметомъ.
Есть добрый богъ! Отъ юныхъ дней
Связуетъ крѣпко онъ людей.
Труды, желанія, томленье,
Обманъ, удача, заблужденье,
И часто, къ нимъ въ добавокъ тутъ,
Неволей тягостная служба,
Его на помощь къ намъ зовутъ.
Сей добрый богъ зовется *дружба*. —
Есть милый богъ! Онъ нашу кровь,
Какъ буря тайная, колышетъ;
Имъ очарованная бровь

Могучей прелестію дышетъ.
Сей богъ чудесный есть *любовь*.
Сильнѣе дружбы, наполняетъ
Онъ дружбу ревностью; но имъ
Мы только счастливы однимъ.
Гименъ въ сердца съ нимъ водворяетъ
Награду бѣдствій и тревогъ —
И оскорбленный добрый богъ
Соперника благословляетъ.

ЖИЗНЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

(СОНЕТЪ.)

Какъ я ловлю восторгъ живыхъ мечтаній,
Дыханья Музъ волшебную струю!
Какъ рвусь душой въ страну очарованій,
Какъ вѣрую, надѣюсь и люблю!

Какъ часто я, средь темныхъ ожиданій,
Какимъ-то весь волненіемъ горю!
Какъ трепѣтно, весь въ пламени желаній,
Я подхожу къ святому алтарю!

Могучій духъ! Духъ, свѣтомъ озаренный!
Откуда ты? Зиждителемъ вселенной
Вождемъ ли ты, сопутникомъ ли данъ?

Ты къ вѣрному ль незримое влеченье?
Иль, воскресивъ мечту и заблужденье,
Пожизненный, возвышенный обманъ?

МЕЧТА И ЖИЗНЬ.

(С т а н ц ы.)

Златаго вѣка не ищу,
Та мысль душѣ вотще бы льстила;
Но все о чемъ—то я грущу;
Чего—то нѣтъ, а что—то было!

Ручья журчанье, видъ полей,
Твердятъ о чемъ—то мнѣ не здѣшнемъ:
Не охуждать хочу людей,
Но жить люблю мечтою въ прежнемъ.

Вамъ часто рѣзвый котильонъ,
Звуча въ безлюдномъ новосельи,
Рисуетъ въ памяти, какъ сонъ,
Прошедшихъ рѣзвостей веселье?

Не все ль равно? Нашъ скучный міръ
И мнѣ міръ лучшій вспоминаетъ;
Небесъ недвижимый Сапфиръ
Моимъ мечтаньемъ оживаетъ!

Надѣнетъ роща ль свой нарядъ
И лугъ, раскинувшись, задышетъ:
Я вижу Фавновъ и Дріадъ,
Мой слухъ восторженный ихъ слышитъ!

Для васъ все смертно, мнѣ все богъ!
Для васъ все мертво, мнѣ все живо!
Для васъ міръ дряхлый изнемогъ,
Мнѣ жъ улыбается игриво!

Вотщель низпали съ облаковъ
Къ намъ поэтическія розы?
О! Превратимъ же въ міръ стиховъ
Міръ бѣдной сущности и прозы!

Мы сна не встрѣтимъ на яву
И сонъ мечта, я это знаю;
Но въ этомъ словѣ: «*я живу*»,
Не та же ль мысль, что «*я мечтаю*»?

МОЙ ПОСОХЪ.

Небо нахмурилось, тучи нависли!
Пасмурны, пасмурны вѣщія мысли!
Шумныя крылья глашатаго бури
Дуютъ, бушуютъ, чернѣютъ въ лазури!
Сердце забилось какъ сѣтная птица!
Духъ, полети! Распадиcя, темница!
Родина, родина! Гдѣ же ты въ мірѣ?
Въ солнцѣ, въ лунѣ, въ голубомъ ли эфирѣ?
Иль межъ крылатымъ тѣмъ клиромъ чертога,
Пѣснь аллилуйя гласящимъ для Бога?
Я ужъ извѣдалъ пространство земное!
Я ужъ усталъ! Я грущу о покоѣ!
Свѣтъ опостылъ мнѣ! Я посохъ мой гибкой
Въ домѣ сложу, съ благодарной улыбкой!

Дождь отъ утра все шумѣлъ и до ночи;
Слезы катились, туманили очи;

Сердце все билось, какъ сѣтная птица;
Душу мнѣ, душу тѣснила темница!...
Что—то я поднялъ въ мечтѣ невеселой: —
Это все онъ, все мой посохъ тяжелый!

МОГИЛЫ ДРУЗЕЙ.

Есть двѣ могилы для друзей.
Одна, вѣмъ общая могила,
Палата темная червей;
И никакая въ свѣтѣ сила
Еще ея не обходила.
Она ведетъ на небеса,
Но другъ и недругъ въ ней пропали;
Ее, въ безрадостной печали,
Кропитъ сердечная слеза;
Надъ нею, въ черномъ облаченьи,
Съ молитвой, клиръ святой стоитъ
И слышится святое пѣнье
И Крестъ спасительный лежитъ!..
Другая: свѣтская могила.—
Ни разу дружба не почтила
Ее ни крепомъ, ни слезой.
Надъ ней нѣтъ знаменья спасенья,
Не слышится мольбы святой

Душехранительнаго пѣнья;
Въ нее покойника, порой,
Ведутъ не слово сожалѣнья,
Пригоршня праха, иль поклонъ;
О немъ не громкой мѣди звонъ,
Не безнадежное *отзиде*;
О немъ указъ, или приказъ,
Въ Сенатскихъ, въ Пчелкѣ, въ Инвалидѣ.—
Извѣстья ждавъ съ часу на часъ,
По немъ друзья, въ жару недуга,
Не рвутъ сердець, не портятъ глазъ,
А вновь—преставльшагося друга
Въ превосходительный титулъ,
Какъ въ бѣлый саванъ, облакаютъ
И, въ честь его, остывшій стулъ
Подъ первымъ гостемъ согрѣваютъ.

НАСЛАЖДЕНИЕ ВОООБРАЖЕНІЕМЪ.

Мой міръ: мое воображеніе!
Съ прилетной Музою, мечты
Моя вся жизнь и наслажденіе,
Моя вся радость и цвѣты!

Едва послушу въ небѣ гостью,
И думы встрѣчу ей пошли!
И сыплю полною я горстью
Предъ ней сокровища земли:
Восторгъ, любовь и обаянье
Въ умѣ раскинувшихся сновъ!
И рѣмы съ рѣмой сочетанье,
И звуки мѣрные стиховъ
Незамѣчаемо ложатся
Подъ бысролетное перо;
И искры искрами плодятся;
И слезы наполняютъ дно
Души, взбунтованной въ тревогъ!

И въ этомъ мысленномъ чертогѣ:
То, въ струнномъ строѣ золотомъ,
Звуча, заоблачная лира;
То сцены шумъ и снимокъ міра
За театральнымъ полотномъ;
То простодушный кликъ народа,
То страсть любви и красота,
И въ женскихъ ручкахъ лукъ Немврода,
И въ сердцѣ женскомъ пустота;
То на кровавомъ полѣ битва,
То упованье и молитва
И горе немощи земной,
Съ надеждой жизни и мечтами,
Проходятъ стройными рядами,
Кружатся хоромъ предо мной,
Въ моихъ рисуются видѣньяхъ.
Душа ихъ любить и зоветъ, —
И что мнѣ нужды: ядъ иль медь
На окружающихъ растеньяхъ?

К О С Н У.

Сонъ! Божество благодатное! Млечный твой сокъ,
Изъ тьмою окрашенныхъ зеренъ, выжми въ мой кубокъ!
Дай имъ напиться, жажду души утолить;
Ту жажду, которой ни въ чемъ не имѣть утоленья,
Кромѣ безмолвныхъ, вѣчныхъ за гробомъ ночей!

1842 г.

МЕЧТАНІЕ УЗНИКА.

Въ свѣтѣ есть узникъ! Оковы сковали страдальцу
Тайна сердечная, злоба людскаго коварства;
Полная хищной и въ страсть перешедшей корысти,
Страшная власть похитателей буквы закона! —
Терпитъ и ждетъ, обращая все взоры къ востоку:
Скороль надъ міромъ тамъ солнце поднимется правды?
Скоро ль туманъ сихъ рѣчей и дѣяній разбросить,
Копья златыя вонзивъ въ нихъ блестящаго диска?

1851 г.

К О Н Е Ц Ъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ:

Стран:

Предисловіе	I.
Взглядъ на первое, напечатанное подъ фирмою « <i>изданія любителя</i> », сочиненіе К. С. Аксакова: « <i>Олегъ подъ Константинополемъ, драматическая пародія, въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ прологомъ</i> »	VII.
Пояснительная статья о Славянскомъ баснословіи, къ напечатанной въ этой книгѣ первой части литературнаго представленія: «Чудо Перуна».	XXI.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ «СШИТЫХЪ ТЕТРАДЕЙ»:

Мечта о поминкахъ, стихи, написанные авторомъ вмѣсто предисловія къ «сшитымъ тетрадамъ»	5.
О творчествѣ въ искусствѣ, изъ предисловія къ трилогіи: «Часы съ флейтой»	9.
Первая часть трилогіи: «Часы съ флейтой».	23.
Я умеръ, стихотвореніе	65.
Нимфодора, простонародная русская повѣсть, въ стихахъ	67.
Преложеніе молитвы: «Господи и Владыко живота моего».	118.

Чудо Перуна, лирическое представлѣніе въ двухъ частяхъ. Часть первая: Заряна	121.
Нѣтъ одного: отпускъ семейства, испанская элегія.	152.
Отрывки изъ драматической фантазіи — Эралажъ: приключеніе знаменитаго артиста, или недокон- ченный бенефисъ одного изъ первыхъ любимцевъ русской публики:	

Предварительныя понятія о піесѣ	157.
Примѣчаніе объ Ихтіосаврѣ и Бованіи.	165.
Отрывокъ первый (Родослонъ и Красавица)	169.
Отрывокъ второй (Цвѣты и деньги, Идиллія)	193.

XVI Отдѣльныхъ стихотвореній:

Курная изба, во время зимней военной стоянки	221.
Обманъ уединенія	224.
Мой демонъ, подраженіе Пушкину	227.
Делія	228.
Застольные стихи, по случаю производства автора въ Маіоры	230.
Посланіе, въ отвѣтъ на записку въ стихахъ.	239.
Три рожи, пародическое подражаніе «тремъ ро- замъ» Веневитинова	238.
Метеоръ	241.
Дружба и любовь.	243.
Жизненный вопросъ, сонетъ	245.
Мечта и жизнь, станцы	246.
Мой посохъ	248.
Могилы друзей.	250.
Наслажденіе воображеніемъ	252.
Ко сну	253.
Мечтаніе узника	254.

НУЖНО ИСПРАВИТЬ,

въ особенности обозначенное звѣздочками:

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ быть:</i>
XXII	25	лѣсныя	лѣсныя
31	14	простакъ	простака
47	18	го	его
69	8	невинность	невинность
*145	25	въ мракѣ	мраку
154	2	Ералажа	Ералажъ
158	18	<i>Режиссеръ долженъ быть помѣщенъ не въ число дѣйствующихъ въ водевилѣ, а на 159 страницѣ, передъ девятою строкою.</i>	
*206	22	невидимымъ	невиданнымъ
*232	7	бы	мы
236	2	полученую	полученную
238	12	харить	Харить

Издатель обязывается присовокупить, въ оправданіе типографіи, что онъ самъ держалъ корректуру.

Сверхъ того пропущены **имѣ** на XXXII страницѣ, въ списокъ славянскихъ божествъ, упомянутыхъ въ пісѣхъ «Чудо Перуна»:

Д а ж б а, или **Д а ж б о г ъ**: посылавшее земныя блага божество.

Д о г о д а, или **П о г о д а**: Славянской Зефиръ.
